

**АНТИЧНОСТЬ И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ**

Межвузовский сборник научных трудов

Н. НОВГОРОД 1991

Министерство образования РСФСР

Нижегородский ордена Трудового Красного Знамени
государственный педагогический институт им. М. Горького

АНТИЧНОСТЬ И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
СОЦИАЛЬНО - ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Межвузовский сборник научных трудов

Н. НОВГОРОД 1991

УДК 93+940.1

Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы: Межвузовский сборник научных трудов. — Н. Новгород: НГПИ им. М. Горького, 1991. — 149 с.

В сборнике представлены статьи, посвященные исследованию социально-политических и этнокультурных проблем истории античного и раннесредневекового обществ. Ценность материалов, включенных в сборник, обусловлена тем, что авторы анализируют такие аспекты истории античности и раннего средневековья, которые либо не являлись предметом изучения в отечественной историографии, либо остаются дискуссионными.

Сборник адресован историкам и филологам — работникам вузов, молодым исследователям, учителям средней школы, студентам.

Редакционная коллегия: докт. ист. наук, проф. Е. В. Кузнецов; докт. ист. наук, проф. В. М. Строгоцкий (отв. редактор); докт. ист. наук, проф. Э. Д. Фролов; докт. ист. наук, проф. Г. Л. Курбатов; канд. ист. наук, доц. В. М. Меженин (отв. секретарь)

Рецензенты: канд. ист. наук, доц. С. К. Сизов (НГУ им. Н. И. Лобачевского); докт. ист. наук, ведущ. науч. сотр. И. Н. Осинковский (ИВИ АН СССР); канд. ист. наук, доц. Э. М. Фильченкова (НГПИ им. М. Горького)

Тема социально-политических и этнокультурных процессов в античности и раннем средневековье находится в центре внимания советских антиковедов и медиевистов. Статьи сборника, касающиеся раннего средневековья, исследуют вопросы, являющиеся объектом рассмотрения участников XVIII Международного Конгресса византинистов (Москва, август 1991 г.).

Исследование таких аспектов указанной темы, как социально-экономические и политические отношения в античном и средневековых европейских обществах, особенности развития общественно-политической мысли, философские проблемы исторической науки, роль религии в становлении античных и средневековых государств в Европе, изучение и анализ источниковедческих материалов традиционно для кафедры всеобщей истории Нижегородского государственного пединститута им. М. Горького. Разработка этих проблем начала осуществляться под непосредственным влиянием чл.-кор. АН СССР, проф. С. И. Архангельского и его коллеги проф. Н. П. Соколова.

Интерес к этим проблемам, наметившийся в трудах С. И. Архангельского, посвященных аграрным отношениям в Англии XVII в. и в России XVII—XIX вв., социальной истории Флоренции и политическому учению Макиавелли, поддержал и развил Н. П. Соколов, избрав предметом своего исследования возникновение Венецианской колониальной империи, историю христианской церкви в IV—V вв. и др. В 1990 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Н. П. Соколова, и мы с большим удовлетворением отмечаем тот огромный вклад, который внесли Н. П. Соколов вместе с С. И. Архангельским в дело становления и развития антиковедения и медиевистики в Нижегородском пединституте.

УДК 938

Н. Ю. Старкова (Удмуртский университет)

ВЛИЯНИЕ I МЕССЕНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СПАРТЫ

Начало спартанской истории — завоевание дорийцами плодородной долины Еврота. (В традиции — возвращение Гераклидов). С историей архаической Спарты связаны многочисленные проблемы. Например, отношения между дорийским и ахейским населением Лаконии, возникновение илотии, покорение пограничных областей, в которых позднее жили периеки, интерпретация приведенной Плутархом Большой ретры, ход и результаты обеих Мессенских войн, происхождение эфората — все это вызывает многочисленные дискуссии. Виктор Эренберг,

один из лучших знатоков истории Спарты, назвал вопросы происхождения спартанского полиса «видом интеллектуальной гимнастики»¹. И все-таки, по мнению П. Оливы, в последние 20—30 лет основные контуры истории архаической Спарты стали яснее².

Мессенские войны, являясь неотъемлемой частью этой истории, представляют собой одну из наиболее трудных для решения проблем.

В исторической литературе сложилось два противоположных мнения о I Мессенской войне. Согласно одному из них, I Мессенская война была продолжением эпохи дорийского завоевания Пелопоннеса³.

Другие исследователи оценивают эту войну как альтернативу Великой греческой колонизации и считают ее результатом агрессивных и экспансионистских устремлений дорийской Спарты⁴. Мы придерживаемся второго подхода и считаем, что ко времени I Мессенской войны завершился этап оформления полиса в Спарте.

Многие особенности общественного строя Спарты были связаны с дорийским переселением (деление на 3 филы, формирование двойной царской власти и т. д.).

Своеобразие ранней спартанской истории заключается в том, что здесь главным фактором социально-экономического и политического развития была война. Она являлась, как отмечал К. Маркс, «той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется <...> для того, чтобы захват этот защитить и увековечить»⁵.

Осуществление обеих этих целей вместе взятых и предусматривали длительные войны, которые вели спартанцы в архаический период. Для успешного ведения такой войны община, состоящая из ряда семей, организовывалась, как говорит К. Маркс, «прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация и такая организация являлась одним из условий ее существования в качестве собственности. Концентрация жилищ в городе — основа этой организации»⁶.

Вместе с синоикизмом и завоеванием ахейских поселений дорийцы утвердили свое господство в Лаконике, и теперь возникли предпосылки для формирования спартанского полиса. После завоевания южной части долины Еврота образовалась территория, необходимая для функционирования аграрного полиса⁷.

Результатом завоевательной политики стала дифференциация населения, по крайней мере, на 3 группы: аристократы, свободные общинники, несвободные категории (периеки, илоты).

Таким образом, в процессе завоевания и укрепления дорийского господства в Лаконике были заложены основы экономи-

ческой и социальной организации и своеобразной идеологии спартанского полиса.

Важнейшим документом, свидетельствующим о становлении спартанского полиса, является так называемая Большая ретра Ликурга. Связь ее с именем Ликурга достаточно условна. Сам текст ретры представляет значительный интерес. Ее содержание передает Плутарх (Лук. 6). Существуют многочисленные дискуссии по проблемам хронологии, содержания и значения Большой ретры. Мы разделяем мнение тех исследователей, которые относят ее к VIII в. до н. э. (Г. Бузольт, П. Олива, Ф. Кихле, В. М. Строецкий, Э. Д. Фролов и др.)⁸.

Таким образом, Спарта в VIII в. шла по пути, характерному для всего греческого мира, не только не отставая, но в некоторых отношениях даже опережая остальных. Большая ретра — важный документ, зафиксировавший появление спартанского полиса.

Новым этапом в истории архаической Спарты была I Мессенская война. Современное суждение, что попытки установить точные даты этой войны едва ли могут быть успешны. Можно лишь с определенной долей уверенности говорить, что античная традиция (Ephor, frg. 216, Isokr. Archid. 27, Just. III, 4, 5) в большинстве своем позволяет отнести начало I Мессенской войны ко второй половине VIII в. (40—20 гг. VIII в. до н. э.). Анализ археологического материала произведен П. Кэртлиджем. На время 760—740 гг. приходится переворот в материальной культуре Спарты. Наблюдается разрыв между протогеометрическим и позднегеометрическим стилем. Местная традиция керамического производства меняется под аргосским и коринфским влиянием. Причины этого изменения, по мнению автора, лежали также в социальной сфере и были связаны со структурными изменениями в спартанском обществе. Местный стиль имел застойный характер вследствие географической изоляции. Резкие изменения связаны с началом экспансионистской политики, достигшей своего апогея в период Мессенских войн⁹.

Таким образом, данные традиции и археологический материал дополняют друг друга по этому вопросу.

Причины войны в общем такие же, какие вызвали Великую греческую колонизацию. Рост населения Спарты, нехватка земли вели к обострению социальных противоречий. Спартанцы, имея опыт успешного покорения Лаконии, видели в экспансии и подчинении соседних территорий главное средство решения проблемы нехватки земли. Такая политика не имела аналогов в Греции. Полибий заметил: «спартанцы чуть ли не самими первыми покусились на земли своих соседей и начали войну против мессенцев, стремясь поработить их» (Polyb. IV, 49). Цель завоевательных войн нашла отражение в заявлении

Полидора «Иду на неподеленные земли» (Plut. Apophth. Lac. P. 231).

Мессенская война длилась, по преданию, 20 лет и закончилась победой Спарты. Сведения об этапах войны сохранились во фрагментах Тиртея (fig. 4, 5), Диодора (VIII, 1, 7, 12, 13), Плутарха (Agis 21), Павсания (IV, 5—13). Во время войны в Спарте, по-видимому, сложилась напряженная ситуация. Следы предания о внутривойсковом кризисе времени I Мессенской войны сохранились в истории парфениев. Юстин заметил: «...вопреки ожиданиям спартанцев осада затянулась на целые 10 лет». (Just. III, 4, 3).

Вопрос о результатах I Мессенской войны имеет большую актуальность. Существуют два противоположных подхода к их оценке. Традиционным является мнение о том, что Спарта завоевала всю территорию Мессении, обратив ее население в илотов¹⁰. Некоторые данные имеются в пользу мнения о том, что завоевание Мессении было поэтапным и закончилось к концу VII в.н.э.

После I Мессенской войны полностью была завоевана долина реки Памис (область Стениклара). Население ее было, по-видимому, обращено в илотов. Области севернее, западнее и южнее находились в разной степени зависимости от Спарты. Существовали независимые территории — Андания, Пилос, Мефона, Короне. Образовались новые периэксские земли, были созданы колонии (например, Азина).

Не менее важно также выяснить, как повлияли события I Мессенской войны на внутреннее состояние Спарты. На рубеже VIII—VII вв. для нее наступили трудные времена. Поиски эуномии (благозаконония) были главным содержанием того периода. Это подтверждает своей поэмой Тиртей. Античная традиция сообщает о недовольстве, царившем в Спарте после I Мессенской войны (Arist. Pol. V, 1306; Paus. IV, 14, 1).

Несомненно, что в Спарте существовало расслоение внутри гражданской общины. Наибольшую дискуссию вызвал вопрос о положении аристократии. Многие исследователи, абсолютизируя роль «общины равных», не находили в Спарте места для аристократии¹². Так, по мнению У. Вилламовиц-Мёллендорфа, в Спарте не было знатных родов, все были Гераклиды¹³. Однако уже Г. Бузольт и Г. Свобода, а затем Г. Берве развили мысль о том, что аристократия в Спарте в VIII в. играла такую же роль, как и повсеместно в Греции. Он считал, что 28 геронтов — это представители 28 знатных родов¹⁴.

В источниках можно найти подтверждение гипотезе о социальном расслоении внутри гражданского коллектива классической Спарты. Так, Геродот сообщает: «Спартанцы Сперфия и Булис, сын Николая, люди знатные по происхождению и очень богатые, добровольно вызвались дать Ксерксу удовлетво-

рение» (Hdt. VIII, 134). Подобные сведения имеются и у Фукидила (Thuc. 108, 7), Ксенофонта (Lac. Pol. 14, 4), Плутарха (Nik., 10).

Существование царской власти в Спарте, несомненно, подтверждает наличие в ней наследственной аристократии, прежде всего из числа родственников царей, принадлежавших к царским домам Агиадов и Еврипontiдов¹⁵.

Несомненно, I Мессенская война усилила процессы дифференциации внутри гражданского коллектива и обострила ситуацию в полисе. Г. Мичелл, анализируя эти вопросы, приходит к выводу, что плодами победы над Мессенией были кризисы после 1 и 2 Мессенской войн¹⁶. По мнению Ю. В. Андреева, борьба за Мессению была долгой и упорной. После I Мессенской войны спартанцы принудили жителей Мессении к уплате дани, составлявшей половину получаемого ими ежегодного урожая. Часть мессенских земель, возможно, была поделена на клеры. Однако этого было недостаточно, чтобы удовлетворить всех нуждающихся в земле. В Спарте начались распри, сопровождавшиеся призывами к переделу земли¹⁷.

По-видимому, основное содержание периода — борьба между имевшими землю и безземельными. В условиях античной общины это был конфликт между старыми и новыми гражданами, на что неоднократно указывал Аристотель (Arist. Pol. III. 1283в. IV. 1290в. V. 1302а, 1304а, 1307а). Античная традиция сохранила очень важное сообщение о предложении Полидора по разделу земли между спартанскими гражданами (Paus. III, 3, 2)¹⁸. По-видимому, речь идет о перераспределении земли. Ведь земля Лаконии уже была разделена на клеры. Завоевание долины Стениклара сделало знать обладателями еще больших наделов. Это вызвало недовольство рядовых спартанских граждан, требовавших передела земли. Полидор, стремясь ослабить влияние знати и заручиться поддержкой граждан в целях усиления царской власти, предложил аграрную реформу. Плутарх заметил, что клеров было 6000, а Полидор довел их до 9000 (Luk. 8). Неудивительно, что число клеров в результате победоносной войны должно было вырасти; вызывают дискуссии цифры, названные Плутархом. Вместе с Феопомпом Полидор осуществил конституционную реформу: было сделано дополнение к Большой ретре. Плутарх заметил, что толпа разного рода изъятиями и прибавлениями стала искажать и уродовать утвержденные решения, и цари Полидор и Феопомп сделали к ретре такую приписку: «Если народ постановит неверно, старейшинам и царям распустить». (Luk. 6)¹⁹. Дополнение к ретре было вызвано следующими обстоятельствами. Во-первых, аристократия, которая активно участвовала в I Мессенской войне, укрепила свои позиции. Ограничивая роль народного собрания (где влиятельные пози-

ции занимала аристократия), царская власть стабилизировала свое положение. Таким образом, дополнение к ретре было направлено на усиление царской власти. Во время правления Феопомпа началось составление списка эфоров. По-видимому, это тоже связано с реформами Полидора, который в лице эфората стремился создать институт, противостоящий геронтам. Ведь в отличие от герусии, куда избирались только знатные спартиаты, эфорат избирался из всех спартанских граждан²⁰.

Возможно, реформы Полидора касались и армии. При нем она уже строилась не по трибам, а по обам. Аристократы, недовольные складывающейся ситуацией, убили Полидора, может быть, воспользовавшись тем, что в войне с Аргосом (битва при Гисиях ок. 669 г.) он потерпел поражение²¹.

Античная традиция сохранила еще одно событие, вызванное I Мессенской войной и отразившее внутренние противоречия в Спарте. Это основание колонии в Южной Италии. Тарент был самой крупной и едва ли не единственной колонией Спарты. Правда, источники далеко не единодушны в освещении этого события. Одни авторы (Ephor. 216; Arist. Pol. V. 1306B, Dion. Hal. XIX, 112; Diod XV 66; Strab. VI, 3, 3; Just III, 5, 6) говорят об основании города парфениями, которые, не получив уравнивания в правах с гражданами Спарты, попытались вместе с илотами организовать заговор.

Когда намерения заговорщиков были раскрыты, они вынуждены были отправиться в изгнание и приняли участие в основании Тарента²². В других случаях античные авторы указывают, что город был основан эпейнактами.

«Эпейнакты» (наложники) — те илоты, которые получили свободу за свой брак с вдовами спартанцев во время I Мессенской войны. Так, Диодор пишет: «Эпейнакты договорились с Фалантом, что они поднимут восстание на рыночной площади, как только Фалант в полном вооружении поднимет шлем на лоб» (Diod. VIII. 21)²³. Заговор раскрыли и его участники, по совету Дельфийской пифии, отправились искать новые земли в Тарент²⁴.

Нам представляется, что обе эти традиции — о парфениях и эпейнактах, дополняют друг друга²⁵.

Связь заговорщиков с культом Аполлона Амиклейского и праздником Гиакинфий бесспорно указывает на то, что в заговоре участвовала какая-то часть спартанской аристократии. Антиох Сиракузский подчеркивает связь тарентинцев с культом в Амиклах (frg. 13). Исходя из этого предположения, можно попытаться объяснить отсутствие лаконского экспорта в Таренте вплоть до середины VI в.²⁶ Обычно колонии поддерживали более тесные связи с метрополией. В Таренте отсутствуют предметы лаконского производства. Возможно, это ре-

зультат того факта, что колония была основана политическими эмигрантами.

Трудно сказать, в какой степени достоверны детали истории об эпейнактах и парфениях. Однако факт заговора и уход в изгнание определенной части спартиатов, несомненно, отражают сложную внутривнутриполитическую ситуацию после I Мессенской войны.

И все-таки имелся важный позитивный момент для развития спартанского полиса. Многократно увеличилась его территория, появилась новая группа зависимого населения (мессенские илоты).

Вопрос о происхождении и первоначальном социальном статусе илотов требует специального исследования. Отметим здесь лишь один аспект проблемы. По-видимому, в Спарте существовали две группы илотов: лаконские и мессенские. Фукидид заметил: «Большинство илотов были потомками обращенных в рабство древних мессенян» (Thuc. I, 101). Из этого сообщения следует, что были также илоты немессенского происхождения. Важно подчеркнуть, что по отношению к мессенским илотам даже древние авторы не всегда употребляли термины, обозначающие их зависимое положение. Так, Геродот много раз сообщает о войнах спартанцев с мессенцами (III, 47; V, 49; IX, 35, 64). При этом он не подчеркивает различия между мессенцами, аркадцами, аргивянами и самосцами. Особенно показательны в этом отношении слова, которые он вкладывает в уста Аристагора: «...стоит ли вам (лакедемонянам) из-за области небольшой, не столь благодатной и заключенной в узкие пределы, вступать в битвы с мессенцами, которые к тому же равносильны вам» (Hdt. V, 49). Итак, по-видимому, для зависимого населения Лаконии изначально существовал термин «илоты», а мессенских илотов, появившихся позднее, в период Мессенских войн, часто называли просто мессенцы. Несомненно, что лаконские илоты, возникшие в результате порабощения ахейцев, постепенно были доризированы и забыли о своей этнической принадлежности. Для спартанцев они всегда оставались только илотами. Мессенские илоты — порабощенное доризированное население. Поскольку окончательное покорение Мессении произошло только в конце VII в., то мессенцы, несомненно, помнили о своем этническом происхождении и былой свободе и всегда питали к Спарте ненависть и вражду.

Современные исследователи, отмечая существование двух групп спартанских илотов, обращают внимание²⁷ на социально-экономические и юридические аспекты проблемы.

Появление новой группы илотов — важнейший исток Мессенской войны, повлиявшей на развитие спартанского полиса.

Успешно преодолев все внутренние трудности, Спарта стала доминирующей силой в южном Пелопоннесе.

Примечания и литература

- ¹ Ehrenberg V. From Solon to Sokrates. — London, 1973. — P. 389.
- ² Oliva P. Die «Lykurgische» Vervassung in der griechische Geschichtsschreibung der klassischen Zeitperiode // *Klio*. — 1984. — N 2. — S. 584.
- ³ Busolt G. — Swoboda H. Griechische Staatskunde. — München, 1926. — S. 639; Berve H. Sparta. — Leipzig, 1937. — S. 73; Forrest N. G. History of Sparta 950—195 B. C. — London, 1968. — P. 175; Jeffery L. H. Archaic Greece. The city-states 700—500 B. C. — London, 1978. — P. 114—115.
- ⁴ Ehrenberg V. Sparta // RE. III. A. 1928. Sp. 1378 ff.; W. Norwinn. Zur Geschichte der spartanischen Eunomia // *Classika et Mediaevalia*. — Vol. +: — 1939. — S. 273—274; Bengtson H. Griechische Geschichte. — München, 1969. — S. 58; Weber C. Die Spartaner: Enthüllung einer Legende. — Düsseldorf — Wien, 1974. — S. 15—27. Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. — Л., 1988. — С. 144—155.
- ⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 46. — Ч. 1. — С. 465.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Об этапах завоевательной политики см. Ephor. 117, Strab. VIII, Paus. III, 2, 7. Территория оценивается в 800—900 км², плодородная земля — 60 км², предполагаемое число клеров — 1400 (Ehrenberg V. Spartiaten und Lakedeimonier // *Hermes* — 1924. — 59).
- ⁸ Busolt G. — Swoboda H. Op. cit. — S. 648 ff.; F. Kiechle Lakonia und Sparta — München, 1963. — S. 133 ff.; Oliva P. Sparta and her social Problem. — Prague-Amsterdam, 1971. — P. 96—97; Строецкий В. М., рецензия на книгу Oliva P. Sparta and her social Problems // ВДИ. 1973. — № 4. — С. 195. Фролов Э. Д. Указ. соч. — С. 129—130.
- ⁹ Cartledge P. Sparta and Lakonia. A Regional History 1300—362 B. C. — London, 1979. — P. 214.
- ¹⁰ Norwinn W. Op. cit. — 277 ff.; Toynbee A. Some problems of Greek History. — London, 1969. — P. 180. По мнению этих исследователей, трудно иначе объяснить начало 2 Мессенской войны, которую традиция освещает как восстание илотов.
- ¹¹ Подобную оценку этим событиям дают Kiechle F. Messenische Studien. — Kallmunz, 1959. — S. 120—121; Forrest N.G.L. Op. cit. — P. 32—36; Jeffery L. H. Op. cit. — P. 113—115 и др. авторы.
- ¹² Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte. — Bd. 1 — Halle, 1892. — S. 255; Kahrstedt U. Griechische Staatsrecht. — Göttingen, 1922. — Bd. 1. — S. 353.
- ¹³ Willamowitz U. — Moellendorf. Staat Gesellschaft der Griechen. — Leipzig, 1923. — S. 75.
- ¹⁴ Busolt G. — Swoboda H. Op. cit. — S. 652; Berve H. Op. cit. — S. 19.
- ¹⁵ Подробнее об этом: Kiechle F. Lakonia und Sparta — S. 133—140; Starr Gh. G. The economic and social growth of early Greece 800—500 B. C. — Oxford, 1977. — P. 169; Oliva P. Op. cit. — P. 102—139; Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса // Вестн. ЛГУ. — 1973. — № 8. — Вып. 2. — С. 54; Строецкий В. М. Указ. соч. — С. 196.
- ¹⁶ Michel H. Sparta. — Cambridge, 1952. — P. 10.
- ¹⁷ Андреев Ю. В. Архаическая Греция // История Европы. — М., 1988. — С. 250—251.
- ¹⁸ По мнению Х. Шефера, предание указывает на Феопомпа как победителя 1 Мессенской войны, но оба царя (Феопомп и Полидор) занимались конституционной деятельностью (Schaefer H. Polydoros RE. — Stuttgart Bd. 21. — 1952. — S. 1609 — 1611 ff.).
- ¹⁹ Существует дискуссия об этом дополнении. Точка зрения о том, что оно было принято вместе с ретрой и является его частью, полнее других

выражена у В. Эренберга. // Ehrenberg V. Neugrunder des Staates. — Leipzig, 1921. — S. 27—28. Большинство современных исследователей считает достоверной традицию о дополнении, сделанном после 1 Мессенской войны // Heerstedt E. N. The Legend of Sparta in classical antiquity. 1 — Stockholm, 1965. — P. 59. — Anm. 421; Oliva P. Op. cit. — P. 98—102.

²⁰ Об эфоре: Tigerstedt E. N. Op. cit. — P. 636. — Anm. 486. Однако мы не согласны с выводами автора о том, что эфорат имел антимоноархический характер.

²¹ По традиции Полидор был убит спартанцем Полемахом (Paus. III, 3, 3). Об участии Полидора в войне с Аргосом.

²² Подробный анализ этого предания у Г. Бузольт, который, однако, отказывается прийти к определенному заключению. Busolt G. Griechische Geschichte. — Gotha, 1893. — Bd. 1. — S. 689.

²³ Перевод В. М. Строецкого.

²⁴ Об эпейнаках подробнее: Szanto «επειναρχ, τοι» // RE. — V. II. — Stuttgart, 1905. Валлон А. История рабства в античном мире. — М., 1941, — с. 42. Г. Мичелл, к примеру, полагает, что это были илоты, которым в вознаграждение за службу были даны гражданские права. Подобная категория была в Сикионе — катонакофоры. Michell H. Op. cit. — P. 85—87.

²⁵ Об основании Тарента: Kiechle F. Lakonia and Sparta. — S. 176—177; Tigerstedt E. N. Op. cit. — P. 61; Toynbee A. Op. cit. — P. 222; Фролов Э. Д. Указ. соч. — С. 145.

²⁶ Lane E. A. BSA. — 1934/35. — Vol. 34. Информация приводится по изд. Kiechle F. Lakonia and Sparta. — S. 183.

²⁷ Lotze D. «Metaxy eleuteron kai doulon» // Studien zur Rechtstellung unfreier Landsbefolkung in Griechenland bis zum 4 Jahrhundert v. Chr. Berlin, 1959. — S. 72—73; De Ste Croix G.R.M. The origins of the Peloponnesian War. — London, 1972; Claws M. Sparta: Eine Enthüllung in seine Geschichte und Zivilization. — München, 1983. — S. 18—20. Строецкий В. М. К интерпретации свидетельства Диодора Сицилийского (Diod. XI, 60—65, 70) о росте Афинского могущества в середине V в. до н. э. и восстании рабов в Спарте // Из истории античного общества: Межвуз. сб. науч. тр. — Горький, ГГУ, 1986. — С. 18. — Прим. 22.

УДК 938

М. Ю. Лаптева (Тобольский пединститут)

ТИРАНИЯ В АРХАИЧЕСКИХ ЭРИФРАХ

Среди проблемных сюжетов по истории архаической Греции особым вниманием как в зарубежном, так и в отечественном антиковедении отмечена тема старшей тирании. В течение последних ста лет представления о тиранических формах правления в архаический период складывались на материале преимущественно Балканской Греции и Сицилии. Тирании же в полисах Малой Азии, в особенности Ионии, гораздо реже попадали в поле зрения исследователей. Показательно, что из более чем двух десятков старших ионийских тираний обстоятельно изучена лишь тирания Поликрата на Самосе¹.

Эта ситуация объясняется во многом фрагментарностью и недостаточной информативностью источников: о большинстве ионийских тиранов нам неизвестно ничего, кроме имен и спо-

соба завоевания власти. Впрочем, о правлении некоторых из них сохранились рассказы (главным образом, позднеантичных авторов), повествования, в которых через полудегендарную завесу проступают некоторые реальные подробности облика тиранов и их правления.

Одним из таких ценных свидетельств представляется рассказ уроженца Эрифры Гиппия² относительно установления в этом ионийском городе тиранической формы власти. Фрагмент из первой книги истории Эрифры Гиппия сохранился в переложении Афиней (74—75, р. 258f — 259 f).

Гиппий рассказывает, что против басилея Эрифры Кнопа составили заговор трое его приближенных: Ортиг, Ир и Эсхар. Однажды, когда Кноп поехал в Дельфы, они, находясь на корабле в его свите, связали басилея и бросили в море. Затем они направились на Хиос, взяли отряд у хиосских тиранов Амфибла и Политекна и тайно вернулись в Эрифры. Во время всенародного праздника Артемиды Строфеи по сигналу трубы крепость Эрифры была захвачена Ортигом и его сторонниками, многие из друзей Кнопа убиты, а жена басилея, Клеоника, бежала в Колофон. Ортиг, Ир и Эсхар утвердили в Эрифрах свою тиранию. С помощью хиосского отряда они уничтожили всех противящихся им, отменили действующие законы и стали управлять Эрифрами по своему произволу.

Тираны, как пишет Гиппий, не допускали граждан в верхний город, за стенами же его, перед воротами, они построили дикастерии и вершили суд, надев пурпурные плащи и хитоны, окаймленные пурпуром. Тираны носили роскошные одежды, вычурную обувь, золотые украшения, подобные женским, отпускали длинные волосы, укладывая их локонами и перехватывая диадемами. Ортиг и его соправители заставляли одних эрифрян носить их носилки, других — сопровождать, третьих — идти впереди, расчищая путь. В своих бесчинствах тираны дошли до того, что приказывали гражданам приводить к ним своих жен и дочерей, принуждали к сожительству юношей, неповинуящихся же казнили. Когда кто-нибудь из приближенных тиранов умирал, эрифрян, истязая бичами, заставляли с громкими воплями оплакивать их.

Так продолжалось, заканчивает свой рассказ Гиппий, до тех пор, пока не вернулся с отрядом брат убитого басилея Кнопа, Гиппот. Гиппот, поддержанный эрифрянами, истребил тиранов и их приверженцев, после чего восстановил прежние порядки.

В истории эрифрской тирании, рассказанной Гиппием, прежде всего обращают на себя внимание те характерные особенности власти тиранов и их правления, которые хорошо известны по классическим образцам старших тираний Балканской Греции и Ионии, перекликаются с ними и порой совпадают

даже в подробностях. Это касается, прежде всего, способа захвата власти и политики тиранов.

Отметим, во-первых, что тирания Ортига, Ира и Эсхара возникает в результате заговора и насильственного захвата власти. Аналогичную ситуацию мы видим в Афинах: попытка установления тирании Килоном (Her., V, 71; Thuc., I, 126), приход к власти Писистрата (Arist. Athen., pol., 14, 1); а также на Самосе — узурпация власти Поликратом и его братьями (Polyaen., I, 23)³. Сходным образом, вследствие заговора и свержения правящего царского рода Басилидов, утверждается тирания Пифагора в Эфесе (Baton Sinop., Fgr Hist 268 F3).

Далее, эрифрские тираны опираются на военную помощь аристократии других государств, подобно Писистрату (Arist., Athen., pol., 15, 2; Her., I, 61) и Поликрату (Her., III, 45; Polyaen., I, 23):

Используя силы извне, тираны уничтожают своих политических противников. Параллельные факты мы встречаем в истории правления ионийских тиранов Фрасибула (Her., V, 92) и Пифагора (Baton Sinop., Fgr Hist 268 F3), соответственно в Милете и в Эфесе.

Ортиг и его соправители притесняют сограждан, подвергают их всевозможным унижениям. Аналогичные примеры можно найти в политике афинских Писистратидов (Thuc., VI, 54—56; Arist. Athen., pol., 18—19), коринфского тирана Периандра (Her., V, 92), Поликрата на Самосе (Her., III, 44—45).

И, наконец, рассказ о роскошном быте эрифрских тиранов напоминает сведения античных авторов о богатстве и пышности двора самосского тирана Поликрата (Her., III, 40—41, 123, 131, 142; Aelian., IX, 4; XII, 25; Athen., XII, 57, р. 540 d-f).

Вместе с тем эрифрская тирания в изложении Гиппия отмечена особым колоритом, который придает ей суровость тиранического режима, откровенный произвол, чинимый Ортигом и его соправителями: тираны пренебрегают существующими общинными установлениями, вершат суд по собственному произволу, открыто творят беззакония.

Заметим также, что в истории эрифрской тирании явственно выступает недемократичность социальной опоры тиранов и их политики, проникнутой не только грубым произволом и насильствиями, но и страхом перед согражданами, стремлением удерживать свою власть. В этой связи показательное, что тираны не допускают эрифрян в верхний город, фактически изолируют себя от народа. Недемократическую природу власти эрифрских тиранов подчеркивает и то обстоятельство, что Ортиг и его сторонники захватывают власть, обманув граждан, помимо воли и желания народа, а свержение тирании Гиппотом, братом убитого басилея Кнопа, совершается при поддержке эрифрян (Athen., 75, р. 259 e).

Таким образом, рассказанная Гиппием история эрифрской тирании вновь убеждает в невозможности связать старшую тиранию с потребностями и задачами демократического движения, представить ранних тиранов выразителями народных интересов, как это не раз делалось в зарубежной, и особенно советской историографии⁴.

Остается открытой проблема датировки эрифрской тирании. Одни исследователи отождествляют бацилея Кнопа с Кнопом, сыном афинского бацилея Кодра, ойкистом Эрифр времени ионийской миграции, то есть датируют историю, рассказанную Гиппием Эрифрским, серединой XI в. до н. э.⁵ Другие, в том числе Г. Хаксли, относят эрифрскую тиранию к концу VIII в. до н. э., связывая это событие с упоминанием Аристотеля об уничтожении олигархии Басилидов в Эрифрах (Arist. Pol., Vol 5, 4, p. 1305 b), управлявших после свержения тирании⁶. Л. Джеффри считает, что эрифрские события происходили в начале VII в. до н. э. и были связаны с Лелантской войной⁷.

Согласиться с первой датой не позволяет явное несоответствие характера описанных событий социально-политической ситуации XI в. до н. э., духу этого времени: период массовых миграций сопровождался не борьбой аристократических кланов за власть в общине, как это мы видим в Эрифрах, а временным усилением власти бацилеев, ойкистов ионийских поселений, консолидировавших общины ионийцев — переселенцев на новых землях⁸.

Что же касается более поздней датировки, основывающейся на сообщении Аристотеля, то следует отметить, что у Аристотеля речь идет о свержении олигархии Басилидов, в эрифрокой же истории Гиппот восстанавливает существовавшие до тиранов порядки, то есть монархию. Как долго еще просуществовала царская власть в Эрифрах и когда ее сменило правление Басилидов — неизвестно. Не определено также точное время Лелантской войны. Таким образом, следует признать ненадежность всех доводов для определения точного времени эрифрокой тирании.

Впрочем, история бацилея Кнопа, его убийства заговорщиками и установления жесткой тирании отмечена многими деталями древнего быта: откровенно насильственные методы господства тиранов, попрание ими интересов и достоинства сограждан уводят в глубокую древность. Начало архаического периода характеризовалось всеилием аристократических группировок и бесправием народной массы. Рядовые граждане греческих общин в это время еще не поднялись на борьбу против экономического гнета знати за политические права и гражданские свободы.

Подобные же мысли относительно глубокой древности эрифрской тирании рождает и описание пурпурных царских одежд

тиранов, их уложенных локонами длинных причесок, вычурной обуви и украшений. Невольно возникают ассоциации с ранне-архаическим бытом колофонской аристократии, описанным Ксенофаном: «Они шли на агору, одетые в пурпурные одежды..., гордые, красуясь изящными кудрями, облитые запахом искусно приготовленных умушений» (fr. 3 Diehl). Л. Джеффри замечает, что эрифрские тираны, так же как и колофонская аристократия, копировали лидийскую моду⁹.

В заключение несколько слов относительно места эрифрокой тирании среди других известных нам тиранических режимов архаической Ионии. Эрифрская тирания в сопоставлении с тиранией Пифагора в Эфесе, Фрасибула в Милете, Поликрата на Самосе представляет, по нашему мнению, начальную ступень, ранний тип в развитии этой формы правления в условиях архаической Ионии. Если эрифрские тираны управляют методами ничем не прикрытого откровенного насилия, грубо попирают права граждан, то Пифагор в Эфесе конца VII в. до н. э. уже вынужден считаться с народной массой. Как рассказывает Бетон Синопский, Пифагор демагогически заигрывал с народом, «обнадеживая его обещаниями и подбрасывая ему немного награбленной добычи» (Baton Sinop., Fgr Hist 268 F3).

Правление же Поликрата на Самосе, проводившего работы по украшению и благоустройству города, привлекавшего к своему двору знаменитых инженеров, архитекторов, скульпторов, поэтов, уже приобретало облик «просвещенной тирании», тяготеющей к эллинистическим образцам.

Примечания и литература

¹ В советской историографии самосская тирания подробно исследована в статье Т. Ф. Пиленковой: Раннегреческая тирания на Самосе // Проблемы социально-политической истории античности и средневековья: Межвуз. сб. науч. тр. — Уфа, 1975. — С. 3—25. Из работ зарубежных авторов см.: Barron J. The Sixth-Century Tyranny at Samos // CQ. — 1964. — Vol. 14. — P. 210—229; White M. The Duration of the Samian Tyranny // JHS. — 1954. — Vol. 74. — P. 36—43.

² Там же см. литературу по самосской тирании.

³ Как считает Якоби, он жил в эллинистический период. Труд Гиппия по истории Эрифр состоял из двух книг, первая из которых излагала историю города от основания до Ионийского восстания. — Jacoby F. Hippias von Erythrai // RE. — 1913. — Bd. 8. — Sp. 1711.

⁴ Поликрат, так же как эрифрские тираны, а позднее — Килон в Афинах, захватывает акрополь, воспользовавшись всенародным праздником.

⁵ Обзор основной литературы по старшей тирании, а также оценку взгляда на тиранию как на демократическую диктатуру см., в работе: Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. — Л., 1988 — С. 158—162.

⁶ Philippon. Erythrai // RE. — 1907. — Bd. VI. — Hbd. — Sp. 584.

⁷ Huxley G. The Early Ionians. — London, 1966. — P. 48—49.

⁸ Jeffery L. H. Archaic Greece. The City — States ca 700—500 BC — London, 1978. — P. 229.

⁹ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. — Л., 1976. — С. 66.

⁹ Jeffery L. Archaic Greece. — P. 229. Относительно эволюции форм

одежды и причесок греков к концу архаического периода см. замечание Фукидида /1, 6, 3/. См. также: Gomme A. W. A. Historical Commentary on Thucydides. — Oxford, 1945. — Vol. 1. — P. 101—103.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГИПИЙ О ТИРАНИИ В ЭРИФРАХ

(Афиней, 74—75, р. 258—259)

Пер. М. Ю. Лантевой

74. Гиппий Эрифрский во второй из своих историй о родине, описывая, как власть бацилея Кнопа была ниспровергнута его льстецами, рассказывает следующее. «Когда Кноп спросил об обеспечении безопасности, бог дал прорицание принести жертву Гермесу Коварному. Затем, когда Кноп отправился в Дельфы, некие люди задумали ниспровергнуть его власть, чтобы установить олигархию. Это были Ортиг, Ир и Эсхар, которых прозвали «сущими брехливыми псами и льстецами» по той причине, что они были в свите. Они сопровождали Кнопа; когда уже далеко были от берега, связали Кнопа и бросили его в море. А затем, зайдя на Хиос и взяв войско у тамошних тиранов Амфикла и Политекна, ночью вернулись в Эрифры. В это время тело Кнопа было выброшено к Эрифрам на берег, который сейчас называется Леопод. В то время, когда жена Кнопа Клеоника совершала погребение тела, был праздник, и многолюдное шествие шло к Артемиде Строфее. Внезапно послышался звук трубы, и когда крепость была захвачена сторонниками Ортига, многие из друзей Кнопа были убиты, а Клеоника, услышав об этом, бежала в Колофон. 75. Тираны, соратники Ортига, имея войско из Хиоса, уничтожили противящихся их делам, а затем отменив законы, сами стали управлять всеми делами в городе, вовнутрь стен акрополя никого не допуская из демократов. Перед воротами с внешней стороны стен они сделали дикастерий и вершили суд, надев пурпурные покрывала и хитоны, окаймленные пурпуром. Летом они обувались в многопалые сандалии, зимой ходили в женских сандалиях, а также волосы отпускали и укладывали их локонами, перехватывая головы диадемами цвета яблок и пурпура. Они носили золотые украшения, подобные женским. Затем они стали заставлять одних граждан носить их на носилках, других — сопровождать, третьих — расчищать путь. Кроме того, они стали приглашать юношей из граждан для общения, приказывали приводить для них жен и дочерей граждан, а неповинующихся наказывали смертью. Если кто из их гетерии умирал, они, собрав граждан с женами и дочерьми, принуждали оплакивать умерших: бить себя с воплями в грудь, кричать пронзительно и громко, — так принуждал их делать биченосец. Все это продолжалось до тех пор, пока во время праздника не пришел в Эрифры с войском Гиппот, брат Кнопа. Он с помощью эрифрян напал на тиранов и многих убил из их окружения. Ортига же убегающего заколол, а также тех, кто был с ним, жен и детей их подвергнул жестокому истязаниям. Так он отечество освободил».

УДК 938

В. М. Строецкий (Нижегородский пединститут)

БИТВА ПРИ ФЕРМОПИЛАХ. ЛЕГЕНДА И ИСТОРИЯ

Битва при Фермопилах — самый впечатляющий эпизод истории Греко-персидских войн. Подробные сообщения об этом событии мы находим у Геродота и Диодора Сицилийского, бо-

лее краткие свидетельства у других авторов (Исократ, Плутарх, Павсаний, Юстин и др.). Однако трудность использования этих сообщений обусловлена тем, что многие из них входят как составная часть в цикл исторических преданий, новелл, анекдотов о Спарте и спартанцах. В совокупности все они составляют то, что принято теперь называть «легендой» или «мифом» о Спарте¹.

Серьезному и объективному исследованию античной традиции препятствовала господствовавшая в течение длительного времени, особенно в немецкой историографии, идеализация Спарты и дорийского образа жизни. Только после Второй мировой войны в западноевропейской историографии восторжествовала тенденция к трезвой и беспристрастной оценке событий спартанской истории. Однако далеко не все проблемы решены. Одной из них и является попытка отделения мифа от истории в интерпретации античной традиции о битве при Фермопилах. В последнее время различные аспекты этой проблемы стали предметом дискуссии в западно-европейской историографии².

В данной статье мы ограничимся рассмотрением одного из дискуссионных вопросов, а именно — интерпретации заключительного эпизода битвы. Как сообщает античная традиция, персы, не добившись успеха после двух дней непрерывных атак против позиций, занятых Леонидом и его воинами у Фермопил, воспользовались услугами предателя Эпиальта из Трахина, который предложил вывести их войско в тыл греческим воинам по горной тропе (Hdt. VII. 213—214).

Источники сообщают, что о выступлении персов вместе с предателем Эпиальтом в обход эллинских позиций стало известно в лагере Леонида еще ночью (ср.: Hdt. VII. 219; Diod. XI. 8.5). Первым предсказал грядущую гибель эллинам прорицатель Мегистий, возможно, располагавший не только результатами гадания. Ночью также прибыли в лагерь эллинов персы-перебежчики с персидской стороны, сообщившие об обходном движении персов, а на рассвете, спустившись бегом с горных вершин, явились дневные дозорные. Это свидетельство Геродота вполне заслуживает доверия. Имя Мегистия и упоминание о его предсказании эллинам сохранились в посвящении Симонида Кеосского (см. Hdt. VII. 228). О перебежчике с персидской стороны говорит также Диодор и даже указывает на конкретного человека — Тирастиада из города Кимы.

Некоторые современные исследователи считают, что Диодор воспользовался в данном случае выдумкой Эфора, который таким образом желал прославить свой родной город³. Однако даже если личность Тирастиада из Кимы действительно вымышленная, тем не менее факт передачи эллинам сведений об

обходном движении персов через перебежчиков, сообщаемый Геродотом и Диодором, остается в силе.

Хигнет, исследуя геродотовскую традицию о Фермопильской битве, утверждает, что Геродот не знал о содержании сообщения, доставленного эллинам дневными дозорными⁴. Это не совсем так. Согласно Геродоту (VII. 217), персы на заре достигли того места, где находилась 1000 фокийских гоплитов. Под градом стрел фокийцы бежали на вершину горы, а персы стали поспешно осуществлять спуск (Hdt. VII. 218). Если перебежчики могли и не знать о результатах обходного движения персов, поскольку они появились в лагере Леонида еще ночью, то дозорные, прибывшие на рассвете, должны были сообщить об удавшемся маневре персов. Это даже вытекает из текста самого сообщения Геродота (VII. 219). Он особенно подчеркивает, что дневные дозорные явились в лагерь, спустившись бегом с горных вершин. Такая поспешность обусловлена тем, что они должны были сообщить очень важное известие, а именно, что фокийцы не сумели сдержать персов⁵. Это подтверждается также сообщением Геродота (VII. 219) о решении эллинов собраться на совет. Временное наречие *ἐνθαυτᾷ* указывает на то, что созыв совета был непосредственно связан с сообщением дозорных.

С этого пункта начинается существенное расхождение между Диодором и Геродотом. Диодор не упоминает ни о прощателе Мегистие, ни о дневных дозорных, прибывших в лагерь эллинов уже на заре с тревожными известиями, и подчеркивает, что совещание эллины устроили среди ночи. В отличие от Геродота у Диодора созыв совета эллинов обусловлен не известием о том, что персы успешно прошли сквозь фоккийский кордон и должны совсем скоро появиться в тылу эллинов, а только лишь сообщением перебежчика о выступлении персидского отряда в обход по горной тропе. Диодор выбирает ночное время для заседания совета, поскольку и все последующие события у него происходят ночью.

Рассмотрим более детально версию Диодора. Он говорит, что после того, как эллины, среди ночи узнав о выступлении персов в обход, сошлись на собрание и совещались о надвигающихся опасностях, мнения их разделились. Одни из них предлагали оставить проход и искать спасения у союзников. Леонид же приказал всем эллинам удалиться, а сам вместе с лакедемонянами и феспийцами решил защищать проход до последнего издыхания (XI. 9. 1—2). Итак, суть решения, принятого на экстренном совещании эллинов, у Диодора не расходится с тем, что говорит Геродот (ср. VII. 220); более того, замечание Диодора о том, что Леонид, будучи по природе честолюбивым человеком, стремился снискать себе и спартамцам большую славу, перекликается с соответствующей харак-

теристикой Геродота. Однако наряду с этим есть и достаточно существенные различия.

Как отмечает Геродот (VII. 223), заключительную атаку против эллинов предприняли персы, выступившие против них около того часа, когда агора наполняется людьми, то есть, вероятно, около 9—10 часов утра (ср. Hdt. III. 104). Диодор представляет события совершенно по-другому. Он говорит, что оставшиеся вместе с Леонидом воины единодушно просили вести их против варваров ночью, пока Ксерксу не стало известно, что обходный маневр удался. К этому Диодор добавляет также замечание о том, что «Леонид приказал воинам позавтракать, так как обедать, дескать, они будут уже в Аиде...» Эта апофтегма, несомненно, являлась частью спартанской легенды⁶. Далее Диодор говорит, что Леонид приказал эллинам, ворвавшись в персидский лагерь, пробиваться к палатке царя. Затем он описывает ночное нападение эллинов на варварский лагерь, используя целый набор *rhetorica acumina* (Diod. XI. 10).

Анализ сообщений Диодора показывает, что он, в целом следуя рассказу Геродота, нередко сокращал и вносил в него некоторые изменения, руководствуясь риторической традицией, панэллинскими идеями и задачами создания универсально-исторического труда. Особенно ярко это проявилось в описании заключительного этапа Фермопильской битвы, где обнаруживаются явное нарушение структуры рассказа Геродота

(*αναχολουθον*) и вставка в него достаточно обширного эпизода с риторическими сентенциями о ночном нападении эллинов на лагерь персов, позаимствованный из другого источника, (ср. Hdt. VII. 222—223; 225 и Diod. XI. 9.2—10.1—4). Этот источник — скорее всего Эфор — был общим для Диодора, Плутарха и Юстина (см. Plut. De Herod. Mal. 32. 2. Just II. 11).

Итак, Диодор, описывая Фермопильскую кампанию, и особенно заключительный ее эпизод, контаминирует данные Геродота с традицией, господствовавшей в эллинистический период. Эта традиция очень далека от реальной картины событий. Она основывается, главным образом, на спартанской легенде, отличается обилием риторических сентенций и содержит шаблонные описания ночной битвы (ср. Diod. XI. 9—10). Тем не менее в данном случае эта традиция более удовлетворяла Диодора как эллинистического историка, чем свидетельства Геродота, ибо в ней он находил более детальное, чем у Геродота, описание битвы, полное драматизма, ярко выраженное противопоставление эллинской доблести и варварской подлости и трусости. Эта традиция давала Диодору необходимый материал для морализирования и нравственной оценки событий и поступков. Подтверждением этого служит знаменитый

энкомий в честь Леонида и его воинов, которым Диодор завершает свое описание героической Фермопильской эпопеи (XI. II)⁷.

Вместе с тем необходимо отметить, что хотя Диодор и другие поздние авторы широко пользовались эллинистической традицией, которая большей частью далека от отражения реальных событий Фермопильской битвы, тем не менее их сведениями не следует совершенно пренебрегать. По крайней мере, мы пытались показать, что Диодор в большинстве случаев следовал рассказу Геродота, хотя сокращал и вносил в него изменения. Поэтому данные Диодора могут служить аргументом, подтверждавшим важность классической традиции Геродота и ценность содержащейся в ней информации. Однако, хотя рассказ Геродота содержит более достоверные сведения о Фермопильской битве, тем не менее и он отличается сложностью и противоречивостью, поскольку у Геродота влияние спартанской легенды, а также тенденциозность и субъективизм его информаторов накладывали отпечаток на достоверность традиции. Но и в этом случае, сопоставляя данные Геродота и Диодора, можно, по крайней мере, отчасти определить границу между достоверными и недостоверными сведениями самого Геродота.

Несомненно, частью достоверной традиции является сообщение историка о совете эллинов, собравшемся на рассвете после того, как дневные дозорные прибыли в лагерь, и в том, что мнения участников совета разделились. Одни были за то, чтобы не отступать со своего поста, другие же возражали. По-видимому, это «чистый» факт, сообщаемый традицией. Его передает также и Диодор (XI. 9). Геродот предлагает две известных ему интерпретации этого факта. Согласно первой из них, эллины сами удалились, покинув Леонида из-за разногласий и нарушив военную дисциплину (VII. 219; 220). Другая интерпретация основана на официальной спартанской версии, перекликающейся со спартанской легендой. Сущность ее заключается в том, что Леонид решил отослать союзников, чтобы спасти их от гибели, а сам вместе с лакедемонянами и небольшим контингентом других эллинов остался защищать Фермопильский проход. Геродот решительно склоняется к этой версии (VII. 220). Ее же принимает и Диодор (XI. 9. 1-2).

В современной историографии вопрос об окончательном решении Леонида стал предметом дискуссий⁸.

Рассмотрим некоторые из наиболее важных выводов, предложенных учеными. Прежде всего следует отметить, что Леонид был поставлен перед необходимостью в течение очень непродолжительного промежутка времени принять трудное решение. На основе интерпретаций данных Геродота принят следующий

порядок событий во время заключительного этапа Фермопильской кампании. Около 5 часов утра персам удалось преодолеть фокийский кордон. Около 7 часов эллины сошлись на собрание. Между 9 и 10 часами Ксеркс выступил против эллинов. Около 11 часов подошел отряд Гидарна, который вел предатель Эпиальт. Сражение закончилось к середине дня.

Одно из мнений, обсуждавшихся на созванном собрании эллинов, заключалось в целесообразности всему войску оставаться в Фермопилах и бороться на два фронта (Hdt. VII. 219). Из дальнейшего сообщения Геродота видно, что это мнение было отвергнуто, поскольку, если бы эллинское войско осталось в Фермопилах, то окруженное персами оно было бы разгромлено, так как путь для его отступления был перекрыт.

В этой связи важно рассмотреть гипотезу Ю. Белоха⁹. Он считал, что Леонид не получил известий об успешном обходе персов, потому что дневные дозорные, прибыв в лагерь на рассвете, так же, как и перебежчики, сообщили только о выступлении персов. Эллины надеялись, что фокийцы сумеют преградить им путь. Однако когда стало известно, что персы преодолели фокийский кордон и организованное отступление было теперь затруднительным, эллины в панике сбегались на собрание. Принять какое-то единое решение в этой ситуации было невозможно и пелопоннесцы бросились в беспорядке отступать. Однако спартанцы и феспийцы во главе с Леонидом заняли твердую позицию и обеспечили небеспорядочное отступление основных союзников, сами же погибли в неравной схватке.

Эта гипотеза выдвигает ряд возражений, так как она не подкрепляется данными источников. Из сообщений Геродота следует, что дневные дозорные сообщили эллинам об удавшемся обходном движении персов, и поэтому войско Леонида не было застигнуто врасплох, да и сам Леонид знал о тайной тропе и потому послал фокийцев, чтобы они ее перекрыли.

Гипотеза Белоха опирается на мнение, что часть эллинского войска из-за разногласий покинула Леонида, нарушив тем самым военную дисциплину. Однако отразившееся в этом мнении враждебное отношение к спартанским союзникам (а они составляли большинство в войске Леонида), по-видимому, являлось частью той информации Геродота, которая характеризовалась антипелопоннеской направленностью. Источник этой информации, скорее всего, был в Афинах. Геродот резко возражает против этого мнения, рассматривая его как злобную клевету. С этим, вероятно, можно согласиться, поскольку позже в адрес пелопоннесцев не было никаких официальных нареканий (ср. Hdt. 228).

Немаловажное значение, как об этом говорит сам Геродот (VII, 221), имеет его сообщение о судьбе Мегистия. Леонид,

как отмечает автор, отослал прорицателя, чтобы тот не погиб. Однако Мегистий сам не покинул спартанцев, несмотря на приказ он только отпустил своего единственного сына, который вместе с отцом участвовал в походе. От этого человека Геродот мог получить информацию не только о судьбе Мегистия, но и о решении Леонида. Приказ Леонида, конечно, имел отношение не только к прорицателю, но и к большей части союзного войска, о спасении которого он должен был, несомненно, позаботиться, учитывая сложившуюся ситуацию. Важно также отметить, что эта информация происходила не от спартиата, а от акарнанца и, если она не расходилась со спартанской официальной версией, то это отчасти можно рассматривать как аргумент в пользу доверия к последней.

Бюри и некоторые другие исследователи¹⁰, опираясь на утверждение Геродота, согласно которому Леонид сам отослал союзников, полагают, что в действительности им было приказано занять позицию близ селения Альпены и атаковать отряд Гидарна с тыла, когда он спустится к побережью.

По мнению Бюри, войска, посланные Леонидом, вступили в сражение с персами и были разгромлены. В качестве аргумента в пользу своей теории он приводит сообщение Геродота о том, что число павших эллинов при Фермопилах достигало 4000 человек. Однако, во-первых, цифра 4000 человек — это результат неправильного толкования эпитафии (см. Hdt. VII. 228). Во-вторых, как замечает сам Геродот, в число павших лакедемонян и феопийцев включали также и илотов (см. VIII. 25). Наконец, ни классическая, ни эллинистическая традиции не сохранили никаких сведений о сражении между войсками, отосланными Леонидом, и отрядом Гидарна. Сообщение же Геродота ясно указывает на уход союзников, отпущенных Леонидом еще до того, как персы во главе с Ксерксом выступили против эллинов и отряд Гидарна спустился с горы (см. Hdt. VII. 223).

Итак, рассмотренная нами античная традиция позволяет сделать вполне определенный вывод. Единственное решение, которое Леонид мог принять в сложившейся ситуации, предусматривало безопасное отступление основной части войска и решительное сражение оставшегося контингента с превосходящими силами противника. Поэтому нельзя признать правильным следующее замечание Хигнета, касающееся заключительной проблемы Фермопил: «The final problem» of Thermopilai is best left as an insolvent riddle; agnosticism is preferable of knowledge!»¹¹.

Ситуация, описанная Геродотом (VII. 220), заслуживает доверия. Сообщение Геродота легло в основу также поздней традиции (Diod. 9.1–2; Plut. Apophth. L. 225 a. 3–4; De Mal Herod. 31; Just. П. II. 9; Elian. VII. III. 25), которая, правда,

приукрашена риторикой и находилась под влиянием панэллинской идеи.

Об этническом составе контингента воинов, оставшихся с Леонидом после ухода основной массы союзников, информация наших источников различна. Согласно Геродоту, вместе с Леонидом остались лакедемоняне, феспийцы и фиванцы, Диодор же говорит, что Леонид, удалив всех остальных эллинов, оставил только спартанцев и феспийцев. О фиванцах он не упоминает, поскольку его могла смутить откровенно враждебная по отношению к ним направленность сообщения Геродота (VII. 222; 233). В соответствии с панэллинской традицией он старался проявлять осторожность в оценке их поступков. Тем не менее участие фиванцев в заключительном эпизоде Фермопильской битвы не следует исключать. Оценка, данная их действиям Геродотом, обусловлена характером полученной им информации.

Что же касается численности лакедемонян в Фермопилах, то и в этом случае сведения наших источников не единодушны. Геродот (VII. 202; 205) отмечает, что в составе греческого войска при Фермопилах было 300 спартанцев. Диодор же говорит, что лакедемонян было 1000 человек и с ними 300 спартиатов (XI. 4.5)¹². Некоторые ученые, интерпретируя это место, отмечают, что у Диодора речь идет о 1000 лакедемонян и сверх того 300 спартанцах¹³. Однако, судя по контексту (Diod. XI. 4. 2–5), Диодор включал 300 спартанцев в общее число 1000 лакедемонян.

Использование в сообщении Диодора понятий *οι Λακεδαιμόνιοι* и *οι Σπάρτιαται* — результат стилистической обработки им материала источников. Эти понятия в данном контексте не имеют специфического социально-политического содержания. 1000 лакедемонян у Диодора — это те же спартиаты, только он старается в соответствии с теми источниками, которыми пользовался, подчеркнуть особое значение 300 из них.

Свидетельство Диодора о 1000 лакедемонян вполне заслуживает доверия, поскольку подтверждается некоторыми косвенными данными Геродота и других источников. Так, например, Демарат, согласно Геродоту (VII. 102), в беседе с царем Ксерксом подчеркнул, что даже если лакедемонян выйдет 1000 человек против всего персидского войска, то и в этом случае они будут доблестно сражаться. В другом месте историк (VII. 224), отмечая, что в битве при Фермопилах пал Леонид после доблестного сопротивления и вместе с ним много других знатных спартанцев, говорит, что имена этих людей, поскольку они заслуживают похвалы, он узнал, а также узнал и имена всех 300 спартанцев.

Также и Исократ в своих речах указывает на то, что в

Диодор, как уже отмечалось выше, сообщал, что в войске Леонида было 1000 лакедемонян вместе с 300 спартанцами. В другом же месте (XI. 9.2) он пишет, что когда Леонид, узнав о предательстве и обходном маневре персов, отослал большую часть войска, с ним осталось не более 500 воинов. Однако это число, несомненно, занижено, чтобы еще больше подчеркнуть величие их подвига.

В заключение необходимо проанализировать данную Геродотом и Диодором мотивировку гибели Леонида и его воинов. Согласно наиболее распространенному мнению, Геродот изобразил Леонида в духе спартанской легенды как фаталиста, который пожертвовал собой и своими воинами ради спасения Спарты¹⁴. Эта интерпретация слишком упрощает взгляд Геродота. В своих объяснениях действий Леонида он далеко не однозначен, что обусловлено разнообразием источников информации Геродота о заключительном эпизоде Фермопильской битвы (см. Hdt. VII. 220—238).

Рассмотрим одно из этих объяснений, которое у Геродота тесно связано с Дельфийским оракулом. Как он отмечает, Леонид считал, что если он погибнет в Фермопилах, то его ожидает бессмертная слава, и счастье Спарты не будет омрачено, поскольку спартанцы получили от Пифии предсказание: «или Лакедемон будет разрушен варварами, или царь лакедемонян погибнет». Таким образом, Леонид в соответствии с предписанием оракула пожертвовал собой ради спасения отечества. Эта же идея нашла свое отражение и у Диодора, который, хотя и не упоминает об оракуле, тем не менее характеризует поступок Леонида в духе его содержания (XI. 4.3—4).

Большинство исследователей считает этот оракул фальшивым, что подтверждается не только его содержанием, анализируемым Краэ, Парком и Уормелом, Цайльхофером и др.¹⁵, но и другими замечаниями Геродота, свидетельствующими о составлении оракула *post eventum*. Согласно информации историка (VII. 238; IX. 78) Ксеркс, вопреки обычаям персов (см. Hdt. VII. 184; VIII. 92), проявил жестокость к погибшему Леониду, приказав отрубить ему голову и посадить на кол. В тексте оракула, в седьмой строке, как раз и предсказывается жестокая расправа персидского царя над Леонидом.

Итак, несомненно, оракул появился в какое-то время после Фермопильской битвы. Был ли он сфабрикован в Спарте или в Дельфах — это не имеет значения. Важно, что этот оракул сослужил для Спарты полезную службу, поскольку лакедемоняне стали объяснять смерть Леонида как самопожертвование в соответствии с предсказанием Пифии. Это объяснение, ставшее составной частью спартанской легенды, прочно вошло

в классического,

так и эллинистического времени. Однако Геродот дает и другое объяснение гибели Леонида и его воинов, по-видимому, соответствующее реальной ситуации, в которой оказались эллины в Фермопилах. Когда стало известно, что фокийцы не сумели противостоять отряду Гидарна, Леонид отверг предложение оставить Фермопильский проход и отступить в земли союзников, поскольку персы легко настигли бы и разгромили отступавших. Что же касается лакедемонян, то отступление и оставление позиции противоречили закону и обычаю Спарты. Сущность этого закона Геродот объясняет следующим образом (VII. 104): «Лакедемоняне свободны, но не во всех отношениях. Есть у них владыка — это закон, которого они боятся больше всего. Веление закона всегда одно и то же: закон запрещает в битве бежать перед любой военной силой врага, но велит, оставаясь в строю, одолеть или самим погибнуть» (ср. Tirt. frg. 8—9 ed. C. M. Bowra; Xen. Lac. Pol. 8—10).

Поэтому, когда Геродот говорит, что Леонид, отослав союзников, считал неподобающим ему самому и спартанцам покидать позицию, для защиты которой они были посланы (VII. 220), то это было не только единственно возможным решением, обеспечивающим безопасный отход большинства союзников из Фермопил, но и сознательным актом, подтверждающим корпоративный дух спартиатов, для которых беспрекословное подчинение властям, обычаям и законам государства считалось величайшей доблестью. К этой же мысли в конечном итоге склоняется и Диодор, сообщая о приказе Леонида удалиться всем другим эллинам, а самим лакедемонянам остаться и не отказываться от защиты проходов (XI.9.1).

Таким образом. Геродот и Диодор передают нам не столько спартанскую легенду о Фермопильской битве, сколько вполне достоверный рассказ о действительно героическом поступке Леонида и его воинов.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

¹ Ollier Er. *Le mirage Spartiate*. — Paris, 1933—1943. — T. I—II; Tigerstedt E. N. *The Legend of Sparta in Classical Antiquity*. — Stockholm. 1965—1974. — Vol. I—II; Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса // *Античная Греция*. Т. I. Становление и развитие полиса. — М., 1983. — С. 194.

² Hignett C. *Xerxes invasion of Greece*, — Oxford, 1963. — P. 116 ff. App. IV. — P. 372 ff.; Simpson R. Hope. *Leonidas Decision* // *Phoenix*. — 1972. — Vol. 26. — N 1. — P. 1—11 ff.; Evans J. A. S. *The Final Problem at Thermopylae* // *GRBS*. — 1964. — V. 5. — P. 23.1 ff.; Grant J. R. *Leonidas last stand* // *Phoenix*. — V. 5. — P. 14—27.

³ Tigerstedt. Op. cit. — Vol. I. — P. 217. Note 973.

⁴ Hignett. Op. cit. — App. IV. — P. 372 ff.

⁵ Стратановский Г. А. неправильно считает, что дневные дозорные прибыли в лагерь эллинов с «такой же вестью», как и перебежчики от пер-

сов, сообщившие об их обходном движении (см. Геродот. История / Пер. Т. А. Стратановского. — Л., 1972. — VII. 219).

⁶ Мандес М. (Опыт историко-критического комментария к греческой истории Диодора. — Одесса, 1901. — С. 21), интерпретируя этот сюжет Диодора, полагал, что фраза Леонида была бы вполне уместна в рамках рассказа Геродота, согласно которому эллины вступили в битву с персами утром. В контексте же Диодора она, по его мнению, теряет всякий смысл, так как произнесена вечером, а греки завтракали, конечно, утром. Это замечание едва ли верно. У Диодора эта фраза достаточно мотивирована и сказана со смыслом. Леонид приказывает войнам позавтракать не вечером, но уже глубокой ночью (ср. XI. 9.1 и 3), и смысл этого приказа только один: нужно позавтракать сейчас, поскольку утром этого сделать не удастся, а обедать, дескать, будем уже в Аиде.

⁷ Происхождение этого энкомия является предметом дискуссии. Эд. Шварц (Schwartz Ed. Diodoros // RE. — 1903. — Bd. V. — Sp. 681), Г. Барбер (Barber G. L. The Historian Ephorus. — Cambridge, 1935. — P. 183) Тигерштедт (Tigerstedt. Op. cit. — P. 217) считают автором энкомия Эфора. Другие же исследователи (Мандес. Ук. соч. — С. 23; Pavan M. La theoresi storica di Diodoro Siculo // RAL. — 1961. — Bd. XVI. — Ser. VIII — Fase 1—2. — P. 24 ff.; Drews R. Diodorus and Sources // AJPH. — 1962. — Vd. 83/4. — P. 383 ff.) считают этот энкомий результатом самостоятельного творчества Диодора. В пользу этого говорят и следы влияния стоицизма в этом энкомии, обнаруженные еще в свое время Г. Бузольтом (Busolt G. Diodors Verhältnis zum Stoicismus // Jhrb. f. Phil. — 1889. Bd. 129. — S. 300 ff.).

⁸ К этому см. прим. № 2.

⁹ Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. II, 2. — Strassburg, 1910. — S. 91—105; к этому также: Evans. Op. cit. — P. 231 ff.

¹⁰ Bury J. B. The Campaign of Artemisium and Thermopylae // ABSA. — 1895/6. — Vol. II. — P. 98 ff.; idem. A. History of Greece. — Ed. 2. — London, 1956. — P. 275 ff.; Grant. Op. cit. — P. 15 ff.; How W., Wells J. A Commentary on Herodotus. — Oxford, 1912. — Vol. II. — P. 376 ff.

¹¹ Hignett. Op. cit. — App. IV. — P. 378.

¹² Ктесий (Pers. 25) приводит цифру 1000 перизков и 300 спартиатов, отмечая, что они участвовали в Платейской битве. Однако сообщение Ктесия не заслуживает большого доверия, так как он часто сознательно искажал сведения Диодора и вносил немало путаницы в описание событий.

¹³ Мандес. Указ. соч. — С. 13.

¹⁴ Grundy G. B. The Great Persian war and Its Preliminaries. — London, 1901. — P. 307.

¹⁵ Crahey R. La litterature oraculaires ches Herodote. — Paris, 1956. — P. 311; Parke H. W., Wolmell D. E. The Delphic oracle. — Vol. I. — P. 167 ff.; Vol. II. — N 100; Zeilhofer G. Sparta, Delphoi und die Amphiktyonen im V. Jahreshundert. V. Chr. — Nürnberg, 1959. — S. 20 ff.

УДК 938

В. В. Ставнюк (Полтавский пединститут)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В АФИНАХ В НАЧАЛЕ V В- ДО Н. Э.

В последние годы исследователи все чаще обращаются к различным событиям в истории Афин послеклисфеновского периода. Между тем кажется очевидным, что изучение конкретных вопросов политической истории немыслимо без учета осо-

бенностей внутриполитического развития Афин в целом. Если же принять во внимание недавнюю реформаторскую деятельность Клисфена, изгнание Гиппия, оживление общественно-политической жизни вообще — с одной стороны, а с другой — возрастание роли внешнеполитических факторов, то очевидно, что данный анализ следует проводить в связи с внутренней и внешней политикой Афин этого периода. Тема политической борьбы в Афинах начала V в. до н. э. была в центре внимания таких историков, как Уолкер, Гомм, Мак-Грегор, совсем недавно — Ленардон и др.¹ При этом мы должны исходить из диалектической взаимосвязи между внутриполитической борьбой и внешней политикой²: меняющаяся внешнеполитическая ситуация, безусловно, сказывалась на перипетиях политической борьбы в Афинах. Зависимость же внешнеполитической ориентации от расстановки сил в полисе не вызывает никаких сомнений.

Другой предварительный тезис заключается в том, что как внутриполитическая ситуация, так и внешнеполитические факторы — суть условия динамичные, и в такой динамике их и следует рассматривать.

Не имея возможности подробно останавливаться на характеристике внутриполитического развития Афин 500—490 гг. до н. э. и связанной с этим развитием политической борьбы, отметим все же несколько ключевых моментов.

Для нас несомненна «демократическая сущность» реформ Клисфена, который был «прямым продолжателем дела Солонна»: «... если Солон заложил общие основы полисного строя в Афинах, то Клисфен окончательно придал ему демократическую форму. При нем и в самом деле получили дальнейшее развитие правильные принципы государственной и демократической жизни»³. Однако, как далее отмечает Э. Д. Фролов, в основе демократической деятельности Клисфена «было честолюбивое соперничество с себе подобными из-за власти», в ходе которого были осознаны и реализованы объективно необходимые задачи⁴ развития демократического полиса.

Нам особенно близка идея, разрабатываемая в советской историографии В. М. Строгеевым, о надуманности чрезмерного противопоставления Клисфена тирании⁵. Как отмечает Э. Д. Фролов⁶, Клисфен приводит свои реформы не только и, возможно, не столько в результате изгнания Писистратидов (хотя, конечно, само по себе это изгнание явилось непременным условием таких преобразований), сколько в ходе борьбы со своими политическими соперниками и, в особенности, с Исагором. Не вдаваясь в подробную аргументацию этого тезиса⁷, отметим, что его принятие позволяет во многом объяснить спорные моменты в политической истории Афин 510—480 гг. до н. э.

Постольку, поскольку старшая тирания в Афинах выполняла свои функции сокрушения аристократии⁸ и так как она по своей сути являлась антидемократическим институтом⁹, то «перестала быть разумной» альтернативой политического развития Афин, а, следовательно, перестала «быть действительной». Тирания должна была уступить место качественно новому политическому явлению, каковым и явилась нарождающаяся демократия Клизфена. Вместе с тем, исчезнув как политический институт, режим личной власти не мог одновременно автоматически и вполне исчезнуть и как политическая идея. Заклячаясь, в частности¹⁰, в гипертрофированной роли «аристократической сверхличности»¹¹ и одновременном подавлении политической активности аристократических родов, эта идея не только пережила само явление, но и, отделившись от него, приобрела устойчивые тенденции к самостоятельному развитию своих составляющих.

Конечно, с устранением тиранов $\acute{\upsilon}\beta\rho\iota\varsigma$ в обществе не исчезла¹². Можно предположить, что с уничтожением тирании произошло, так сказать, уничтожение «монополии» на $\acute{\upsilon}\beta\rho\iota\varsigma$. Это выразилось в усилении политической активности соперничающих аристократических родов, что весьма удачно подметил при характеристике периода уже Геродот: «Эти люди вели между собою распри из-за преобладания, пока побежденный Клизфен не привлек на свою сторону народ»¹³. Но борьба между соперничающими родами в Афинах конца VI — нач. V в. до н. э.: — это все же лишь одна из линий политической борьбы вообще. Отдавая должное личностным факторам, необходимо подчеркнуть, что основная линия политической борьбы проходила между демосом и аристократией¹⁴. Собственно говоря, общая линия эволюции афинского полиса как полиса демократического¹⁵ уже сама по себе предполагает существенную и даже определяющую роль демоса в политической борьбе¹⁶. Именно укрепляющийся суверенитет демоса и явился альтернативой намеченной нами второй составляющей идеи ранней тирании — подавлению аристократических устремлений.

Таким образом, рубеж VI—V вв. до н. э., — в особенности начало V века, — характеризовался усилением политической борьбы, в которой тесным образом сочетались¹⁷ противоречивые тенденции: с одной стороны, усиление знати как закономерная реакция на уничтожение тирании, ее подавлявшей. С другой же, — усиление демократических тенденций, получивших надежную основу прежде всего в административно-территориальной реформе Клизфена¹⁸. Совершенно понятно, что в таких условиях наиболее эффективными являлись те моменты, которые характеризовались совпадением обеих этих тенденций. Отсюда — столь примечательный феномен афинской демократии, каковым явилось аристократическое качество ее политических

вождей¹⁹. Однако это предполагает всего лишь использование афинской демократией аристократических вождей, но отнюдь не руководство ими последней²⁰. В связи с этим становится очевидной несостоятельность взгляда на политическую борьбу в начале V в. до н. э. лишь как на столкновение территориальных групп²¹, хотя, конечно, элемент состязательности между враждующими аристократическими родами, — усилившейся, как уже отмечалось, после низложения тирании, — явился существенным фактором политической борьбы в Афинах этого периода²².

Далее мы исходим из того, что помимо основной линии политической борьбы, которая проходила между аристократией и демосом, помимо борьбы между различными аристократическими кланами за преобладание, происходила борьба и за углубление процесса демократизации — т. е. в конечном итоге, за предоставление всему гражданскому коллективу всей полноты политических прав. Понятно, что (учитывая развивающуюся имущественную и социальную дифференциацию всего гражданского коллектива, — как демоса, так и аристократии) политическая борьба по необходимости должна была отражать интересы различных слоев и групп афинского гражданства во внутренней и внешней политике. Отметим также в качестве важной теоретической предпосылки необходимую связь между экономическими и конституционными аспектами борьбы²³: действительно, расширение политических прав и полномочий афинского демоса происходило параллельно с обеспечением и его экономических интересов.

И, наконец, мы исходим из того, что полис как явление внутренне противоречивое, развивающееся, — и развивающееся в том числе за счет его важнейших составляющих элементов, — уже в силу своей внутренней диалектической противоречивости содержит в себе предпосылку политической борьбы, которая выступает в том числе и как внешнее проявление этих внутренних противоречий. Мы имеем в виду характеристику полиса в наиболее законченном виде, на наш взгляд, проводимую Э. Д. Фроловым: «Полис — это элементарное единство города и сельской округи, достаточное для более или менее самодовлеющего существования. Это, далее, простейшая сословно-классовая организация общества, где собственники-граждане, будучи сплочены в искусственно сохраняемую, но выросшую на естественной племенной основе общину, противостоят массе бесправных и несвободных, жестоко эксплуатируемых людей, чье человеческое достоинство принесено в жертву необходимому общественному разделению труда, исторически обусловленному, но воспринимаемому в гражданской среде как естественное с тем большей легкостью, что рабское состояние — удел чужеземцев. Это, наконец, про-

стейшая, но вместе с тем весьма эффективная форма политической организации — республика с более или менее развитыми принципами народовластия и материальными гарантиями их реализации, а соответственно, и ярко выраженной самостоятельностью обладающей необходимыми средствами и досугом гражданской массы, с обусловленным всеми этими причинами²⁴ высоким уровнем политической идеологии и культуры».

В связи с этим нам кажется слишком резкой критика Фроловым тезиса Г. А. Кошеленко о проявлении противоположности «город-полис»²⁵, впрочем, возможно, излишне абсолютизированной. Тенденция к самостоятельному развитию составляющих элементов общественно-экономических структур является тенденцией закономерной. Вопрос только в том, насколько далеко может зайти такое развитие с тем, чтобы не выйти за пределы, допускаемые этой структурой. Очевидно, эти тенденции проявляют себя в социально-политическом и экономическом развитии полиса вообще и афинского полиса в частности. Видимо, их отражение можно будет обнаружить и в социально-политической борьбе начала V в. до н. э.

По нашему мнению, все выше обозначенные тенденции социально-политического развития имеют самое непосредственное отношение к анализу нашей проблематики, поскольку, в частности, они определяли и главные направления в социально-политической борьбе.

Важно учитывать их и при определении сложившейся после реформ Клисфена в Афинах партийно-политической ситуации, тем более, что — как справедливо отмечается в исторической литературе²⁶, — источники обрисовывают ее лишь схематически. Значит, правомерно говорить о существовании в Афинах определенных «политических группировок», которые являлись практическим выражением, проявлением этих тенденций в политической борьбе. Или скажем по-другому: политические группировки выступали в качестве форм существования противоречивых тенденций общественно-экономического и политического развития Афин. Нет необходимости здесь останавливаться на такой очевидной, истине, что античные политические группировки ни в коем случае не²⁷ следует путать с политическими партиями современного типа — ни с точки зрения содержания (хотя здесь нужно быть осторожным, и не доходить до полного отрицания — впрочем, это вопрос особый и нуждается в более специальном анализе, чем то небольшое, что мы можем себе позволить здесь), ни тем более с точки зрения формы: конечно, ни о какой организационной структуре, ни об аппарате, ни о других отличительных чертах политических партий как социально-политического организма не может быть и речи.

Из сущности афинских группировок начала V в. до н. э. вытекает и их аморфность, текучесть, а, точнее сказать, динамика и изменчивость; ведь изменчивыми, динамичными и развивающимися были сами условия, их породившие! Поскольку, как мы видели, политическая борьба является прежде всего внешним проявлением противоречивых тенденций общественно-экономического и политического развития, выражающемся в стремлении закрепить свое превосходство политически, т. е. узаконить самое себя поддержкой государства (а если государство в силу своей сути органически чуждо этим тенденциям, то изменить и само государство), постольку политические группировки в идеале представляют собою единство этих тенденций и людей как субъектов этих тенденций²⁸.

При таком понимании социально-политической борьбы и собственно политических группировок в Афинах конца VI — начала V вв. до н. э. становится возможным объяснить многие моменты послеклисфеновского периода на основании имеющихся, хотя и туманных свидетельств.

Непрекращающийся спор о приоритетах этой борьбы²⁹ об основных «линиях», группировках или же «партиях» может приобрести несколько иной оттенок. Так, на наш взгляд, правомерно рассматривать как исторические одновременно различные «партии», критерием для определения которых может служить отношение их субъектов к социальному статусу («аристократы» или «олигархи» и «демократы»), к тирании («друзья тиранов»), к проблемам внешней политики («персофилы» и антиперсидски настроенные круги; «проспартанская» и «антиспартанская» направленность; группа за военные приготовления, «ястребы» и против них — «голуби» и т. п.): критерии могут быть различными, но, конечно же, они должны определяться исключительно на основании анализа существовавших условий социально-политического и экономического развития Афин. Понятно, что по мере этого развития изменяется и связанный с ним весь комплекс различных условий, понятно также, что в связи с этим по необходимости меняется и вся картина политической борьбы. При этом, если подходить чисто формально к проблеме, возможны, и даже более того — естественны, смешения и переплетения различных тенденций в социально-политической борьбе, что в рассматриваемом здесь случае, в частности, значит: во всей картине партийно-политической ситуации в Афинах начала V в. до н. э. Очевидно, что в таком случае при выборе какого-либо единичного критерия, как, например, отношение к тирании или же к перспективе войны с Персией, без учета всего многообразия факторов верно оценить ситуацию нельзя³⁰. Кроме того, можно предположить (и это, видимо, будет верно), что одни и те же личности, т. е. субъекты политических группировок могут оказывать

ся, — даже одновременно, — сторонниками самых различных группировок. Так, например, Мильтиад одновременно был и вождем антиперсидской ориентации и представителем аристократической группировки и т. п.

Как видим, перечисление ориентаций и тенденций в социально-политической борьбе можно было бы и продолжить. В ходе исторического развития неизбежно перед полисом вставали все новые и новые вопросы, которые, конечно, предполагали и возможность различного ответа на них. Все это по необходимости порождало различные направления или же «линии», в основе которых лежала борьба за принятие решений, приемлемых для вполне конкретных лиц или же слоев гражданского населения. Значит ли это, что все эти ориентации и тенденции вместе с воплощающими их субъектами мы можем именовать «группировками»? — Очевидно, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. В противном случае мы доведем количество этих «группировок» до бесконечности и тем самым окончательно запутаем вопрос. Однако нельзя согласиться и с мнением тех, кто вообще пытается снять эту проблему³¹. Видимо, разумным было бы выделить основные, определяющие всю картину политической борьбы в Афинах, политические тенденции. Эти тенденции должны выражать основные альтернативы политического развития, «держат» на себе все остальные, более частные, возникающие в условиях развивающейся ситуации явления, отражающие внутри- и внешнеполитические проблемы. Исходя из выше рассмотренных посылок, видимо, следует прийти к выводу, что такими тенденциями были, с одной стороны, дальнейшая демократизация полиса, с другой же стороны, как ее альтернатива или даже противоположность, — что, впрочем, не абсолютно, — аристократические устремления.³² Наряду с ними можно выделить олигархические тенденции³³, которые характеризуются широким разбросом параметров и могут отражать устремления весьма различных социальных групп: от представителей аристократии до только появляющихся богатых торгово-ремесленных слоев.

По мере развития социально-экономических отношений, субъективное выражение олигархических движений все в большей степени представляло собою именно эти, усиливающиеся новые слои³³. В этом случае особенно явственно проявляется глубинная, экономическая основа происходящих политических процессов: новые социальные группы являются непосредственным продуктом социально-экономического развития полисного организма, выражающегося, в частности, в углубляющейся имущественной дифференциации общества, а в конечном итоге — и в социальной. Очевидно, осознание именно этого момента и легло в основу тезиса о том, что на смену

противоположности «аристократия — демос», характерной для VI в. до н. э. пришло противостояние «богатые — бедные» V в. до н. э.³⁴.

И, наконец, учитывая хронологическую, а вероятно, и генетическую близость рассматриваемого периода со временем правления Писистратидов, а также понимая тиранию, в частности³⁵, как результат последовательного развития олигархического принципа, мы, видимо, можем выделить наряду с уже перечисленными тенденциями социально-политического развития и тенденцию тираническую. Более того, нам кажется вероятным, что тиранические устремления никогда не исчезали вполне из картины политического развития античного полиса вообще и Афин в особенности. Проявлением этих устремлений явилось усиление роли отдельной личности, а также время от времени выдвигаемые обвинения в стремлении к тирании тех или иных политических лидеров. В конечном итоге эти тенденции были в полной мере реализованы в так называемой «младшей тирании», хотя и отличавшейся по своей сущности и природе от «старшей», но по форме являвшейся все тем же тираническим правлением одного лица.

Из всего выше сказанного следует, что основными политическими группировками в этот период можно считать группы, выступающие за реализацию демократических, аристократических, олигархических и тиранических тенденций в политическом развитии Афин, т. е. олицетворяющие эти тенденции. Кроме того, учитывая снижение роли аристократии в результате реформ Клисфена, а также всего периода правления Писистратидов — с одной стороны, а с другой — непрезентабельность тирании в глазах широких масс, можно прийти к выводу, что доминирующими на рассматриваемом этапе явились именно демократические и олигархические тенденции³⁶. Следует отметить, что их выразители неизбежно характеризовались значительным диапазоном взглядов, что позволяет говорить о наличии различных оттенков, которые проявлялись в различных подходах к решению возникающих перед полисом проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

¹ Lenardon R. The Archonship of Themistocles, 493/2// *Historia*. — 1956. — Bd. 5. — S. 401, со ссылкой на Мак-Гверопу; Walker E. M. Political parties at Athens from the reform Cleisthenes to the year 491 B. C.// *САН*. — библиографию у Гомма: Gomme A. W. 65. — Р. 321; вообще набор исследований по проблемам социально-политического развития Афин в период от реформ Клисфена до Эфиальта кочует из работы в работу.

² Строгеецкий В. М. Некоторые особенности внутриполитической борьбы в Спарте в конце VI — начале V в. до н. э. Клеомен и Демарат // *ВДИ* — 1982 — № 3 — С. 39; Шуллер В. Афинская демократия и Афинский морской союз // *ВДИ*. — 1984. — № 3. — С. 49, с интересной ссылкой

кой Рушенбуша о том, что общее внутреннее развитие Афин было обусловлено исключительно внешнеполитическими причинами. Примечателен тезис Виноградова, который вообще предлагал для определения политической на правленности в качестве критерия отношение к программе вооружений Афин.: Виноградов П. Г. История Греции. Лекции 1900/1 гг. — М., 1901. — С. 349, ср.: С. 353; ср. также: Бергер А. К. Рецензия на книгу Хигнета // ВДИ. — 1956. — № 1. — С. 79 с критикой Хигнета за недооценку этой взаимосвязи; Доватур А. И. Политика и политики Аристотеля. — М. — Л., 1965. — С. 46; Казаманова Л. Н. Рецензия на книгу Клоше // ВДИ. — 1953. — № 3. — С. 149; Лурье С. Я. История античной общественной жизни. Общественные группировки и умственное движение в эллинском мире. — М. — Л., 1929. — С. 146, хотя и слишком прямолинейно; Kluwe E. Die soziale Zusammensetzung der athenischen Ekklesia und ihr Einfluss auf politische Entscheidungen // KHo. — 1976. — Bd. 58. — S. 302; Lehmann G. A. Der Ostrakismos-Entscheid in Athens: von Kleisthenes zur Ara des Themistokles // ZPE. — 1981. — Bd. 41 — S. 98; Lenardon. Op. cit. — S. 401; Wedel W. Von die politischen Prozesse im Athen des 5. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Entwicklung der attischen Demokratie zum Rechtsstaat // BIDR. — 1971. — Vol. 74. — P. 134—135; Tarkkainen T. Die athenische Demokratie, übers. Von Ohquist R.: Bibl. der Alten Welt, Reihe Forschungen und Deutung Zurich Artemis. — Verlag, 1966. — S. 117, хотя и со ссылкой на более поздние события. Вообще, как справедливо отмечает Клоше, такая взаимосвязь — и в особенности между внешней экспансией и демократизацией Афин — общее место в исследованиях.

³ Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса // Становление и развитие раннеклассовых обществ / — Л., 1986. — С. 92—94, там же см. литературу по вопросу.

⁴ Там же. — С. 94.

⁵ Строгеецкий В. М. Клисфен и Алкмеониды // ВДИ. — 1972. — № 2. — С. 99—106, со всеми примечаниями, комментариями и библиографией по теме. Это особенно важно для понимания тиранофильских тенденций в Афинах.

⁶ Фролов Э. Д. Политические лидеры афинской демократии // Политические деятели античности, средневековья и нового времени: Межвуз. сб. науч. тр. — Л., 1983. — С. 10—11; он же: Рождение... — С. 92—95.

⁷ В советской историографии вопрос тщательно рассмотрен в приведенной выше статье В. М. Строгеецкого.

⁸ Фролов. Рождение... — С. 91, 92.

⁹ Там же. — С. 91.

¹⁰ Мы не можем подробно анализировать здесь сущность тираннии, определять ее место в становлении афинского полиса и т. д. Подробно и оригинально об этом сказано в советской историографии в работах Фролова Э. Д. и Строгеецкого В. М. Здесь же мы обращаем внимание на те моменты, которые нам кажутся ключевыми для понимания нашей темы.

¹¹ Фролов. Полит. лидеры... — С. 10 сл.

¹² Фролов. Рождение... — С. 89: «... в тираннии реализовалось иррациональное стремление личности к власти, та самая глубинная человеческая спесь, в которой греки рано усмотрели главного антагониста разумному общественному порядку, благозаконию.

¹³ Hdt. V. 66. Ср.: Фролов. Рождение... — С. 94.

¹⁴ Строгеецкий. Неко- то особенности... — С. 48; ср. низведение роли демоса лишь к пассивной поддержке одного из аристократических вождей у Фроста: Frost F. J. Themistocles' Place in Athenian politics // CSCA. — 1968. — Vol. 1. — P. 121—122; ср. конструктивную точку зрения в кн.: Фролов. Полит. лидеры... — С. 11.

¹⁵ Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис // Античная Греция. — М., 1983. — Т. 1. — С. 21.

¹⁶ Фролов. Полит. лидеры... — С. 8; Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике VI в. до н. э. — М., 1964. — С. 156.

¹⁷ После Клисфена афинская аристократия «... продолжала еще в течение нескольких десятилетий играть важную роль в политической жизни страны» (Зельин. Борьба полит. групп. ... — С. 115); ср. к этому предостережение от излишней идеализации афинской аристократии, в особенности рода Алкмеонидов и Филаидов, с чем мы вполне согласны — см.: Фролов Э. Д. Немецкая буржуазная историография античности новейшего времени (1917—1975 гг.) // Античный мир и археология: Межвуз. сб. науч. тр. — Вып. 4. — Саратов, 1979. — С. 174; ср. также Андреев В. Н. Афинская рабовладельческая демократия в западной историографии // ВДИ. — 1960. — № 4. — С. 146; Лурье С. Я. История Греции. — Ч. I. — Л., 1940. — С. 193; Kluwe. Op. cit. — S. 300.; ср., однако: Frost. Op. cit. — P. 121 с очевидным преувеличением роли аристократии и преуменьшением роли реорганизованных и вновь созданных Клисфеном демократических органов, как, впрочем, и реформ Клисфена в целом. Ср. к этому критику Фроста в статье: Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Новый журнал по истории античного мира // ВДИ. — 1978. — № 4. — С. 125—132, в особенности — С. 132.

¹⁸ См. в особенности: Фролов. Рождение... — С. 93; Залюбовина Г. Т. Динамика становления государственности в Афинах (роль родовой аристократии) // Раннеклассовые формации. Теоретические проблемы становления государства и союза. — М., 1984. — С. 20.

¹⁹ Фролов. Полит. лидеры... — С. 7—8; ср.: Зельин. Борьба полит. групп. — С. 156: «...Алкмеониды и члены других знатных родов теперь выступают не в защиту интересов своего рода, его сторонников и зависимых людей, но как вожди демоса или знати, причем эта противоположность уже в V в. все более стала принимать характер противоположности между бедными и богатыми» (Залюбовина. Указ. соч. — С. 19).

²⁰ Ср. критику Фроста в указанной статье Маринович и Кошеленко; ср. также: Kluwe. Op. cit. — S. 300.

²¹ Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. — М., 1966. — С. 195, прим. 48: «Можно предположить, что предшествовавшие моменты обостренной политической борьбы в VI в. до н. э., при Клисфене, даже при Фемистокле осознавались гражданской массой как столкновение аристократических группировок, скорее связанных с местными традиционными отношениями, чем с политическим стремлением широкого характера». Впрочем, здесь не вполне ясно, т. к. эта заметка Бергера вынесена в примечания. Ср. все же оценку его взглядов Павловской А. И. и Утеченко С. Л.: там же. От редакции. — С. 6.

²² Ср. к этому крайнюю точку зрения Грузна; Gruen E. S. Stesimbrotos on Miltiades and Themistocles // CSCA. — 1970. — Vol. 3. — P. 92 f. Ср.: Burn A. R. Persia and the Greeks: the defense of the West, 546—478 B. C: New York, 1968. — P. 260—265; Ehrenberg V. Ost und West. Studien zur geschichtlichen Problematik der Antike. — Brunn, 1935. — S. 115; Frost. Op. cit. — P. 105 ff.; Gomme A. W. More essays in greek history and literature / Ed. By D. A. Campbell, — Oxford. 1962. — P. 19—28.

²³ Ср.: Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Указ. соч. — С. 125 и сл.

²⁴ Фролов. Рождение... — С. 24—25, с характеристикой и историографией полиса. На наш взгляд, впрочем, одним из важнейших структурообразующих элементов полиса является «гражданская община, существующая в условиях классового общества». Именно она является тем важнейшим содержанием, которое проявляется в конкретных формах города-государства, единства города и сельский территории, политической организации и т. д.

²⁵ Фролов. Рождение... — С. 21.

²⁶ Kahrstedt U. Themistocles // RE. — 1934. — Bd. 5. — Ser. A. — St. 1687; Frost. Op. cit. — P. 105 ff.; Gruen. Op. cit. — P. 91—92; etc.

²⁷ См.: Зельин. Указ. соч. — С. 10—11; ср. в советской историографии к этому: Фролов. Полит. лидеры... — С. 21 и др.

²⁸ Причем — субъектов, осуществляющих эти тенденции в полисных органах, в особенности в Буле, значение которого усилилось в результате

реформ Клисфена и в других политических институтах Афин. Ср. к этому: Виннер Р. Ю. Лекции по истории Греции. — Изд. 3-е. — М., 1909. — С. 139—140: «В то время, как партии находили возможность группироваться в народном собрании, в Афинах не было учреждения, в котором, как в римском Сенате, представители высших классов могли бы соединиться, составить противовес народной массе и взять в свои руки направление политики. Некоторую возможность выступить в этой роли имел старый Совет на Ареопаге...» К этому заметим, что роль и значение Буле, как и других политических институтов после Клисфена, нуждаются в дальнейшем изучении. Особое значение в связи с затронутой темой имеет также социальный состав этих институтов и, в особенности, — состав экклесии. Очевидно, наиболее успешным бывало выступление тех лиц, которые выступали за реализацию тенденций, созвучных большинству, составляющему конкретную экклесию. О составе экклесии см.: Kluwe. op. cit.; Idem. Nochmals zum Problem: Die soziale Zusammensetzung der athenischen Ekklesia und ihr Einfluss auf politische Entscheidungen // *Klio*. — 1977. — Bd. 59. — S. 45—81.

²⁹ Из русских и советских исследований, кроме учебников и учебных пособий, следует особенно указать на работы К. К. Зельина. Э. Д. Фролова, В. М. Строгеевского, а также С. Г. Карпюка (Карпюк С. Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. — 1986. — № 1. — С. 17—35). Из огромного количества иностранной литературы назовем лишь некоторые: Burn. Op. cit. — P. 223—226, 258—267, 279—296; Berve H. *Miltiades Studien zur Geschichte des Mannes und seiner Zeit* // *Hermes Einzelschriften*. — 1937. — Bd. 2. — S. 66—75; Ehrenberg. Op. cit. — S. 106—126; Gomme. *Athen, not.* — P. 321—331; Idem. *More essays...* — P. 19—28; Hignett G. A. *History of the athenian constitution to the End of the fifth centuries* B. C. — Oxford, 1952. — P. 173—192; Karavites P. *Realities and appearances*, 490—480 B. C. // *Historia*. — 1977. — Bd. 26. — S. 129—147; McGregor M. F. *The Pro-Persian party at Athens from 510 to 480 B. C.* // *Athenian Studies*. — HSCP. — 1940. — Suppl. 1. — P. 71—95; Meyer E. *Geschichte des Altertums*. — Stuttgart-Gotha, 1939. — Bd. IV. — S. 291—299; Papastavru J. *Die Poliische Situation in Athen am Vorabend der Perserkriege und die auswärtige Politik Athens* // *Gymnasium*. — 1963. — Bd. 70. — S. 11—18; Robinson C. A. *The Struggle for power at Athens in the early Fifth century* // *AJPh*. — 1939. — Vol. 60. — 232—237; Sealy R. *Regionalism in archaic Athens* // *Historia*. — 1960. — Bd. 9. — S. 169—173; Wade-Gery H. T. *Essays in Greek History*. — Oxford-Blackwell, 1958. — P. 152 ff; и многие другие. В каждой из этих работ, кроме того, содержится обширная библиография по различным аспектам социально-политической борьбы в рамках периода.

³⁰ Абсолютизация какого-либо критерия может приводить к недоразумениям и даже курьезам при определении политической позиции тех или других политиков, даже целых родов. Так, например, известна данная Белоухом оценка Фемистокла как вождя аристократов (см. анализ возможных причин у Розенберга; Rosenberg A. *Die Partiestellung des Themistokles* // *Hermes*. — 1918. — Bd. 52. — S. 308—316). Показательна также дискуссия вокруг определения места Алкмеонидов в политической борьбе в Афинах на рубеже VI—V вв. до н. э. (на русском языке см. глубокий анализ у Строгеевского; Строгеевский. Клисфен... — С. 99—105; Karavites. Op. cit. — P. 129 ff; ср. к нему: Williams G. M. F. *The Image of the Alkmeonidai between 490 B. C. and 487/6 B. C.* // *Historia*. — 1980. — Bd. 29. — S. 106—110).

³¹ Показательны в этом отношении установки Груэна: Gruen. Op. cit. — P. 91 ff; см. также литературу в прим. 21.

³² Об аутентичности олигархических тенденций в развитии полиса см.: Фролов. *Рождение...* — С. 98—99; Карпюк. Указ. соч. — С. 34; Яйленко В. П. *Архаическая Греция* // *Античная Греция*. — М., 1983. — Т. Д. — С. 168—172.

³³ Т. е. олигархии в собственном, узком смысле, как ее понимал еще Аристотель. Ср., например, короткое, но емкое его замечание о сути оли-

гархии в рассуждении о карфагенском государственном устройстве: «Всего же более отклоняется от аристократического строя в сторону олигархии карфагенское государственное устройство в силу вот такого убеждения, разделяемого большинством: они считают, что должностные лица должны избираться не только по признаку благородного происхождения, но и признаку богатства, потому что необеспеченному человеку невозможно управлять хорошо и иметь для этого достаточно досуга. ... Избрание должностных лиц по признаку богатства свойственно олигархии...» Arist. Pol. — II. — VIII. — 1273 a: — 21 ff; ср. там же: III. — V. — 1279 v. — 16 сл.: олигархия—власть небольшого количества людей. Ср. к этому: Яйленко. Указ. соч. — С. 168 сл.

³⁴ См.: Зельин. Указ. соч. — С. 156; его же: Принципы морфологической классификации форм зависимости // ВДИ. — 1967. — № 2. — С. 14—15, ср. также в связи с этим анализ развивающегося понятия «демос» от времен Солона и до Пелопоннесской войны у Розенберга; Rosenberg. Op. cit. — S. 309—310; vgl.: Willamovitz-Mollendorff U. *Staat und Geseeschaft der Griechen und Romer*. — Berlin und Leipzig, 1910. — S. 70.

³⁵ О сущности тирании см. в особенности работы Фролова.

³⁶ Это, кажется, понимает уже Гомм, который, критически относясь к определению партийно-политической ситуации в Афинах, тем не менее принимает разделение на «олигархов» и «демократов», рассматриваемых политических деятелей: см.: Бергер. Рец. на книгу Хигнета... — С. 79.

УДК 938

В. А. Коршунков (Кировский пединститут)

РЕЛИГИОЗНЫЕ, СУДЕБНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЛНОМОЧИЯ АФИНСКОГО АРЕОПАГА

Афинский Совет Ареопага в классическую эпоху обладал некоторыми религиозными полномочиями. К ним прежде всего относилось попечение над священными оливами (Arist. Ath. pol. 60. 2; Lys. VII). Хорошо известны и судебные компетенции этого Совета. Они с течением времени сокращались, переходя к демократически организованному народному суду — гелиэе, но в ведении ареопагитов всегда находился суд над уголовными преступниками: за преднамеренное убийство, покушение на убийство, отравление, поджог. С давних пор Ареопаг обладал и политическими правами, надзирая за течением государственных дел и охраняя законы (episkopos panton — Plut. Sol. 19; phylax ton nomon; nomophylakia — Arist. Ath. pol. 2.6; 4.4; 8.4). Политические права были отняты у ареопагитов в 462 г. до н. э. в результате реформы Эфиальта. Однако, потеряв реальную власть, этот Совет продолжал пользоваться огромным авторитетом, а в конце V в. до н. э. и в 340—320 гг. до н. э. даже на некоторое время восстанавливал свое политическое влияние в государстве.

Усилия исследователей направлены прежде всего на изучение политических полномочий Ареопага. Ученые стремятся точно определить, что именно входило в не вполне ясное понятие «охраны законов» (nomophylakia), каково было конкретное содержание реформы Эфиальта, спорят о значении этой

реформы. Между тем особенное положение старинного аристократического Совета в демократическом афинском полисе, возможность временного восстановления отобранных реформаторами прав, почтительное отношение афинских граждан к ареопагитам — все это невозможно понять, если обращать внимание только на политические полномочия.

Важно сперва уяснить, какую сторону компетенций Ареопага сами современники считали, наиболее важной.

В 403 г. до н. э., сразу после свержения Тридцати тиранов, в Афинах состоялось примирение враждующих партий и было принято постановление, текст которого приведен в «Афинской политике» Аристотеля (Arist. Ath. pol. 39). Согласно этому договору Аттика делилась надвое: на Город (Афины) и Элевсин. В Элевсине могли укрыться все те, кому не по душе было жить при восстановленной демократии. Из текста видно, что степень автономии двух общин предполагалась весьма значительной: жителям одной области запрещалось приходить в другую (кроме как во время мистерий), элевсинцы не могли занимать должности в Афинах, каждая сторона обязывалась выплачивать военные долги самостоятельно. Говоря современным языком, это означало финансовую независимость и закрытие границ.

Среди пунктов соглашения, регулирующих политические и имущественные отношения, было и два иных, заметно выделяющихся. Первый: «Дела об убийстве должны вестись по отеческим заветам (*kata ta patria*) — в случае, если кто-нибудь собственноручно убил или ранил человека». Казалось бы, о подобных вопросах незачем было договариваться: автономные общины вполне могли бы сами позаботиться об этом. Обратим внимание и на другой пункт, идущий в тексте вторым по порядку, то есть помещенный в начале постановления: «Что касается храма (элевсинского храма Деметры и Керы — В. К.), то доступ к нему должен быть предоставлен одинаково и тем, и другим, а попечение над ним должно лежать на обязанности Кериков и Эвмолпидов по отеческим заветам: «*kata ta patria*». (Пер. С. И. Радцига). Смысл этого пункта ясен: несмотря на раскол страны, общеаттическая святыня — элевсинский храм (а, значит, и проходившие при нем мистерии) — должна по-прежнему почитаться всеми жителями Аттики.

Как храм Деметры и Керы был самой примечательной святыней Элевсина, так и суд по уголовным делам в афинских святилищах (кроме Ареопага — при Палладии, Дельфиний, Фреатто) имел общеаттическое значение. И, как видно из постановления, нормальное функционирование этого суда «по отеческим заветам», доступ к нему всех жителей Аттики считались первостепенным делом. Ради священных и «отеческих» установлений можно было и политическими принципами

(автономией, закрытием границ) поступиться. Что бы там ни было, но жители Афин всегда должны иметь возможность посещать элевсинское святилище и справлять там мистерии в честь великих богинь, а элевсинцы по-прежнему могут вести уголовные тяжбы в Афинах.

Нас не должно удивлять, что в этом декрете судопроизводство по уголовным делам приравнено по своему значению к знаменитым элевсинским мистериям. Уголовные преступления представлялись древним грекам нечестием перед богами (*asebema*). Считалось, что, если не покарать такого злодея, то гнев божества падет на всю общину¹. Поэтому суд над преступником, покусившимся на человеческую жизнь, был религиозной обязанностью граждан полиса.

Ясно, что судебные полномочия Ареопага можно считать частью его религиозных полномочий. Сами по себе эти религиозные полномочия в классическую эпоху были, возможно, и не слишком заметны (особенно на фоне борьбы вокруг политических прав этого Совета), но, учитывая сакральный характер судебных полномочий ареопатитов, приходится признать, что религиозно-сакральная сторона в их деятельности была очень значительна.

Холм Ареса, на котором заседал Совет, издревле был связан с культом хтонических божеств Эвменид — мстительниц за убийство. Суд над убийцами с незапамятных времен проходил именно там. Заседания ареопагитов-судей на священном холме были обставлены примечательно архаичными обрядами и обычаями. Судебное заседание проходило под открытым небом, чтобы присутствующие не осквернились², находясь под одной крышей со злодеем, пролившим кровь³. Есть сведения, что суд ареопатитов собирался иногда по ночам (Luc. De domo. 18). Ночь — это время, когда выходят наружу страшные загробные силы. Ночь — мать Эриний-Эвменид⁴. Подсудимый и обвинитель приносили особо торжественную сакральную клятву, стоя на двух камнях: камне обиды, (*lithos hybreos*) и камне непощения, буквально: бесчувственности (*lithos anaideias*)⁵. Им не разрешалось говорить не относящегося к делу, взывать к милосердию судей⁶, и, по крайней мере в ранние времена, каждый должен был отвечать сам за себя и только сам произносить эти короткие, без всяких риторических ухищрений речи⁶. Должностные лица в Афинах обычно вершили дела, будучи увенчаны венком, и за свою деятельность они награждались тоже венками. Ареопагиты же по давней традиции венков не получали (Aeschin. III, 20) — этот священный предмет был несовместим с их невольной причастностью к загробному миру (Arist. Ath. pol. 57.4).

Древность Совета, справедливость и мудрость решений опытных старцев-ареопагитов (бывших архонтов), святость

места, на котором они собирались, — все это обеспечивало Ареопагу непререкаемый моральный авторитет. У Исократа Ареопаг связывался с идеальным «отеческим строем»: «*patrios politeia*» (Isocr. Ageor). Эфиальт подготовил свою реформу успешными нападками на отдельных членов Совета, привлекавшая их к суду за дурное исполнение обязанностей (Arist. Ath. pol. 25.2). Но несмотря на это, как и на то, что доступ к архонтату, а значит, и в Ареопаг, уже с 457 г. до н. э. стал открыт для граждан трех высших имущественных разрядов (Arist. Ath. pol. 26,2)⁷, члены Совета всегда сохраняли чрезвычайно высокий авторитет в народе. Характерно заявление Исократа, что, попав в число ареопагитов, человек становится лучше (Isocr. Ageor. 38). Ораторы IV в. до н. э., сколь бы ни разнились их политические симпатии, начинали наперебой воздавать хвалы ареопагитам, лишь только речь заходила об этом почтенном Совете. Ареопаг привлекали к расследованию самых важных и запутанных политических дел, таких, как случай с пропажей денег Гарпала⁸.

О судопроизводстве на холме Ареса складывались мифы. По аттическим поверьям, там в собрании богов (либо же людей-ареопагитов в присутствии богов) проходили суды над Аресом, Кефалом, Дедалом, Орестом. Согласно Эсхилу, это судилище основано покровительницей города Афиной для разбора дела Ореста, которого обвиняли Эринии, а защищал Аполлон. Афина и выбрала из наилучших граждан первых ареопагитов (Aeschyl. Eum). Истоки народного суда тоже восходят к незапамятной древности, однако мифы о титанах богов и героев связаны отнюдь не с гелизеей, а с Ареопагом. И это, надо полагать, потому, что именно в ведении ареопагитов издревле были окруженные сакральным ореолом дела «о пролитой крови». Именно эта причастность Ареопага к сакральному стимулировала создание вокруг него мифов и обеспечивала традиционный и устойчивый моральный авторитет ареопагитов в народе. Итак, основой, ядром власти Ареопага можно считать его древние религиозно-судебные полномочия.

Сейчас общепризнано, что Ареопаг напрямую восходит к совету знатных старцев царской эпохи. Надо учесть, что тогда, когда только складывались основы государства, когда еще едва начинали формироваться полисные институты, этот Совет был, по сути, единственным стабильным и постоянно действующим политическим органом. Он представлял общину перед богами, судил, но кроме того, разумеется, занимался и всеми прочими насущными делами. Влияние его было обширно и неопределенно, без четко установленных рамок (каковые в досолоновы времена едва ли могли существовать). Совет действовал на основе традиции, исходя из собственного религиозно-морального влияния и ориентируясь на «заветы отцов».

Следует ли продолжать неуспешные попытки определить точно, что скрывается за словом *номорфлаксия*? И это аристотелево выражение («охрана законов»), и плутархово «надзиратель за всеми делами» (*episkopos pantōn*) в своей неопределенности все же весьма точны, ибо они верно характеризуют обширные и никак не фиксированные полномочия древнейшего Ареопага. Из них с течением времени естественным образом выкристаллизовывалось то, что мы можем назвать полномочиями политическими. При этом надо иметь в виду нечеткость и условность такого рода разграничений сфер деятельности применительно к античности, особенно когда речь идет о древнейшем ее периоде. Так, суд ареопагитов над каким-нибудь зарвавшимся аристократом, который пытался убить своего давнего противника, мог стать расправой остальных эвпатридов над слишком высоко занесшимся соперником, то есть делом политического характера. Это сопровождалось исполнением традиционных правил судопроизводства, то есть было процедурой юридической. Наконец, это представлялось долгом общины перед богами, значит, становилось действием религиозным.

Политические права Ареопага конкретизировались в ходе исторического развития. Сфера деятельности ареопагитов несколько сужалась. Создание демократически организованного Совета 400 (затем Совета 500), установление при Солоне гелизии, развитие специализированных магистратур — все это постепенно оттесняло старинный Совет Ареопага. Наконец, в 462 г. до н. э. была проведена реформа Эфиальта. Как бы это ни интерпретировалось современными исследователями⁹, ясно, что она серьезно подорвала политическое влияние Ареопага. В дальнейшем Совет уже не мог постоянно оказывать влияние на ход повседневных дел в Афинах. Однако демократические реформаторы оставили за Ареопагом его давние религиозно-судебные права: суд по большей части уголовных преступлений, надзор за священными оливами. А эти религиозно-судебные права и были ядром всей власти Ареопага, той основой, на которую опиралось его политическое влияние в государстве. Они же обеспечивали и его авторитет, несколько не уменьшившийся после реформы. Пока демократия была сильна, урезанный в правах Ареопаг находился в тени. Но когда наступил кризис, как произошло в конце V в. до н. э. или в 340—320 гг. до н. э., тогда в противовес плохо действующим государственным органам афинской демократии Ареопаг вновь выдвигался в центр политической жизни. При этом возрождение его политических полномочий было быстрым и эффективным, поскольку тому способствовало его значительное религиозно-судебное и моральное влияние на афинское общество. Благодаря такому влиянию, Ареопаг даже в худшие

свои времена после реформы Эфиалта, лишенный политических полномочий и вытесненный на задворки политической жизни, все же не был окончательно похоронен демократами и ждал своего часа, привлекая к себе взоры афинских олигархов и будоража умы простого народа.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

¹ Кагаров Е. Г. Религиозные и нравственные воззрения аттических ораторов. — Пг., 1915. — С. 12—13.

² Ср.: Arrist. Ath. pol. 57. 4.

³ Hes. Theog. 217; Aeschyl. Eum. 321; Lycophr. Alex. 437. По Софоклу, Эринии — дочери Земли и Мрака (Geste lai Skotou korai — Soph Oed Col. 40, 106).

⁴ Lys. III. 1; X. II; Paus. 1.28.5; Dem. XXIII. 67—68; Eur. T. 961—966

⁵ Arist. Ars rhet. 1354 ab; Lys. III. 46; Apul. Metam. 10.

⁶ Sext. Emp. Adv. mathen. Ср.: Luc. Anach. 19.

⁷ Четвертый имущественный разряд — феты формально так никогда и не получили доступа к государственным должностям, но во времена Аристотеля никто, по-видимому, и не проверял имущественное положение кандидатов (Arist. Ath. pol. 7.4), так что вообще-то выставлять свою кандидатуру на выборах мог любой гражданин.

⁸ Кондратюк М. А. Политическая борьба в Афинах в 324—323 гг. и процесс Гарпала // Древний Восток и античный мир / Под ред В И Кузнецова. — М., 1980. — С. 158—180.

⁹ Sealey R. Ephialtes // Classical Philology. — 1964 — Vol 59 — P 11—22; Ruschenbusch E. Ephialtes // Historia. — 1966 — Bd 15 — S 369—375; Wallace R. W. Ephialtes and the Areopagus // Greek, Roman and Byzantine Studies. — 1974. - Vol. 15. - P. 259-269; Audring G. Ephialtes stürzt den Areopag // Das Altertum. — 1977 — Bd 23 — 1 234—238 Boffo L. L'intervento di Efiante di Sofonide sull'Areopago nell'interpretazione del IV secolo // Rendiconti della Classe di Scienze morali, storiche e filologiche dell' Accademia dei Lincei. — Anno, 1976. - 1977. — Vol 31 — p 435—450-Jones L. The Role of Ephialtes in the Rise of Athenian Democracy // Classical Antiquity. — 1987. — Vol. 6. — P, 53—76.

УДК 938

Г. С. Самохина (Петрозаводский университет)

ИЛЛИРИЙСКИЕ ВОЙНЫ (О ПРИНЦИПАХ РИМСКОЙ ПОЛИТИКИ НА БАЛКАНАХ В КОНЦЕ III В. ДО Н. Э.)

Предметом нашего внимания в этой работе будут I и II Иллирийские войны. Первая переправа римлян на Балканы была оценена историком Полибием, обладавшим острым политическим чутьем, как событие, имеющее непосредственное отношение к «возрастанию и приготовлению римского могущества» (II. 1.2). События этих лет привлекали внимание многих ученых. Нас в основном интересует система взаимоотношений римлян с местным населением после окончания военных действий в этом регионе, хотя по ходу дела нам придется останавливаться и на иных проблемах.

Первая из них связана с состоянием наших немногочислен-

ных источников (См.: Polyb. II. 2.1—5; 4—6; 8—12; III. 16; 18—19; App. III. II. 7—8; Liv. Epit. XX; Dio Cass. XII. fr. 49; 53; Zon. VIII. 19—20; Flor. I. 21). Основные данные о начале I Иллирийской войны (229—228 гг.) сосредоточены у противоречащих друг другу Полибия и Аппиана. Сведения Диона Кассия и следующего за ним Зонары — попытка примирить обе версии¹. Разногласия между Полибием и Аппианом заключаются в описании иллирийского пиратства: Полибий особенно подчеркивает его размах и угрозу для материковых греков (II. 2.4—5; 3.1—7; 6.8); в характеристике иллирийской правительницы Тевты Полибий подчеркивает неспособность Тевты действовать разумно², возлагая на нее ответственность за убийство римских послов и делая ее виновницей войны (II. 7.3; 8.6—8); в оценке роли острова Иссы в римско-иллирийском конфликте. Если Аппиан и идущие вслед за ним Дион Кассий и Зонара делают жалобу иссейцев на иллирийское пиратство в Адриатике толчком для вмешательства римлян в иллирийские дела, то Полибий, говоря о том, что действия иллирийцев задевали прежде всего интересы италийских купцов, не упоминает от Иссы в этой связи вообще (Ср.: Polyb. II. 8.5; App. III. II. 7.2; Dio Cass. XII. fr. 49. 1; Zon. VIII. 19.3—4); наконец, в рассказе о ходе военных действий римлян в Иллирии: у Аппиана он более схематичен.

Вместе с тем следует отметить и сходство некоторых данных Полибия и Аппиана. Оно проявляется в указании на размах пиратских действий иллирийцев именно в правление Агрона и Тевты; в сообщении о попытке в Иллирию римлянами и убийстве там двух (Polyb. II.7.3; 8.6—8) или одного (App. III. II. 7.3—4) послов из знатного римского рода³ Корункариев. Полибий, называя римскими послами братьев Луция и Гая Корункариев, повествует о встрече их с Тевтой, которая отказалась пойти навстречу требованиям Рима и отдала приказ об убийстве послов на обратном пути. Аппиан, относя посольство ко времени до смерти Агрона, включает в его состав, кроме римлянина Корункария, иссеяца по имени Клеемпор и обвиняет в их убийстве неких иллирийских пиратов; в указании на то, что измена Деметрия Фарского была одной из причин быстрого успеха римлян в Иллирии (Polyb. II. 9.1—10; 10.2—8; 11.4; App. III. II. 7.3—4); в совпадении по основным пунктам условий мирного договора 228 г.⁴.

Долгое время в силу распространенного среди антиковедов мнения о том, что источники Аппиана — неизвестные нам римские авторы-анналисты, и из-за общего недоверия к анналистической традиции преимущество отдавалось сведениям Полибия⁵. При этом данные Аппиана рассматривались зачастую как сфабрикованные римской исторической традицией. Но в последнее время ситуация несколько изменилась.

Во-первых, был поставлен вопрос об источниках Полибия и степени доверия к ним. М. Гельцер в свое время доказал, что основные данные при изложении иллирийских событий ахейский историк почерпнул из работы римлянина Фабия Пиктора. Она была, по всей видимости, опубликована перед II Македонской войной и ставила своей целью дать его читателям-грекам верное (конечно, как его понимали римские правящие круги II в. до н. э.) представление о характере римской политики. М. Гельцер доказывал также, что труд Фабия по жанру своему, по методам и критериям подачи материала резко отличался от римских анналов⁶. Эта точка зрения вызвала возражения. По мнению Ф. Уэлбэнка, работа Фабия Пиктора не только не отличалась от римской анналистики по форме, но была создана на ее основе⁷. Таким образом, преимущество данных Полибия было поставлено под сомнение: исходным пунктом его сведений и рассказа Аппиана оказывается одна и та же римская анналистика.

Во-вторых, в последнее время ряд ученых настойчиво говорит о возможности и даже необходимости доверия к римской анналистической традиции⁸. Наконец, в-третьих, была предпринята попытка доказать, что в рассказе о событиях I Иллирийской войны Аппиан пользовался не римским, а греческим источником, тем же, что и Павсаний в VII книге своего труда⁹. Последняя точка зрения, по нашему мнению, не более чем предположение без особо точных доказательств.

Но важно, что поколеблена вера в непогрешимость сведений Полибия об иллирийских событиях III в. до н. э. Отныне открыто говорится о том, что ахейский историк, идя вслед за Фабием Пиктором, рисует перед нами не столько истинную картину римско-иллирийских отношений, сколько изображение созданной римлянами во II в. до н. э. концепции их внешней политики на Востоке¹⁰. Иначе говоря, рассказ Полибия о событиях в Иллирии носит на себе следы явного воздействия совершенно определенной политической тенденции, которая диктует осторожное к нему отношение.

Вместе с тем констатация этого не должна, как нам представляется, полностью перечеркивать возможность обращения к данным Полибия. Опираясь при описании порядка событий в Иллирии только на рассказ Аппиана вряд ли возможно прежде всего из-за явной конспективности¹¹ изложения им предыстории I Иллирийской войны. Таким образом, единственно правильный, по нашему мнению, в этом случае путь — реставрация событий с привлечением обоих источников, но с учетом недостатков каждого из них.

Непосредственным толчком для вмешательства римлян в дела на северо-западе Балканского полуострова стало морское пиратство иллирийцев в Адриатике. Видимо, в настоящее вре-

мя нельзя говорить о постоянном морском разбое этого племени в Адриатике, начиная с конца V в. до н. э. В свое время с этой точки зрения¹², которая вписывалась в его концепцию об оборонительном характере римского империализма на Востоке, выступил М. Олло¹³. К нему присоединился ряд ученых¹⁴. Нельзя отрицать тот факт, что жители Иллирии, страны суровой, гористой и скудной естественными богатствами¹⁵, не могли существовать без спорадически предпринимаемых сухопутных или морских грабительских рейдов на соседние регионы. Иллирийцы прочно занимали одно из первых мест по численности среди воинов-наемников эпохи эллинизма¹⁶.

Но говорить о постоянном морском разбое иллирийцев в районе Адриатики — явное преувеличение. Как доказал Г. Дэлл¹⁷, особый размах он получил там в 30-е гг. III в. до н. э. Наши источники связывают рост пиратской активности иллирийцев в Адриатическом море с именем царя, или правительнее, князька иллирийского племени ардиев¹⁸ Агрона (250—231 гг.). Первоначальным местом расселения ардиев был район¹⁹ на границе с Эпиром, к северу от современной реки Наро¹⁹. Активность ардиев на море Г. Дэлл связывает с их переселением на юг от реки Наро, на побережье Адриатического моря, которое произошло, примерно, в конце 30-х гг. III в. до н. э.²⁰

Получив доступ к морю и сосредоточив, как на это указывает Полибий (II. 2.4), в своих руках значительные военные силы, Агрон развернул наступление на суше и на море. Он захватил часть Эпира, города Керкиру и Эпидамн, остров Фар и поставил там иллирийские гарнизоны (App. III. II. 7.6). Он ввязался в борьбу между этолийцами и Македонией и принял летом 231 г. до н. э.²¹ участие в осаде занятого этолийцами в Акарнании города Медиона (Polyb. II. 2.5; 3.1—7).

После смерти Агрона политика грабежа соседних территорий была продолжена его второй женой Тевтой (Ibid., 4.7—9), которая стала опекуней малолетнего сына Агрона по имени Пинна от его первой супруги (Flor. I. 21). При ней было совершено несколько набегов на Эпир. Скеделаид, брат Агрона²², захватил город Антигонию и территорию в районе реки Аой²³ (Polyb. II. 5.6—7). В августе — сентябре 230 г. до н. э.²⁴ в руках иллирийцев оказалась столица Эпира Феника. К этому же времени относятся их вторжения на территорию Пелопоннеса, в Элиду и Мессению, что привело, по словам Полибия (II. 6.8), к очень тревожной обстановке в греческих полисах. Треки стали опасаться не только «за плоды земли своей, но и за самих себя, и за свои города». Опасной стала дорога на северо-запад Балканского полуострова, поскольку греческие Колонисты добирались туда обычно морем²⁵. Усиление разбоя в Водах Адриатики — а иллирийцы имели к тому времени под

своим контролем все побережье от современного Дубровника до входа в Коринфский залив²⁶ — задевало интересы италийских купцов (Polyb. II. 5.1—5; 8. 1—2).

Причем иллирийское пиратство имело характер не только каперства: Полибий (II. 4.8; 8.4) указывает на прямую заинтересованность Тевты в получении пиратской добычи, но обстановка в государстве ардизев благоприятствовала развитию морского разбоя со стороны частных лиц. Видимо, отчасти это было связано с тем, что Тевта не контролировала всю перешедшую к ней после смерти Агрона территорию, во всяком случае, в самом начале своего правления. У Полибия содержатся глухие, без указания на причины, упоминания о волнениях местного населения в начале ее правления, об отпадении части ардизев и переходе их на сторону дардан. Царице пришлось усмирять восставших. Таким образом, Тевта была до некоторой степени вынуждена разрешить «всяким плавающим частным образом грабить на море встречаемых, а своим военачальникам поступать с любой землей как с неприятельской».

Способствовала этому и скудность природных ресурсов Иллирии. Внимательный разбор данных источников о характере иллирийского пиратства в 30-е гг. III в. до н. э. показывает, что грабеж зачастую предпринимался для добычи пищи²⁷. В связи с этим стоит вспомнить ответ Тевты римским послам в передаче Полибия (II. 8.6—8). Правительница обещала не совершать со своей стороны несправедливостей по отношению к римлянам, но честно предупредила, что у царей Иллирии «не в обычае препятствовать частным лицам в получении ими добычи на море». Все это, как нам кажется, неплохо иллюстрирует характерный для данной области Балканского полуострова политический климат.

Как уже говорилось выше, Аппиан, в отличие от Полибия, упоминает об иссейском посольстве в Рим. Ряд обстоятельств позволяет нам поверить в его возможность. Во-первых, Полибий ясно дает нам понять, что Исса была затронута процессами, происходившими в это время в Адриатике. Так, он сообщает об осаде острова иллирийцами, относя ее, правда, ко времени после прибытия посольства римлян в Иллирию (II. 6.8). Во-вторых, Исса-Сиракузская колония, а в 230 г. Рим и Сиракузы были в дружественных отношениях. Позже, в период II Македонской войны, остров Исса был в союзе с Римом. В-третьих, Исса была важным перевалочным пунктом в торговле между южной Италией и Иллирией²⁸, как показывают находки в Югославии кладов ранних римских бронзовых монет, которые, по мнению ученых, могли попасть сюда как благодаря племени иллирийцев-либурнов, так и через Иссу, Фар, Эпидамн и Керкиру²⁹. Таким образом, события 231—230 гг. серьезно затрагивали торговые интересы эллинов этого района. Равным

образом бесчинства ардизев в Адриатике мешали италийской торговле на северо-западе Балкан. В-четвертых, ни греческие полисы иллирийского побережья, ни греки материковой Эллады не могли помочь Иссе: они были бессильны остановить иллирийцев³⁰. Своей просьбой о помощи иссейцы создали моральное обоснование для римского вмешательства в иллирийские дела.

Под давлением этих обстоятельств римское правительство направило в Адриатику посольство. Не приходится сомневаться в его исходе: послы были убиты. Плиний Старший упоминает о статуях двух римских послов, убитых Тевтой, которые стояли на Форуме, называя их, в отличие от Полибия, Публием Юнием и Тиберием Корункариями (Plin. N. N. XXXIV. 24)³¹. Обстоятельства убийства неясны. Тот факт, что Дион Кассий и Зонара сообщают нам о настойчивых попытках Тевты снять с себя впоследствии обвинение в убийстве римлян, объявить их жертвами пиратов³², показывает, что царица, видимо, не может нести за это ответственность.

Насилие над римским посольством помогает, как нам представляется, объяснить, почему в официальной римской версии иллирийских событий 231—230 гг., переданной Фабием Пиктором, ничего не говорится о жалобе иссейцев. Перед лицом столь страшного оскорбления римскому народу, как надругательство над его посольством, трактовка событий была сконцентрирована на эпизодах, задевающих интересы и достоинство Рима, и была отставлена в сторону возможность иного морального обоснования для римского вмешательства, то есть защита просящих о помощи³³. Ситуация на Адриатическом побережье была найдена опасной для самого Рима. Именно эта официальная версия была использована Полибием и легла в основу поздней римской традиции. У Флора (1.21) в рассказе о гибели римских послов подчеркивается особая жестокость иллирийцев. Римлян убили топорами, словно жертвы при заклании, а командиров римских кораблей сожгли живьем. Вина возлагается на царицу.

В результате проведенной римскими послами разведки, создавшей правовое обоснование для выступления римлян против иллирийцев³⁴, необходимость войны стала очевидной. В 229 г.³⁵ началась I Иллирийская война, в которой римляне очень быстро получили перевес.

Первоначальные успехи Тевты в войне: захват Эпидамна, осада Керкиры, которая поставила жителей острова в тяжелое положение и заставила их просить ахейцев о помощи, победа ардизев в битве под Паксами, сдача им Керкиры и ввод в город гарнизона Деметрия были блокированы переправой римлян на Балканы. В ходе войны римлянам — флоту под

командой Гнея Фульвия и сухопутным силам во главе с Луцием Постумием — помогли два обстоятельства.

Во-первых, изменил Тевте и перешел на сторону римлян правитель острова Фара Деметрий. Таким образом, в их руках оказался важный стратегический пункт: остров Керкира. Причиной измены было желание использовать сложившуюся на западе Балканского полуострова ситуацию в узко эгоистических интересах, питаемое, возможно, его личной обидой на Тевту: Аппиан, Дион Кассий и Зонара говорят о разногласиях между ними (Polyb. II. 9.1—10; 10.2—8; 11.4; App. III. 11.7.6; Dio Cass. XII. fr. 49.7; Zon. VIII. 19.9—10).

Во-вторых, огромную роль сыграл переход под опеку римлян ряда греческих полисов: Керкиры, Аполлонии, Эпидамна и Иссы. Позднее римляне вступили в дружественные отношения с иллирийскими племенами атинтанов и парфиниев по инициативе последних (Polyb. II. 11. 5—12; App. III. 11. 7.7—8).

Отступив на север в город Ризону, Тевта в конечном счете вступила в 228 г. с римлянами в переговоры о мире. Согласно мирному договору, территория ардиев была разделена на две части. Одна очутилась в руках Деметрия Фарского. Неясна только ее протяженность, поскольку, по словам Полибия (II. 11.17), римляне отдали в его подчинение большинство иллирийцев. Аппиан же говорит лишь о «некоторых местечках», переданных ему римлянами.

За малолетним Пинною оставалось право на остальную часть царства ардиев при выполнении определенных условий. Его опекунша должна была выплатить наложенную на нее контрибуцию, отдать пленных и перебежчиков. Она отказывалась от притязаний на владения Деметрия из Фара. Царица обязывалась не заплывать за Лисс с более чем двумя кораблями, да и то последние должны были быть безоружными. Тевта признавала особое положение отдавшихся и под покровительство римлян эллинских полисов Адриатики. (Polyb. II. 12.2—3; App. III. II. 7.9—11; Liv. Epit. XX).

Важным следствием иллирийских событий явилось, по сообщению Полибия (II. 12.4—7), установление дипломатических отношений Рима с Этолийской и Ахейской Лигой. Посольство Постумия³⁶ ознакомило их с причинами и результатом войны в Иллирии.

Хотелось бы подчеркнуть самый важный, по нашему мнению, результат I Иллирийской войны: она имела большое значение для последующего развития взаимоотношений Рима с греческим Востоком. Именно здесь римляне впервые опробовали особую систему зависимости от Рима местного населения Балкан, получившую в литературе, может быть, и не слишком верное обозначение «римского протектората». Следует согласиться с Э. Бэдиэном³⁷ в том, что зачатки подобных взаимо-

отношений относятся ко времени I Пунической войны и связаны, прежде всего, с проблемами управления первой римской провинцией Сицилией. Римляне попытались совместить в Сицилии местный эллинистический опыт с римскими обычаями и представлениями³⁸. При этом сицилийские греки ориентировались на свое прошлое: как далекое — времени классики, так и совсем близкое — эпохи эллинизма. Римляне, исходя из обычной римской клиентелы, перенесли в сферу провинциальной политики отношения клиента и патрона.

Нам представляется, что этот принцип клиентских отношений был положен в основу римской межгосударственной политики на греческом Востоке. Иллирия стала первым примером такого римского опыта на Балканском полуострове.

Установлению этих отношений, по нашему мнению, предшествовал акт сдачи греческих полисов под покровительство Рима, то есть так называемое *deditio in fidem*³⁹. Источники, как нам кажется, недвусмысленно свидетельствуют об этом. По словам Полибия, отдали себя под защиту римлян керкиряне, вслед за ними сдались на милость жители Аполлонии, затем под опекой Рима оказались Эпидамн и Исса⁴⁰. Во время пребывания претора Постумия под Эпидамном к нему явились послы от иллирийских племен атинтанов и парфиниев, которые также передали себя на милость римлянам. При свойственной Полибию терминологической неточности все же можно утверждать, что греческое понятие *ἐπιτροπή* равно латинскому *deditio*, а *πίστις* — *fides* (Polyb. II. 11.5—12; App. III. II. 7—8; Dio Cass. XII, fr. 49.1; Zon. VIII. 19.3)⁴¹.

Тесные контакты между западными греками и римским государством, которые современные ученые возводят к VI в. до н. э.⁴², несомненно, оказали свое воздействие на знакомство всех эллинов с римскими обычаями. Лежащие на важных торговых путях в западное Средиземноморье, связанные торговыми интересами с Сицилией и Великой Грецией островные и прибрежные полисы Иллирии имели ясное представление о том, какие выгоды сулит Им сдача под покровительство римлян, и воспользовались этим знанием в 228 г.

В западной политико-правовой литературе предметом пристального внимания был вопрос о том, существует ли различие в понимании акта безусловной сдачи (*deditio*) и акта перехода под римское покровительство (*deditio in fidem*)⁴³. Мы считаем, что⁴⁴, несмотря на некоторые нюансы чисто морального характера, оба эти акта объединяло нечто, по нашему мнению, весьма важное. И в том, и в другом случае государство или отдельный народ передавали себя в распоряжение римлян, следовательно, предусматривалось их безусловное подчинение Риму.

По мнению самих римлян, эти государства были свободны

лишь благодаря доброй воле римского народа (*beneficio populi Romani*) и находились в сверхлегальной зависимости от своего сильного покровителя⁴⁵. Зависимость эта не фиксировалась письменно, имела моральный характер и в идеальном варианте накладывала обязательства как на покровителя, так и на покровительствуемого. Первый должен был быть милостлив, снисходителен, оказывать протекцию, второй — верен Риму. Но то обстоятельство, что понятие не было заключено в легальные рамки, позволяло римлянам применять его весьма гибко, исходя всякий раз из конкретно-исторической ситуации.

Делая такой вывод, мы опираемся на данные «Всеобщей истории» Полибия. Приведем три его свидетельства. Первое представляет объяснение его читателям-грекам правового смысла акта сдачи на усмотрение римлян (XXXVI 4.2—3): «Те, кто передает себя на усмотрение римлян, прежде всего отдают принадлежавшую им страну, города на ней, вместе с тем мужей и жен, находящихся на этой земле со всеми городами, реками, гаванями, святилищами, словом, римляне становятся владыками всего».

Второе заставляет нас обратиться к событиям II Иллирийской войны (219—218 гг.), которые, как нельзя лучше, показывают право Рима решать судьбу попросившего покровительства римлян государства. По словам Полибия (III. 187), после просьбы греческих полисов Иллирии о принятии их вновь под опеку римлян каждый город принимался Римом под покровительство на соответствующих, зависящих от поведения горожан условиях.

Третье — рассказ о реакции римского консула Ацилия Глабриона на слова стратега этолийцев, передавших себя на милость римлян после поражения 191 г. под Фермопилами, Фенеи. Он ясно показывает, что римляне оставляли за собой право карать и миловать в случае *deditio in fidem* (Polyb. XX. 9.1—10; Liv. XXXVI. 27; 28. 4—5).

Таким образом, в результате I Иллирийской войны в распоряжении римлян оказались две категории местного населения: сдавшиеся им ардиэи (*deditii*)⁴⁶ и перешедшие под их покровительство греческие полисы и племена атинтанов и парфиниев. И в том, и в другом случае римляне получили полное право распоряжаться их судьбой.

Территория ардиэев была поделена между двумя правителями: Деметрием и Пинною, причем на последнего, вернее, на его опекуна Тевту, как виновницу войны, была наложена контрибуция. По справедливому замечанию Н. Хэммонда⁴⁷, владения Деметрия Фарского стали буфером между монархией ардиэев и Римом. В управлении атинтанов и парфиниев

изменении не произошло: они сохранили политическую самостоятельность.

Очень сложно определить статус греческих полисов Иллириды в римском протекторате. Ясно, что они не входили в состав владений Деметрия и Пинны. Полибий (III. 16.3), рассказывая о попытке Деметрия во время II Иллирийской войны подчинить себе иллирийские греческие города, называет их «зависящими от римлян». Аппиан (III. II. 7.8) в рассказе об исходе I Иллирийской войны дает сходные сведения: он называет Исса, Эпидамн, Фар, Керкиру «подчиненными римлянам».

Обращаясь к этому вопросу, некоторые ученые считают греческие полисы сдавшимися (*dediciti*) и получившими «свободу во временное пользование» (*libertas praesaria*)⁴⁸. Другие полагают, что они имели статус союзников, с которыми римляне заключили формальные договоры⁴⁹. Существует также точка зрения, согласно которой они считались союзниками и «друзьями» Рима⁵⁰, но без заключения какого бы то ни было соглашения с последним⁵¹.

Повествуя о результатах I Иллирийской войны, Аппиан делает одно-единственное замечание, которое позволяет нам представить себе положение греческих полисов в составе римского протектората. Он (III. II. 8.2) указывает, что римляне оставили Керкиру и Аполлонию свободными. Таким образом, мы считаем, что полисы Иллирии можно отнести к разряду *civitates liberae et immunes*⁵². Они должны были иметь ряд привилегий: освобождение от налога, от римских гарнизонов, право на самоуправление, на свободу в экономической жизни, в частности, на выпуск собственной монеты⁵³. Чеканка монет иллирийскими полисами после 229 г. показывает, что их суверенитет никак не был ограничен⁵⁴. Разумеется, во взаимоотношениях этих городов с римским государством могли быть нюансы, но состояние источников выяснить нам их достоверно не позволяет.

II Иллирийская война (219—218 гг.), начатая по инициативе Деметрия Фарского, который учел тяжелое положение Рима в то время, — его разногласия с Карфагеном перед II Пунической войной и затяжную борьбу с кельтами 225—222 гг., — на короткий период лишила римлян контроля над иллирийским побережьем. Деметрий захватил греческие полисы, склонил к отпадению от Рима атинтанов, вновь начал грабежи на море и втянул в эти операции иллирийское племя истров, вынудив в 221—220 гг. Рим на так называемую Истрийскую войну⁵⁵. Но планы его потерпели неудачу. Римляне под руководством консула Луция Эмилия Павла одержали победу. Деметрий был вынужден бежать в Грецию (См.: о ходе войны: Polyb. III. 16; 18—19; App. III. II. 8; Dio Cass. XII. fr. 53; Zon. VIII. 20).

У нас мало данных о политике римлян в Иллирии после II Иллирийской войны, но они позволяют сделать вывод о том, что здесь не был восстановлен прежний *status quo*. Б. Н. Греков оставлен у власти Пинна, «просивший, по словам Аппиана (III. II. 8.6), за иллирийцев». На месте Деметрия из Фара появляется Скерделаид⁵⁶, который сохранил верность Риму в годы Македонских войн. Вновь попросили у римлян покровительства греческие полисы, и положение каждого из них было определено победителями (Polyb. III. 18.7). Восстановление прежнего положения в Иллирии в 218 г. подтверждается и тем пунктом договора 215 г. между Филиппом V и Ганнибалом, где говорится об иллирийских владениях римлян. Согласно соглашению, римляне должны были отказаться от Керкиры. Аполлонии, Эпидамна, Фара, Дималы, земель парфиниев и атинтанов и вернуть во власть Деметрия Фарского всех его подданных (Ibid., VII. 9.10).

Таким образом, то новообразование, которое ряд исследователей называет римским протекторатом в Иллирии⁵⁷, представляло собой рыхлый конгломерат из греческих полисов, прибрежных районов, племенных территорий и поселений ардизев, оставленных за Пинной и Деметрием, замененным впоследствии Оскерделаидом⁵⁸. Связующим звеном здесь была общая идея о «дружбе» с Римом. Как отрывочно свидетельствуют наши источники, после I Иллирийской войны римляне вступили в дружественные отношения с керкирянами, племенами атинтанов и парфиниев, сделали «другом» Рима Пикну (См. последовательно: Ibid., II. 11.6—11.11; App. III. II. 7.8).

До начала Македонских войн проблемы Балканского полуострова по-настоящему римлян не занимают. Их вполне устраивает зависимость Иллирии, имеющая своей основой институт клиенты, оформленная по большей части через акт сдачи под римское покровительство и объединяющая всю эту область на северо-западе Балкан на базе «дружбы» с римским государством. Установление такого рода взаимоотношений здесь — развитие столь любезной сердцу римлян идеи о связи, содружестве, чаще всего, без договора⁵⁹, уже апробированной ими на Апеннинском полуострове. Она позволяла, не связывая Рим никакими обязательствами, с «друзьями» на Балканах, оказывать нужное ему влияние в нужный для него момент на эту вне италийскую территорию.

Таким образом, установление римского влияния в Иллирии — любопытный пример использования римских частноправовых институтов в межгосударственных отношениях. За этой идеей было будущее, и она во многом предопределила характер отношений Рима с греческим Востоком.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

- Rome and Macedonia in 229—205 B. C. // JRS. — 1968. — Vol. LVVIII. — N 1. — P. 5. — Not. 6.
- ² Тенденция изображать таким образом женщин-правительниц характерна для эллинистической историографии. В данном случае, возможно, основана на Филархе. См.: Petzold K. E. Ein Betrag zur romischen Aussenpolitik im 3. Jahrhundert // *Historia*. — 1973. — Bd. XX. — H. 3. — S. 204. — Anm. 18.
- ³ См.: Waser G. Die Ursachen der ersten romisch-illyrischen Kriegs // *Historia*. — 1953—1954. — Bd. II. — H. 3. — S. 310.
- ⁴ Указание на сходство и различие между сведениями Полибия и Аппиана дано нами на основе анализа этих источников Г. Васером. (Ibid. — S. 314).
- ⁵ См., например: Badian E. Notes on Roman Policy in Illyria // *Badian E. Studies in Greek and Roman History*. — New York, 1964. — P. 1 — Not. 3; Beloch K. J. Griechische Geschichte. — Aufl. 2. — Berlin und Leipzig, 1927. — Bd. IV. — Teil 1. — S. 664; Holleaux M. Rome, la Grece et les monarchies hellenistiques au III-e siecle av. J. — Paris, 1921. — P. 23; 93. — Not. 2.
- ⁶ См.: Gelzer M. Romische Politik bei Fabius Pictor // *Romische Geschichtsschreibung* / Hrsg. von V. Poschl. — Darmstadt, 1969. — S. 77—79, 96—129.
- ⁷ См.: Walbank F. W. Polybios phylinos und der erste Punische Krieg // *Romische Geschichtsschreibung* Hrsg. von V. Poschl. — Darmstadt, 1969. — S. 272—279.
- ⁸ См., в частности: Baldson J. P. Some Questions about Historical Writing in the 2nd Century B. C. // *CQ*. — 1953. — Vol. XLVII. — P. 158—164; idem. Rome and Macedonia 205—200 B. C. // *JRS*. — 1954. — Vol. XLIV. — p. 30—42; Dell H. J. Demetrius of Pharos and Istrian War // *Historia*. — 1970. — Vol. XXVII. — N 2: — P. 123—124; 129—131.
- ⁹ См. подробнее: Derow P. S. Kleemporos // *Phoenix*. — 1973. — Vol. XXVII. — N 2. — P. 123—124, 129—131.
- ¹⁰ См.: Petzold K. E. Op. cit. — S. 223.
- ¹¹ Ibid. — S. 207.
- ¹² Он отдает преимущество данным Полибия, опираясь на его слова (II.8.1.—2) о том, что «иллирийцы и ранее постоянно чинили несправедливости по отношению к плывущим из Италии».
- ¹³ См.: Holleaux M. Rome... — P. 22. Not. 1; idem. The Romans in Illyria // *CAH*. — 1928. — Vol. VII. — P. 824—827.
- ¹⁴ См. В частности: Cary M. A History of the Greek World from 323 to 146 B. C. — New York., 1939. — P. 182—183; Ormerod H. A. Piracy in the Ancient World. An Essay in the Mediterranean History: — Liverpool, 1924. — P. 62.
- ¹⁵ См. описание территории Иллирии (совр. центральном Албании). Hammond N. G. L. Illyris... — P. 1—4.
- ¹⁶ См. Griffith G. Th. The Mercenaries of the Hellenistic World. — Cambridge, 1935. — P. 14, 70. — Not. 1. Launey M. Recherches sur les armees hellenistiques. T. 1. — Paris, 1949. — P. 410—418.
- ¹⁷ См. Dell H. J. The Origin and Nature of the Illyrian Piracy // *Historia*. — 1967. — Bd. XVI. — H. 3. — P. 345—355.
- ¹⁸ Нам представляется более верной точка зрения Н. Хэммонда, который в полемике с Ф. Папазоглу настаивает на том, что ни о каком едином иллирийском царстве в III—II вв. до н. э. говорить не приходится. Подтверждением этого мнения, как нам кажется, могут служить упоминания Аппианом многочисленных иллирийских племен, проживающих в данном районе Балкан в римское время (App. III. 1.1—5) и слабо освещенная в источниках борьба за власть в Иллирии претендентов — предводителей отдельных племен, таких, как Деметрий из Фара, Скерделаид. Плеврат, его сын Гентий в ходе трех иллирийских войн. См. в сравнении: Hammond N. G. L. The Kingdoms in Illyria circa 400—167 B. C. // *ABSA*. — 1966. — Vol. LXI. — P. 239—242; Papazoglou F. Les origines et la destinee de l'Etat

Illyrien: Illyrii proprie dicti // Historia. — 1965 — Н 2 — Bd XIV — P. 169—170.

¹⁹ Ibid. — P. 168.

²⁰ См.; Dell H. J. The Origine... — P. 348.

²¹ См. хронологические выкладки: Derow P. S. Op. cit. — P. 118.—Not. 1 P. 133—134.

²² См. о династии ардиэеиских властителей: Hammond N. G. L. The Kingdoms in Illyria... P. 243.

²³ См.: Badian E. Notes... — P. 3

²⁴ См.: Derow P. S. Op. cit. — P. 118. — Not. 2.

²⁵ См.: Bickermann E. Hannibal's Covenant // AOPh — 1952 — Vol LXXIII. — P. 21.

²⁶ См.; Hammond N. G. L. Illyris... — P. 4

²⁷ См.: Dell H. J. The Origine... — P. 356—357. Not 56—57.

²⁸ Об этом свидетельствуют находки там итальянской керамики См. Waser G. Op. cit. — S. 316.

²⁹ См. разбор сведений по этому вопросу: Derow P. S. Op. cit. — P. 125—127; Waser G. Op. cit. — P. 315—317.

³⁰ См. о неудачной попытке ахейцев сделать это: Polyb. II. 10. 1—6.

³¹ Решить, кто в этом случае прав, Полибий или Плиний, вряд ли возможно. См.: Derow P. S. Op. cit. — P. 121—122 Not 14

³² См.: Dio Cass. XII, fr. 49.5; Zon. VIII. 19 7

³³ См.: Badian E. Notes... — P. 4—5

³⁴ См.: Petzold K. E. Op. cit. — P. 202

³⁵ См.: хронологические выкладки Н. Хэммонда и Г. Васера, которые расходятся между собой в выводах: Н. Хэммонд относит начало войны ко второй половине 229 г., Г. Васер — к 228 г. Нам кажутся более верными выводы Н. Хэммонда. Ср. между собой: Hammond N. G. L. Illyris — P. 5 6; Waser G. Op. cit. — S. 311—312.

³⁶ Ряд ученых (см., в частности: N. G. L. Hammond Illyris... — P. 9; Holleaux M. Rome... — P. 109—112; idem. The Romans in Illyria... — P. 828, 833, 837—847; Weil E. Historie politique du monde hellénistique (327—307 a' C.) — Nancy, 1967. — Vol. 11. — P. 65—66) полагают, что эта акция носила откровенно враждебный Македонии характер. Но вряд ли это было актуально для конца III в. до н. э. См. убедительные доказательства этой точки зрения: Dell H. G. Antigonos III and Rome // CPh — 1967 — Vol LXII. — N 2. — P. 95.

³⁷ См.: Badian E. Foreign Clientelae (264—270) — Oxford 1958 — P. 36—43.

³⁸ См. О примерах такой политики римлян в отечественной литературе: Сизов С. К. Податный устав Гиерона II // Из истории античного общества — Горький, 1979. — С. 47—64; Он же. Объединения городов в римской Сицилии (III—I в. до н. э.) // Проблемы античной государственности. — Л., 1982. — С. 158—178; Он же. Налоговая политика Рима в провинции Сицилии в эпоху Республики // Из истории античного общества. — Горький, 1983. — С. 27—39; Он же. «Цензорские общины» в римской Сицилии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. — Горький 1985. — С. 40—56.

³⁹ Проблема эта решается современной наукой неоднозначно. См. о разногласиях по этому вопросу: Scullard H. The History of the Roman World. 753—746. B. C. — London, — New York, 1980. — P. 493. — Not. 1—11.

Часть ученых считает это событие актом *deditio* (См., например: Dahlheim W. Deditio und Societas: Untersuchungen zur Entwicklung der römischen Aussenpolitik in der Blütezeit der Republik — Diss. München. 1965.— S. 22—27; Holleaux M. The Romans in Illyria..., P. 836). Другие (см. Badian E. Foreign Clientelae. — P. 43—45; idem Notes: — P. 7; Hammond N. G. L. Illyris... — P. 7; Obst S. I. Roman Policy in Epirus and Acarnanis in the Age of the Roman Conquest of Greece. — Dallas, 1954. — P. 1; Petzold K. E. Op. cit. — S. 208), говорят о *deditio in fidem*.

⁴⁰ Слова Диона Кассия и Зонары более неопределенны и двусмысленны: «Иссейцы передали себя римлянам» (Dio Cass. XII, fr. 49. 1; Zon. VIII. 19; 3.

⁴¹ См.: Gruen E. S. Greek and Roman fides // Athenaeum. — 1982, — Vol. XL. — Fasc. 1—2. — P. 60—63. Подробнее об обозначении в греческом и латинском языках *deditio* и *deditio in fidem* см.: Dahlheim W. Deditio und Societas... — S. 8, 41; Heuss A. Die Völkerrechtlichen Grundlagen der römischen Aussenpolitik in republikanischer Zeit (KHo. Beiheft 21. N. Folge. Heft 18) — Leipzig, 1933. — S. 64.

⁴² См., например: Walbank F. Polybius and Rome's Eastern // Policy 1963. — Vol. LIII. — N 1. — P. 1—4.

⁴³ См. подробнее об историографии этого вопроса: Dahlheim W. Struktur und Entwicklung des römischen Völkerrechts im dritten und zweiten Jahrhundert. — Chr. — München, 1968. — S. 25—29; Eluul W. Deditio in fidem. — Diss, Munich, 1969. — S.67—69.—Not. 1; Gruen E. S. Op. cit. — P. 51.—Not. 4.

⁴⁴ Ряд ученых, говоря о прагматическом подходе римлян к воиновым политикам, отрицают моральные обязательства римлян. См.: Dahlheim W. Deditio und Societas... — S. 41—52; idem. Struktur und Entwicklung... — S. 48—52. На наличии моральных обязательств римлян по отношению к прибегнувшим под их покровительство настаивают: Flurl W. Op. cit. Dassim; Gruen E. S. Op. cit. — P. 54—55.

⁴⁵ См.: Badian E. Foreign Clientelae... — P. 41.

⁴⁶ См. весьма выразительное свидетельство Ливия о судьбе их: Liv. XXXIII, 32. Попытка Н. Хэммонда считать имеющими отношение к племени ардиэев неверна. Речь здесь, по мнению Петзольда, идет об атинтанах и парфиниях. Ср. между собой: Hammond N G L Illyris... — P. 7. — Not. 23; Petzold K. E. Op. cit. — S. 208.

⁴⁷ См.: Hammond N. G. L. Illyris... — P. 7.

⁴⁸ См., например: Holleaux M. The Romans in Illyria... — P. 836.

⁴⁹ См., в частности: Scullard H. H. Op. cit. — P. 493. —Not. 11.

⁵⁰ См.: Badian E. Foreign Clientelae... — P. 43—45; idem. Notes... — P. 7; Oost S. I. Op. cit. — P. 1.

⁵¹ На наличие в римской политической практике такого рода отношений указывают некоторые ученые. См., прежде всего: Matthei L. On the Classification of the Roman Allies // CQ. — 1907. — Vol. 1. — P. 193, 203.

⁵² Мы присоединяемся в этом вопросе к следующим исследователям: Petzold K. E. Op. cit. — S. 215; Scullard H. H. Op. cit. — P. 493.—Not 1U Но в отличие от последнего мы считаем, что все иллирийские полисы находились в таковом положении, не только Керкира и Аполлония.

⁵³ Подробнее см.: Jones A. H. M. Civitates liberae et immunes in the East // Anatolian Studies Presented to W. H. Buckler. — Manchester, 1939.— P. 103—117.

⁵⁴ См.: Petzold K E. Op. cit. — S. 215. — Anm. 78.

⁵⁵ См. доказательства истинности данного события римской истории: Dell H J. Demetrius of Pharos and Istrian War // Historia. — 1970. — Bd. XIX. — P. 30—33.

⁵⁶ См. подробные указания на источники: Badian E. Notes... — P. 18; Will E. Op. cit. — Vol. II — P. 67.

⁵⁷ См., в частности: Dell H. J. Antigonos III and Rome... — P. 95; Walbank F. W. Philipp V of Macedon. — Cambridg, 1940. — P. 12.

⁵⁸ По поводу его границ единой точки зрения нет. Территория, принимаемая Олло (Holleaux M. The Romans in Illyria... — P. 768. — Fig. 10; P 825 — Fig 14) и идущим вслед за ним Дж. Файном (Fine J. V. A. Macedon, Illyria and Rome 220—219 B. C. // IRS. — 1936. — Vol. XXVI—N 1. — P. 27) за область римского влияния на северо-западе Балкан видимо, действительно неправомерно преувеличена, как отмечено Э. Бэдином (Badian E. Notes... — P. 7). Из нее, прежде всего, как верно

Per
слова

отмечено Н. Хэммондом (Hammond N. G. L. *Illyris...* — P. 8—9. — Fig. 1) следует исключить территорию эпирской Атинтании.⁵⁹ См.: Larsen J. A. O. *Greek Federal States. Their Institutions and History.* — Oxford, 1968. — P. 359—360.

УДК 937

Я. Ю. Межерицкий (Калужский пединститут)

КЛАВДИЙ: ИСТОРИК И ИМПЕРАТОР

С легкой руки автора известной сатиры на обожествление Клавдия (т. н. «*Aprocolocyntosis*», принадлежавшей, по-видимому, перу Аннея Сенеки)¹, этот император вошел в историю неким физически и душевно больным тираном, смерть которого исторгла вздох облегчения всей Империи². Во многих изъяснах и пороках Клавдия превосходили другие принцепсы первой династии: поздний Тиберий — жестокостью, Калигула — явными психическими отклонениями, Нерон — полным пренебрежением моральными нормами и традициями³. Но среди них не было императора, не только со всей серьезностью занимавшегося историей, но к месту и не к месту демонстрировавшего свою ученость. И можно не сомневаться, что риторический вопрос о воображаемом посмертном суде богов: «Когда это видано, чтобы приводили к присяге историка?»⁴, был рассчитан на особый эффект и, соответственно, приговор с «обвинительным уклоном»⁵.

Свидетельствует ли осуждение штудий покойного императора лишь о сохранении традиционного для римлян недоверия в отношении «греческой учености» или здесь следует предполагать какие-то более актуальные политические мотивы? Иными словами, были ли связаны исторические занятия, Клавдия с политикой (вроде «археологической» деятельности Набонида или, ближе, Августова восстановления древних храмов и элогиев)? А может, современники имели основания усматривать воздействие не совсем обычного увлечения императора на его политические ориентации и политику? Разумеется, поскольку Клавдий-император и Клавдий-историк были⁶ в конце концов одним и тем же лицом, какую-то связь между ними можно постулировать априори. Но это не только не снимает проблемы, а, напротив, диктует необходимость выявления конкретных линий взаимозависимости, взаимовлияния и взаимодействия теории и практики, исторических размышлений и идеологических построений⁶.

Прежде всего необходимо выяснить, насколько соответствует истине распространенное представление об ученом педанте, далеком от реальной жизни и оторванном от политических контрверзов своего времени, что делало его якобы неспособ-

ным к государственной деятельности. Как на пример антикварных интересов Клавдия указывают на сочиненную им историю этрусков в 20 книгах, об утрате которой остается лишь сожалеть современным исследователям⁷. Не следует, однако, забывать, что обращение к такого рода сюжетам прекрасно вписывалось в реставрационную идеологию первых десятилетий принципата, тем более, что Август прилагал большие усилия по реанимации некоторых древних религиозных обычаев этрусков и даже намеревался возродить этрусскую лигу⁸. Видное место в формировании идеологической политики Августа занимал Гай Цильний Меценат, потомок этруских лукумонов. Выходцами из этруских городов были группировавшиеся вокруг него известные поэты Публий Вергилий Марон, Авл Персий, Секст Проперций⁹. В такой культурной и политической атмосфере обращение к истории древнего народа, заложившего многие важнейшие основы римской государственности, цивилизации и религии, могло представляться современникам удобным способом продемонстрировать лояльность к новому режиму.

Необходимо иметь в виду, что антикварианизм, с таким сарказмом обличавшийся Сенекой полвека спустя не только по общетеоретическим и, видимо, политическим соображениям, но и вследствие личной ненависти к Клавдию¹⁰, в период конца Республики — начала Империи был влиятельным течением в римской научной и общественной мысли¹¹. Это объясняет наряду с указанными конъюнктурными мотивами, не только интерес к этрускам, но и написание истории Карфагена в 8 книгах¹². Впрочем, и здесь не могут быть исключены некоторые идеологические соображения, например, некоторое сходство государственного устройства Карфагена и Рима или историческое значение пунических войн, которые рассматривались как один из примеров проявления римского воинского духа и «доблести предков», которую стремился возродить Август.

Не означает ли это, что увлечение Клавдия историей, вызывавшее неудовольствие и раздражение знати в период его принципата, с самого начала возникло как антикварианизм, демонстрировавший лояльность к реставрационной идеологии Августова режима? И не подтверждается ли таким образом мнение известного итальянского исследователя, подчеркивавшего преклонение Клавдия перед основателем принципата¹³?

С представлениями о чуде-антикваре, далеком от политики и бездумно боготворящем Августа, не согласуются сведения о юношеских увлечениях будущего императора. Свою карьеру историка Клавдий начал не с занятий «древностью». По совету самого Тита Ливия он приступил к написанию «Историй», начав повествование с событий, последовавших за смертью Юлия Цезаря¹⁴. Подвергшись, однако, нападкам своей

матери (Антонии Младшей) и бабки (Ливий) и убедившись, что «правдивый и свободный рассказ» об этих событиях невозможен, Клавдий скомкал повествование о гражданских войнах, отведя ему лишь две книги, в то время как событиям, начиная с «установления гражданского мира», посвятил еще сорок одну, соответствовавшую, по гипотезе Бухелера, годам принципата Августа¹⁵.

К мнению Бухелера присоединился Момильяно, который к тому же указал, что писать о времени Тиберия было для Клавдия столь же опасно, как и о времени до «гражданского мира»¹⁶. Таким образом, итальянский ученый предполагает, ничем в сущности не подтверждая своей догадки, оппозиционный характер сочинения, поскольку вряд ли можно было усматривать опасность в панегирическом (наподобие «Римской истории» Веллея Патеркула) восхвалении правящего принцепса¹⁷. Однако нас больше интересует не окончательный, а несостоявшийся вариант «Историй» Клавдия и его первоначальный замысел. Для выяснения этих вопросов важно установить время и обстоятельства создания сочинения.

Ценные указания на этот счет дает Светоний. В частности, по его словам, к написанию «Историй» Клавдий приступил «в юности» (Suet. Claud. 41.1). Даже если учесть, что использованное слово *adulescentia* означало довольно широкий возрастной промежуток от 14 до 30 лет, мы получим самую позднюю дату — 20 г. до н. э., хотя Светоний вряд ли стал бы подчеркивать юношеский возраст Клавдия, если бы речь шла о верхнем пределе¹⁸. Ясно, во всяком случае, что начало работе было положено при жизни Тита Ливия, который умер в 17 или, по Р. Сайму, даже в 12 г. до н.э.¹⁹ При этом нужно иметь в виду, что, указав на Ливия лишь как на вдохновителя написания «Историй», Светоний в качестве помощника назвал Сульпиция Клава (Suet. Claud. 41.1). Необходимо также учесть, что цензорами Клавдиева труда оказались Ливия и Антония, но не Август. Это объясняется если не смертью принцепса, то во всяком случае резким ухудшением состояния его здоровья, что имело место в последние годы жизни, и растущей ролью императрицы в государственных делах. Ранее, как это следует из писем, цитируемых все тем же Светонием, Август сам занимался делами внучатого племянника (Suet. Claud. 4). Все эти хронологические выкладки позволяют отнести занятия Клавдия злополучным сюжетом гражданских войн к концу принципата Августа, самое позднее — к началу правления Тиберия. А цензура и обращение к теме принципата Августа скорее всего датируются временем, непосредственно следующим за смертью основателя принципата. Это событие не только открыло возможность проследить принципат Августа в целом, но и должно было вызвать потребность в таком труде.

Что же все-таки могло так не понравиться бабке и матери Клавдия в повествовании о гражданских войнах? По мнению А. Момильяно, причиной был не предмет, а его трактовка Клавдием. В этой связи он вспоминает другое, известное лишь по названию, сочинение Клавдия, «В защиту Цицерона против Азиния Галла»²⁰. Оно было задумано как опровержение сочинения сына известного оратора конца Республики Г. Азиния Поллиона, в котором тот пытался показать, что его отец как оратор был выше Цицерона²¹. При этом, если Азиний Галл имел в виду прежде всего стилистические различия²² между двумя ораторами, известные как азианизм и аттицизм, то Клавдий, не проявлявший специального интереса к риторике, руководствовался прежде всего симпатиями к Цицерону как писателю, человеку и политическому деятелю.

Следуя до этого пункта за А. Момильяно, мы не можем присоединиться к его утверждению, что восхваление Цицерона было поступком, враждебным не Августу, а лишь Антонию²³, что и вызвало особое недовольство Антонии, дочери триумвира от Октавии. Более того, итальянский ученый считал, что Клавдий, выступая апологетом Цицерона, продемонстрировал якобы приверженность его концепции «республиканского» принципата, которой следовал Август, но противостоял Антоний²⁴.

Защита Цицерона в инвективе против Азиния Галла и в самом деле проливает свет на идеологическую направленность исторического труда Клавдия (тем более, что их объединяет и рассматриваемый период, и персонажи, и, по-видимому, время создания сочинений). Но раздражение Ливий и Антонии возникло на основе не одних только родственных чувств, и тем более не вследствие их приверженности Антониевой концепции единовластия²⁵.

Представляется, дело было не только в Цицероне, кровь которого, безусловно, запятнала Октавиана²⁶. Тема гражданских войн сама по себе была невыигрышна для Августа. При самом лояльном отношении к нему можно было, скажем, опустить ходившие в свое время по Риму анекдоты о трусости наследника Ю. Цезаря или его никчемности как полководца, но как было хотя бы не упомянуть о проскрипциях и перузинской резне, как без ущерба для репутации основателя принципата рассказать о его многочисленных политических превращениях, когда он вступал то в союз с сенатом против Антония, то с Антонием — против «республиканцев» и т. д.? Сама тема гражданских войн и триумvirата, в результате которых Октавиан ценой жизни десятков тысяч сограждан пришел к власти, не вписывалась в идеологию «восстановленной республики» и континуитета, не согласовывалась с создававшимся длительными усилиями имиджем Августа как защитника и спасителя государства.

Эпизод с Клавдиевыми «Историями» показывает, что несмотря на все усилия правительственной пропаганды, указанная тема со временем не только не утратила своей актуальности, но стала, видимо, все более раздражать правительство. Судя по известным «Деяниям божественного Августа», где отсутствует даже соответствующий термин, уже со второй половины его правления тема гражданских войн становится «закрытой»²⁷. Судя по стилю Веллея Патеркула, повествование о бурных событиях римской истории должно было украшаться, если не золотом молчания, то серебром краткости. Но и оно, по-видимому, не было гарантией безопасности²⁸. В любом случае Веллей не был изобретателем «краткого стиля», и, по крайней мере, одним из его предшественников был будущий император, вынужденный кардинально сократить свое повествование о гражданских войнах. С другой стороны, составленные под придирчивой цензурой подробные анналы Августова принцепата (с экскурсами в правление Тиберия?) на долгие годы отвратили Клавдия от описания современности²⁹, и он засел за изучение этрусской и карфагенской историй.

Таким образом, распространенное мнение о Клавдии как «антикваре», совершенно чуждом насущным проблемам и лишь благодаря нелепой случайности вытасканным из закоулков дворца на престол империи (Suet. Claud. 10.1—2), не столь бесспорно с точки зрения его духовной эволюции. Ни обращение к теме гражданских войн, ни симпатии к Цицерону не могли не иметь политического оттенка³⁰. Не менее важным является, возможно, еще одно обстоятельство, ускользнувшее от внимания исследователей. Неудивительно, что Тит Ливий, обширнейший труд которого охватил, помимо прочего, гражданские войны и даже большую часть принцепата Августа³¹, посоветовал члену императорской семьи заново осветить эти события? Какие мотивы побудили прославленного историка поступиться своим профессиональным самолюбием?

Рассказывая о древней республике, Тит Ливий жил надеждой, что новый режим стал наследником великого прошлого. И представителю патавийской знати, увидевшему «восстановление республики», не приходилось поначалу кривить душой. Во имя патриотических целей и реставраторских замыслов Август пошел на соглашение с бывшими противниками Ю. Цезаря. Помпей был посмертно реабилитирован, и Ливий мог в своем труде без опасения высказывать «помпейские» симпатии (Tas. Ann. IV. 34.3). Сам принцепс в согласии с концепцией «республики» и «порядка» одобрил Катона как достойного гражданина, поскольку он не стремился к ниспровержению закона и конституции (Macrob. Sat. II. 4. 18); неудивительно, что Ливий осмеливался рассуждать на тему, не являлось ли

рождение Ю. Цезаря в большей мере проклятием, чем благословением для мира (см. Sen. N. Q. V. 18.4).

«Республиканизм» и «помпейство» не были лишь маскировкой — они органично вписывались в социальную политику Августа, ориентированную на восстановление авторитета знати и сената. Однако истинная свобода слова при режиме, где идеология контролировалась государственной властью, была невозможна. Любая трактовка событий, исходившая от принцепса, приобретала характер официальной и задавала параметры гласности. В случае с Ливием это обстоятельство усугублялось положением придворного историка. Несвобода историка, пусть облеченная в форму «дружбы» с Августом, была главной причиной слабости последних декад труда Ливия; не случайно у последующих историков ссылки на них практически отсутствуют³².

Что касается трактовки эпохи триумvirата, то здесь рамки исследовательской свободы задавали вначале «Автобиография» Августа, а затем, после 23 г. до н. э., концепция, воплощавшаяся по мере ее развития в различных вариантах «Деяния божественного Августа»³³. Если главной задачей правительства после Акция оставалось опровержение Антониевой пропаганды, то со временем на первое место все более выходили позитивные цели. Внимание сосредоточивалось на изображении Октавиана в период гражданских войн в строгом соответствии с *pietas necessitudo rei publicae* и *dementia*: альтернативы военным действиям не было, тем более что они оправдывались не только сыновним долгом, но и патриотизмом; победитель был милосерден. Развенчивались не только бывшие враги, но и союзники. В частности, важно было возложить именно на них главную ответственность за проскрипции³⁴. Одним из наиболее затруднительных для правительственной интерпретации фактов было, как уже упоминалось, убийство Цицерона. И даже Ливий, пылкий обожатель великого оратора, вынужден был констатировать, что Цицерон потерпел от своих врагов то, что сам бы с ними сделал, одержи он верх. (См.: Sen. Suas. VI. 22).

Последний пример наряду с изложенными соображениями указывает не только на возможные причины неудовлетворенности Тита Ливия своим трудом, но и точку соприкосновения знаменитого историка с юным Клавдием и его сочинением в защиту Цицерона. Убедившись в определенной самостоятельности суждений члена императорской семьи и уповав на его высокое положение, Ливий решил побудить Клавдия написать правдивую историю событий, поворотное значение которых в судьбах Рима прояснялось с каждым годом существования нового режима. Заговоры и все большее сосредоточение власти в руках Августа, события неспокойного десятилетия 6 г. до

н. э. — 4 г. н. э., связанные с неудачами династической политики (отъезд Тиберия на Родос, позор дочери Августа Юлии, смерть Гая и Луция Цезарей, возвращение и усыновление Тиберия), побудили Тита Ливия остановиться в своем повествовании на 9 г. до н. э. Последние книги (CXXXIV—CXLII), если следовать вполне убедительной интерпретации Р. Сайма, были написаны в 6—10 гг. н. э. Вскоре после этого, как показано ранее, должен был состояться и разговор Ливия с молодым Клавдием. Все эти по необходимости бегло изложенные соображения заставляют предположить, что сочинение Клавдия о гражданских войнах после смерти Ю. Цезаря с самого начала мыслилось как, по крайней мере, независимое от официальной трактовки событий.

Разумеется, соображения о нелояльности будущего императора по отношению к Августу, сделанные на основе косвенных данных, нуждаются в более убедительных доказательствах. На наш взгляд, следует иметь в виду два ряда фактов, сколько-нибудь обстоятельный разбор которых должен быть проведен в другом месте. Первое, это практическая политика Клавдия и направление развития его принципата в сопоставлении с замыслами Августа и его мероприятиями, направленными на «восстановление республики» и возрождение «древних нравов». Второе, пожалуй даже более важное в данном случае (тем более что реальная политика направлялась, конечно, не только желаниями императора), — высказывания Клавдия, в которых выявляется определенная система его социально-исторических взглядов. Неудивительно, что мы располагаем такой информацией в отношении Клавдия: человек, посвятивший четверть века историческим изыскам, даже оказавшись у руля Империи, не мог отказаться от своих прочных интеллектуальных привязанностей и сформировавшегося стиля мышления. За недостатком места ограничимся одним примером, который при кажущейся незначительности интересен уже тем, что имеет определенное отношение и к практической, и к теоретической (историографической) области.

Около 47 г. Клавдий отпраздновал Вековые игры (*Ludi saeculares*), сославшись на то, что Август справил их ранее положенного времени. Светоний, однако, уличает Клавдия, который-де в своих «Историях» заявлял, что Август после долгого перерыва восстановил игры точно в срок, в результате самых тщательных вычислений³⁵. Этот любопытнейший пассаж, в должной мере не оцененный исследователями, обнаруживает, в сущности, расхождение между подцензурным и неподцензурным Клавдием-историком. Понятно, что в свое время отказаться от каких-либо вычислений, расходившихся с официальной хронологией, Клавдия побудили те же причины, которые заставили его изменить и сам предмет рассмотрения, и

трактовку событий³⁶. Впрочем, не исключено, что фраза о «тщательных вычислениях» является свидетельством наличия у молодого Клавдия некоторых задатков чувства юмора, которому он был не чужд даже в роли правителя (Сравн.: Suet. Claud. 21.5).

В любом случае следует оценить хотя бы то, что, став императором, Клавдий не стал «подправлять» в своем раннем подцензурном сочинении места, которые могли скомпрометировать его как историка (и политика). Трудно сказать, что здесь сыграло определяющую роль: отвращение к некогда навязанному труду, незначительность вопроса и рассеянность или нежелание привлекать к нему внимание общественности. — любое из этих объяснений предполагает, по крайней мере, отсутствие мелочности.

Празднование Столетних игр через шесть с небольшим десятилетий после предыдущих³⁷ было одним из примеров своеобразного вызова императора-историка Августовой традиции. И дело, думается, было не в начетничестве чудака-антиквара. За наукообразными подсчетами явно просматривается кажущийся, может быть, наивным протест против безграничного и безоговорочного авторитета основателя династии. Что лежало в основе этого бунта?

Можно не сомневаться в присутствии личных мотивов. С юношеских лет ущемлялось личное достоинство и подавлялись честолюбивые порывы человека аристократической крови, который по всем понятиям своей среды мог претендовать на самые высокие должности в государстве. Светоний цитирует любопытные отрывки из трех писем Августа, в которых он обсуждает недостатки (но и некоторые достоинства) Клавдия с тем, чтобы определить место своего внучатого племянника в общественно-политической жизни (Suet. Claud. 4.1—6). Главным мотивом недопущения Клавдия к обычному для члена семьи принципса *cursus honorum* оказывается при этом некая физическая и психическая неполноценность. Можно также не сомневаться, что, приводя крайне нелестные высказывания матери, бабки, повествуя о многочисленных оскорблениях, которым Клавдий неоднократно подвергался в самых различных обстоятельствах, причем даже со стороны собственных слуг и придворных шутов, не говоря уже о членах императорской семьи. Светоний суммирует некую крайне враждебную традицию³⁸. Ее совершенно прозрачный смысл заключался в обосновании полнейшей неспособности Клавдия «ни к каким общественным или частным делам» (Suet. Claud. 2.1). Однако как согласовать с этим тот факт, что Клавдий был провозглашен императором в один из наиболее драматичных моментов принципата (после убийства Калигулы и при попытке заговорщиков провозгласить «свободную республику»), причем

кандидатура, Клавдия никаких персональных возражений не вызвала? Более того, тридцатилетнее правление Клавдия оказалось наиболее продуктивным за все время правления преемников Августа.

Влиятельной античной версии о физической и умственной неполноценности Клавдия противоречит целый ряд известных обстоятельств. Те же писатели, которые сообщают о слабости и глупости Клавдия, отмечают особые знаки внимания и почтения, которые оказывали ему всадники (а иногда и сенат), избравшие его своим патроном и представителем в некоторых ответственных случаях, например, для приветствия Калигулы в качестве императора³⁹. Были широко известны литературные дарования и способности Клавдия к «свободным искусствам»; сам Август в письме к Ливий высказал восхищение одной из его декламаций (Suet. Claud. 3.1 и 4.6). Эти качества при самом знатном происхождении и близком родстве с принцем должны были, казалось, открыть самые блестящие возможности для карьеры.

Но, может быть, сам Клавдий избегал политической деятельности, стремясь к отшельническому, кабинетному образу жизни? Эволюция интересов Клавдия в области историографии показала, что его «антикварианизм» (если даже он и стал антикваром, что далеко не очевидно) был, так сказать, вторичным, и первоначально юного Клавдия привлекали не древности, а слишком даже актуальные сюжеты, связанные с гражданскими войнами, триумвирами и Цицероном. Более того, письма Августа не вызывают сомнения в том, что система жизненных ценностей будущего императора складывалась под воздействием идеалов, сформулированных в трактатах все того же Цицерона, для которого любая теоретическая деятельность была не более, чем вынужденной заменой активного служения «республике»⁴⁰. Всякие сомнения на этот счет устраняет сообщение Светония, что уже при Тиберии Клавдий продолжал настойчиво, хотя и безуспешно, просить у императора подобающих должностей (Suet. Claud. 5.1).

Таким образом, речь идет о насильственном отторжении от государственной деятельности. Клавдия вряд ли могло вполне утешить, что он был здесь не исключением, а, скорее, правилом. Не менее показателен пример Тиберия, которого Август из соображений династической политики развел с любимой женой и женил на развратной Юлии. Да и судьба самой Юлии, любимой дочери Августа, которую он совершенно бесцеремонно использовал как инструмент политики и которая в конечном итоге отплатила полнейшим пренебрежением к усилиям принцепса по восстановлению «древних нравов», брачному законодательству, оказывается штрихом картины создававшейся тоталитарной системы⁴¹.

Психологически отношение Клавдия к основателю принципата было, в сущности, стихийным протестом против, системы, которая по своей природе неспособна считаться ни с достоинством и честью, ни с чувствами, ни (что особенно обнаружили дальнейшие превращения принципата) с жизнью человека, кем бы он ни был: взбунтовавшимся солдатом или принцем крови. Этот протест не помешал самому Клавдию вполне успешно продолжить создание и укрепление режима; заметим, что Клавдий никогда не решился (а скорее всего, у него и в мыслях такого не было) прямо выступить против Августовой традиции. И все же, несмотря на внешние знаки почтения, которое Клавдий демонстрировал на протяжении своего правления⁴²; мы не можем разделить мнение А. Момильяно о безмерном уважении, которое Клавдий питал, якобы, к основателю династии⁴³.

К преклонению перед политическим гением, которое должно было впитаться чуть ли не буквально с молоком матери, примешивались какие-то не всегда подконтрольные самому Клавдию чувства и воспоминания, проявлявшиеся то в террористических акциях против членов императорской семьи⁴¹, то в постоянно прорывавшемся наружу духе соперничества и противоречья⁴⁵. Не случайно автор упоминавшейся сатиры, прекрасного разбирающийся в тонкостях взаимоотношений в императорской семье, главным обвинителем Клавдия на Олимпе изобразил Августа⁴⁶ — в основе пародийного сюжета лежало разделявшееся обществом мнение о взаимной враждебности.

Почему же все-таки Август и Тиберий не допускали Клавдия к власти? Не похоже, что причиной было слишком близкое родство с императорами, которое, якобы, таило в себе некую опасность для их положения или династической политики⁴⁷. В этом случае правомерен вопрос: почему Август, большую часть своего правления усиленно подыскивавший преемников, ни разу не остановил выбора на этом «близком родственнике»?

Представляется, что любое сколько-нибудь убедительное объяснение особого отношения к Клавдию не может пройти мимо ясных указаний традиции о том, что он вызывал неприязнь и пренебрежение даже со стороны самых близких людей, не исключая мать. В их глазах Клавдий был неполноценным. Однако это не была неполноценность такого рода, которая бы абсолютно исключила государственную деятельность. Авторитет Клавдия у сословия всадников, а тем более события после убийства Калигулы, показывают, что в глазах определенных влиятельных социальных групп он был вполне приемлемой фигурой, не говоря уже о личных достоинствах, которые признавал сам Август. Речь, скорее всего, должна идти об определенных качествах, которые не укладывались в Августово (и вообще традиционно-римское) представление об

аристократе и государственном муже, соответствовавшем концепции «восстановленной республики» с возродившимися «древними нравами».

В самом деле, болезненный и жалкий с виду Клавдий был антиподом классически-идеальным изваяниям «древних мужей», установленным на Форуме, невольно оказываясь еще одним вызовом идеологии Августова режима, как и «имиджу» самого принцепса⁴⁸. Но, конечно же, дело было не только во внешности, и сам Август мало напоминал свои статуи в образе Марса или Юпитера. Вынужденный долгие годы, когда формировался его характер и мировоззрение, находиться на третьих ролях, испытывать не однажды страх, унижения, оскорбления и насмешки, Клавдий не обладал качествами «принцепса», которые вырабатывались в военных походах и на форуме, в курии и на судейском кресле. А успехи в научных занятиях могли сослужить лишь плохую службу: по мнению староримлян, сидя в кабинете среди пыльных свитков, невозможно было стать даже хорошим историком (это говорилось в адрес Тита Ливия, первого римского историка, не обладавшего политическим опытом), не то что правителем Римского государства⁴⁹.

Консерваторы были по-своему правы. Своим поведением Клавдий часто напоминает, скорее, рассеянного профессора, чем победоносного и величественного императора — любимца богов⁵⁰. Он не особенно заботится о своей внешности, говорит все, что думает, а стиль его мышления, сформированный учеными занятиями, резко отличается от образа мыслей окружающих. Все это было очень далеко от римских представлений о *dignitas*; у Клавдия начисто отсутствовало все то, что в современной литературе именуется «аурой» вождя. Отсюда — античная традиция о физически и умственно неполноценном принцепсе-чудаке.

Все эти особенности были не просто чудачеством, и тем более не позерством. Великий политик Август угадал в юном недотепе в книголюбивом совершенно чуждый дух раскованности и готовности к обновлению. Получив в конце концов власть, Клавдий, в сущности, отошел от Августова традиционализма и политики реставрации (или псевдореставрации). Деятельность Клавдия-императора была новаторской и антисенатской. Усиление роли бюрократического аппарата в ущерб влиянию сенатской администрации, стремление расширить римское гражданство и ввести в сенат видных представителей провинциальной знати, ущемление судебных полномочий сената и другие мероприятия вызвали острое недовольство старого правящего класса, выразившееся и в сатире «*Apocolocyntosis*», и во враждебной исторической традиции, дошедшей до нас в «Анналах» Тацита. В этом смысле правление Клавдия было

решающим шагом на пути к разрушительному для Августовой традиции правлению Нерона.

Учитывая все сказанное, следует признать, что осуждение исторических занятий Клавдия политическими противниками имело актуальную идеологическую, политическую, а не только традиционно-римскую «антиинтеллигентскую» подоплеку. В самом деле, «антикварные» штудии имели неожиданные (для тех, кто не знал их предыстории и содержания) последствия. Вместо того, чтобы с пылом фанатика взять на вооружение и усилить реставрационный элемент политики своих предшественников, что должно было бы вытекать из любви к древностям. Клавдий оказался разрушителем традиции и новатором.

Здесь не было противоречия, поскольку Клавдий по складу своего мышления совсем не был антикваром, преклонявшимся перед всем «древним», а, скорее, реформатором, использовавшим историческую традицию для обоснования новшеств. Этот тип историзма и способ мышления, соответствовавший объективной потребности в серьезных государственных преобразованиях, на практике выливался в политику, пагубную для привилегий знати. В свою очередь консервативно настроенные сенаторы, будучи чужды историзму как методу постижения тенденций общественного развития, ориентировались на стереотипы и шаблоны, превращавшиеся в лозунги и объекты культового поколения (вроде «свободы сената» или мифологизированного образа Катона Утического). Так, Августова идеология, ориентированная на «древние» образцы, при его преемниках *mutatis mutandis* послужила истоком идеологии сенатской оппозиции. Эта метаморфоза в общественном сознании именно при Клавдии пережила решающую фазу. Не менее важно для изучения идейного климата римского общества и то, что благодаря увлечению Клавдия историей это явление приобрело достаточно четко выраженные формы.

Историческая концепция Клавдия, независимо от того, насколько осознавал это сам император, была идеологической основой его политики. Об этом свидетельствует и известная речь Клавдия в сенате 48 года, обосновывавшая необходимость введения в состав этого органа знатных эдуев⁵¹.

Уже в самом начале речи император призвал сенаторов рассматривать проблему с совершенно чуждых консервативной части этого сословия позиций: не страшась введения «нового» (использованный термин *res nova* означал в политическом контексте «переворот»), поразмыслив о том, «сколько многое в государстве уже было обновлено и насколько регулярно от самого основания Города наша республика чередовала различные формы и состояния» (SC Claud. 1.1 — 7). Этот лейтмотив обновления и дух вольного обращения с традицией, обнаружившись еще в молодые годы, должен был

насторожить Августа, а потом Тиберия. Через десятилетия он вызвал ненависть консервативной части сената равно к Клавдию-императору и Клавдию-историку.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

¹ Общие проблемы изучения сатиры «Apocolocyntosis», или «Ludus de morte Claudii» (на русском языке она именуется «Отыквление», или «Сатира на обожествление Клавдия») были основательно разработаны в книге: Weinreich O. Senecas. Apocolocyntosis. — Berlin, 1923. Из более поздних работ, в которых рассматривался политический смысл сатиры, см., например: MacCurrie H. L. The purpose of the «Apocolocyntosis» // *Antiquite classique*. — Bruxelles, 1962. — Vol. 31. — fasc. 1—2. — P. 91—97; Kraft K. Der politische Hintergrund von Senecas * «Apocolocyntosis» // *Historia* — Wiesbaden, 1966. — Bd. 15. — H. 1. — S. 96—122.

Обзор литературы: Goffey M. Seneca. Apocolocyntosis 1922—1958 // *Lustrum*. — Göttingen, 1962. — Bd. 6. — S. 239—272.

Riikonen H. K. Menippean satire asalliterary genre. With special reference to Seneca's «Apocolocyntosis». — Helsinki, 1987.

² В последние полвека Клавдий подвергся некоторой «реабилитации», одним из инициаторов которой стал А. Момильяно, известная работа которого стимулировала наши размышления об историзме Клавдия: Momigliano A. Claudius: the emperor and his achievement. — Oxford, 1934 (repr. — Cambridge, 1961).

См. также: Sramuzza V. M. The emperor Claudius. — London — Cambridge (Mass). 1940. Видимо, не случайно тридцатые годы, поставившие мир перед угрозой тоталитаризма, вызвали интерес к Клавдию, при котором усилились монархические тенденции принципата. В это время вышли широко известные за рубежом романы Роберта Грэйвса: Graves R. D. Claudius. — London, 1934; Idem. Claudius the god and his wife Messalina. — London, 1934. Нам неизвестны монографии о Клавдии, написанные в последующие десятилетия, кроме: De Vivo A. Tacito e Claudio. — Napoli, 1980. К сожалению, в советской историографии никто специально не обращался к деятельности этого императора; в общих работах преобладает скорее враждебная традиция, идущая в конечном счете от кругов, для которых был написан «Apocolocyntosis». С., например: Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах. — М., 1979. — С. 98, где автор соглашается с уничижительным отзывом Тацита *Ann.* XII. 3).

³ Более чем достаточно примеров на этот счет представляет Светоний в своих «Жизнеописаниях двенадцати цезарей». См. также указанную в предыдущей сноске книгу Е. В. Федоровой. Сравн.: Grant M. The Roman emperors. — New York-London, 1985.

⁴ Sen. Apocol. 12: Quis unquam ab historico iuratores exegit?

⁵ Как известно, сохранившаяся часть «Отыквления» заканчивается тем, что собрание богов отдает Клавдия в рабы Калигуле, а тот в свою очередь передает в писцы своему отпущеннику (Apocol. 15). Название сатиры истолковывается исследователями таким образом, что обожествление Клавдия сводится в конечном счете к его превращению в тыкву (Лит. см. в прим. 1).

⁶ Различные наблюдения, излагаемые в данной статье, докладывались на VI Всесоюзных Сергеевских чтениях в МГУ (27—30 января 1989 г.) и чтениях памяти С. И. Архангельского в Горьковском пединституте (10—11 февраля 1989 г.).

⁷ См., например: Немировский А. И. Этруски: от мифа к истории. — М., 1983. — С. 3.

⁸ Momigliano A. Claudius. — P. 9 and 83—84. — Not. 22.

⁹ Немировский А. И. Этруски... — С. 134, 233.

¹⁰ На это прямо указывает Тацит (*Ann.* XII. 8). Как известно, первые годы правления Клавдия Сенека провел в ссылке на острове Корсика, от-

куда был возвращен благодаря усилиям Агриппины. Клавдий фигурирует в качестве одного из отрицательных «примеров» в трактате Сенеки «О гневе» и др. См.: Принципат Юлиев-Клавдиев в произведениях Сенеки // Из истории античного общества. — Горький, 1979. — С. 106. Об отношении Сенеки к историческим штудиям: «Древность» в исторической концепции Сенеки // Норция., — Вып. 2, — Воронеж, 1978. — С. 105—107.

¹¹ См.: Glover T. R. Antiquities and antiquarians // *The Cambridge ancient history*. — Vol. X: The Augustan empire. — Cambridge, 1934. — P. 523—529; Syme R. Tacitus. — Oxiord, 1958. — Vol. 1. — P. 132—144.

¹² Suet. Claud. 42.2. Обе истории, этрусская и карфагенская, были написаны на греческом языке.

¹³ Сравн.: Momigliano A. Op. cit.

¹⁴ Suet. Claud. 41. Сообщение Светония подтверждается Плинием Старшим, который, приводя некоторые географические сведения и факты курьезного характера, прямо ссылается на Клавдия (Pliny N. Q. V. 63; VI. 27; 31; 128; VII. 35; XII. 78). Фрагменты собраны в книге: Peter H. *Historiarum romanorum reliquiae*. IL—Leipzig, 1906. — S. 92 sqq. Momigliano A. Op. cit. — p. 8—9; 83. — Note 20—21.

¹⁵ Suet. Claud. 41. Цит. перевод М. Л. Гаспарова. Сравн.: Bucheler. Divi CXaudii *αποχολυψωδης* // *Symbola philologorum Bonnensium in honorem Er. Ritschelii collecta*. — Leipzig, 1864. — Vol. 1. — S. 48 (= K1. Schrifthen. — Bd. 1. — Leipzig — Berlin, 1905. — S. 456).

¹⁶ Momigliano A. Op. cit. — P. 82. — Note 14.

¹⁷ Тем более, что в начале своего правления Тиберий стремился подчеркнуть свой «республиканизм» и верность Августовым традициям. О тенденциозности Тацита в изображении Тиберия, см., например: Кнабе Г. С. Тацит. — М., 1981. — С. 162 и сл.; сравнение достоверности картин принципата Тиберия, даваемых Тацитом и Веллеем:

Немировский А. И. Веллей Патеркул и его время // Немировский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Петеркула. — Воронеж, 1985. — С. 27 и сл.

¹⁸ Клавдий родился 1 августа 10 г. до н. э. (Suet. Claud. 2. 1). В другом месте (Ibid. 26. 1) Светоний использует аналогичный термин (с частицей — *admodum adulescens*) в отношении 18-летнего Клавдия (8 г. до н. э.). Об использовании Светонием этого слова см.: Baldwin B. Suetonius. — Amsterdam, 1983. — Ch. 1.

¹⁹ Syme R. *Livy and Augustus*. // *Harvard studies in classical philology*. — Cambridge (Mass.), 1959. — Vol. LXIV. — P. 41, 68—72 (= Roman papers 1, 1979).

²⁰ Об этом сочинении Клавдия сообщают: Suet. Claud. 41. 3; Pliny Ep. VII. 4; Gell. Noct. Att. XVIII. 1. 1; Quint, Inst. orat. XII. 1. 22.

²¹ Сочинение Азиния Галла называлось «De comparatione patris et Ciceronis».

²² О борьбе этих двух направлений в риторике см.: Wilamowitz-Moellendorf U. von. *Asianismus und Atticismus* // *Hermes*. — Bd. 35 (1900). — S. 1 sqq.

²³ Momigliano A. Claudius. — P. 7.

²⁴ Ibid. — P. 33, n. 17, где А. Момильяно полемизирует по этому поводу с Т. Моммзенем.

²⁵ О «концепциях» единоличной власти в Риме см.: Модели единовластия в идеологии раннего принципата // Проблемы античной гражданской общины. — М., 1984. — С. 104—115.

²⁶ Как известно, официальная версия гласила, что Октавиан дал согласие на внесение Цицерона в проскрипционный список лишь под давлением своих коллег по триумвирату (Plut Cic. 46).

²⁷ Работа над дошедшей до нас редакцией «Res gestae» завершилась в основном ко 2 г. до н. э. См.: Javetz. Z. *The Res gestae and Augustus public image* // *Caesar Augustus: seven aspects*. — Oxford, 1984. — P. 2—8.

²⁸ Предположение о гибели Веллея Патеркула в волне террора после

казни Сеяна выглядит вполне убедительным, хотя и не бесспорным. См.: Немировский А. И. Веллей Патеркул и его время. — С. 10.

²⁹ Автобиография, упоминаемая Светонием (Suet. Claud. 41.3) относится, по-видимому, к последним годам жизни Клавдия. См.: Tac Ann XIII. 43.4.

³⁰ Надо думать, испуг внука, которого Август застал за чтением Цицерона, был не лишен оснований (см.: Plut. Cic. 49),

³¹ Тит Ливий довел свой труд до 9 г. до н. э. Причем период 44—29 гг. (книги 117—133) был освещен «с изобилием деталей». См.: Sume R. Livy and Augustus. — P. 44—42, 62.

³² Словом «amicitia» обозначает отношения Августа и Ливия Тацит (Ann. IV. 34.3). Теме «Ливий и Август», кроме цитировавшейся очень полезной статьи Р. Сайма, посвящены и другие специальные работы: Dessau H. Livius und Augustus // Hermes. — 1906. — Bd. XLI. — S. 142 sqq.; Nethercut W. R. Additions to the search for Augustan influence in Livy // The Classical Bulletin. — 1969/69. — Vol. 45. — P. 33—37 etc. Отсутствие ссылок на последние декады Ливия, освещавшие триумvirат и принципат Августа, отметил М. Леви: Levi M. A. Il tempo di Augusti. — Firenze, 1951. — P. 415 sqq. Из обширной новейшей литературы по Ливию см.: Немировский А. И. Социально-политические и философско-религиозные взгляды Тита Ливия // Вопросы истории. — 1977. № 7. — С. 103—117 (в переработанном виде включено в его книгу: Рождение Клио: у истоков исторической мысли. — Воронеж, 1986. — С. 217—239); Livy / Ed. Dorey. — London, 1971; Wege zu Livius / Ed. E. Bruck. — Darmstadt, 1967, 1977; Walsh R. G. Livy. — Oxford, 1974, etc.

³³ Javetz Z. Op. cit. — Loc. cit.

³⁴ Syme R. Op. cit. — P. 60 ff.

³⁵ Suet. Claud. 21.2. Сравн. Tac. Ann. XI. II. Август организовал Вековые игры в 17 в. до н. э. До этого они устраивались в 249 и 149 гг. Клавдий провел игры в 45 и 47 г. до н. э., следующие — Домициан в 88 г. См. подробнее: Базинер О. Ludi saeculares. Древнеримские секулярные игры. — Варшава, 1901. Главы VII-VIII посвящены соответственно секулярным играм Августа и Клавдия. Сравн.: Momigliano A. Claudius. — P. 27, 82—83. — Not. 14.

³⁶ Momigliano A. Claudius. — P. 7, 83. — Not. 21.

³⁷ Вопросы датирования игр рассмотрены в VКа3. соч. О. Базинера. — Гл. VI. — С. 216—220.

³⁸ Suet. Claud. 2—9, сравн.: Id. Nero 6.2; Seneca. Apoc. Passim; Ios. A. J. XIX. 13; Dio Cass. LX. 2 etc.

³⁹ См. Suet. Claud. 5.1—2; 9; 33.2. Сравн.: Sen. Apoc. 15; Dio Cass. LIX. 23. Данные античных источников о личности Клавдия и мнения исследователей рассмотрены во II главе книги: Scramuzza V. The emperor Claudius. — P. 35—50 and notes on p. 238 sqq.

⁴⁰ См., например: Cic. De rep. 1.1—7 etc. De off. 1.57—58 etc. См. Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. — М., 1985. — Т. 1. — С. 29 и сл.; Кнабе Г. С. Категория престижности в жизни Древнего Рима // Быт и история в античности. — М., 1988. — С. 143 и сл.

⁴¹ Юлия вначале была помолвлена с сыном Антония, позднее с «варварским» (гетским) царем Кортизоном, затем была выдана замуж за своего двоюродного брата, малолетнего Марцелла, после — за Агриппу (которого Август предварительно развел со своей сестрой, разлучив с детьми), наконец — с будущим императором Тиберием (заставив его развестись с любимой женой, беременной уже вторым ребенком). См.: Saet. Aug. 63.

⁴² Suet. Claud. 11. «Имя Августа стало у него самой священной и самой любимой клятвой». Плиний Старший (Н. Н. XXV, 36.94) сообщает, что Клавдий, якобы, приказал стереть на двух картинах Апеллеса лицо Александра Македонского, заменив его лицом Августа.

⁴³ Momigliano A. Claudius. — P. 4.

⁴⁴ В казнях родственников Августа обвиняет Клавдия Сенека (Апос. 10—11). См.: Baldwin B. Executions under Claudius: Seneca's Ludus de morte Claudis // Phoenix. — Toronto, 1964. — Vol. 18. — P. 39—48.

⁴⁵ В речи к парфянским послам Клавдий упомянул себя наряду с Августом. При этом он умолчал о Тиберии, который, по мнению Тацита, должен был быть назван в том контексте (Tac. Ann. XII. II, 1).

⁴⁶ Sen. Apoc. 10—11.

⁴⁷ Momigliano A. Claudius. — P. 2—3.

⁴⁸ Об имидже Августа и его пропаганде: см. Walker S., Burnett A. The image of Augustus. — London, 1981; Zanker P. Studien zu Augustus — Portraits — Göttingen, 1973; idem. Augustus und die Macht der Bilder. — München, 1987 etc.

“ Упреки в адрес Ливия: Quantilian И.5.9. (невыгодное сравнение с более искушенным Саллюстием); 1.5.56 (Квинтилиан цитирует Азиния Поллиона, который укорял Ливия за patavinitas; т. е. в сущности, провинциальную непосвященность в проблемы римской большой политики, непонимание интересов аристократии. Примерно о том же. — VIII. 1. 2). См. также Немировский А. И. Кlio. — С. 219. Сравн. выше прим. 40.

⁵⁰ См., например: Wistrand E., Felicitas imperatoria. — Göteborg, 1987.

“ CIL. XIII. 1668 (=Dessau 211=Bruns. Fontes 52); Tac. Ann. XI. 24; Momigliano A. Claudius. — P. 10—19; Syme R. Tacitus. — Oxford, 1958. — Vol. J. — p. 317—319; II. — P. 703. — Not. 3; Scramuzza V The emperor Claudius — P. 130 sqq.; Griffin M. The Lyons tablet and Tacitean hindsight // Classical quarterly. — Oxford, 1982. — Vol. 32. — P. 404—418 etc.

УДК 937

В. Н. Шапошников (Нижегородский пединститут)

МИРООЩУЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ (Опыт этнолингвистического анализа литературы)

Древний человек всей своей сущностью был тесно связан с отечеством — с теми местами, где он родился, с той социальной структурой, где проходило его становление. Коллективное сознание было этническим или, на более ранних стадиях, общинно-родовым. Возможности для самореализации были связаны только с родными пределами. Древний человек что-то значил прежде всего как член некоторой этно-родовой ячейки (полиса, общины и пр.). Выпадение из нее, перемещение в другой континуум означали несравненно больше, чем просто смена бытовых условий или перемена климата. Происходил трудный процесс вживания (результаты которого бывали различными), значительная работа сознания, сдвиги в этическом мышлении, тщательная оценка и сравнение окружающего под этим углом зрения. В таких случаях наиболее проявляются особенности и закономерности внутреннего мира — взгляд на другие этносы, восприятие и оценка чужих нравов и обычаев.

В разных национальных литературах, начиная с древних

периодов, встречаются образы людей, находившихся в силу тех или иных обстоятельств на чужбине; они представляют интерес как для типологического, так и для контрастивного изучения. Систематическое исследование таких экземпляров иноэтнического восприятия расширило бы материалы для выводов о сущности коллективного и индивидуального сознания в древности, его этапах, национально-этнических разновидностях, их генезисе.

Ярким начальным образцом этой галереи является Овидий, принадлежащий ко вполне определенной античной эпохе с очерченным социально-экономическим и этнокультурным уровнем. Причем Овидий предстает с заданной точки зрения в двух ипостасях: он сам длительное время провел в чужом краю и отразил собственные впечатления, свое мироощущение в литературном творчестве.

Публий Овидий Назон (I в. до н. э. — нач. I в. н. э.) — крупнейший латинский поэт, был певцом любви и ее радостей, любимцем муз и просвещенной римской знати. Его творчество исследовалось с разных сторон представителями разных наук, и литература о нем поистине огромна (укажем здесь как наиболее относящуюся к делу только работу А. В. Подосинова, содержащую и обширный библиографический список по теме¹).

Художническая позиция Овидия зиждется на известных социально-политических закономерностях. Он жил в золотую эпоху божественного Августа, в которой можно видеть наивысший подъем Рима. Но — такова печальная диалектика — это и время контраста: увядание Вечного Города становилось очевидным. То было начало глобального застоя крупнейшей цивилизации. За внешним спокойствием и благополучием проступали тревожные черты в общественно-политической жизни, официозной морали и «неофициальных» настроениях общества, в расхождении и удалении их друг от друга. Несмыслимой приметой римского общества стало всепроникающее лицемерие: громко провозглашалось одно, тогда как на деле имело место совсем обратное². Отход от некогда провозглашенных идеалов и принципов сказывался и в индивидуальном мировоззрении, и в поступках: явный или неявный отказ от истинного исполнения общественного долга превращался почти в норму. Сыном своей эпохи и был Овидий; свое время он выразил в поэзии.

Для изучения на материале литературной словесности иноэтнического восприятия, специфики сознания народов, которых (или отдельных представителей которых) судьба заставила соприкасаться друг с другом, творческая биография Овидия имеет особый прицел: на склоне лет по какой-то причине, о которой есть множество догадок, вплоть до остроумных, но о которой мы уже вряд ли узнаем достоверно³, он был выслан из

столицы высочайшим повелением и поселен в черноморском городе Томы (ныне Констанца в Румынии). Там поэт окончил свои дни. До конца дней он не переставал писать стихи, наполненные сетованиями на свою злую участь и несправедливую судьбу, пронизанные мольбой к принцепсу о ее смягчении,

В ту пору Причерноморье для знатного римлянина было непривлекательной глушью — Овидий постоянно говорит о тяжелых условиях черноморской провинциальной жизни. Его окружала экзотическая среда — необычная природа, иные народы. Греческая колония, где оказался поэт, была островком античности среди буйного колорита. Как же воспринимал Овидий языковое и этническое окружение, в которое его поместила: судьба?

Ответ на данный вопрос надо предварить рассмотрением того, как он воспринимал не-латинян до ссылки, живя в Риме в обычных условиях. Упоминание не-латинских этнонимов в этот период связано главным образом с использованием греческих мифологических мотивов. Но есть и другие фрагменты, где оценка италийцев, в первую очередь римлян, и остальных народов не была равной, однопорядковой: чужеродец — это далеко не то же самое, что римлянин. Варвары как бы по определению отмечены особыми признаками. Уже в римский период Овидий был склонен характеризовать варваров как угрюмых, малопривлекательных и склонных к агрессивности существ. Показателен поэтический прием: жизнь вдали от милой столь тосклива, что сравнивается с пребыванием «в Скифии, у диких (feros) киликийцев и зеленоволосых (virides) британов» (Любовные элегии II, 16; ср. также Искусство любви III). Причем, как будет показано ниже, это не индивидуальное качество и не личная манера, но характерный римский настрой по отношению к не-италийцам.

Именно данная линия разовьется у Овидия в черноморской ссылке до уровня, совместимость которого с образованностью и гуманизмом просто парадоксальна, если не подходить к этому исторически. В первую очередь своим пренебрежением Овидий не обошел даже черноморских греков-колонистов. «Глупые томиты», — неоднократно читаем мы в его стихах. А между тем, греки-томиты относились к нему с большим почтением, увидели его лавровым венком и освободили от налогов в знак признания его таланта — об этом, немало не конфузясь, сообщает сам Овидий (Посл. к Понту IV, 9). Здесь можно констатировать корректировку бытующего преувеличения: будто бы римлянам было свойственно безусловное преклонение перед греками как носителями высокой культуры. Некоторое признание себе подобных имело место, но признание было не столь глубоким, и оно было скорее книжным, ретроспективным. По крайней мере, ничто не мешало многим рим-

ским литераторам употреблять в адрес греков уничижительное прозвание Graeculi — гречишки, вместо нормального Graeci.

И совсем не церемонился римский поэт при описании черноморских аборигенов и их страны. Как известно, Нижедунавье — Добруджа было благодатной страной: довольно мягкий климат, плодородная почва, надежно обеспечивающая земледелие, удачное географическое расположение, оживленная торговля, добыча металлов, в том числе и драгоценных. Однако в целенаправленной обработке Овидия все Западное Причерноморье изменяется, предстает как дикий и безжизненный край, «обожженный вечным морозом», дальше которого «нет уже ничего, кроме холода, врагов и морской волны» (Тристии). Жизнь этого края во всех ее проявлениях скована вечным страхом перед свирепствующим разбоем варварских шаек — таков гротескный образ.

Этнический состав и этнополитические процессы в Западном Причерноморье были для наблюдательного глаза разнообразными и интересными. Этническая ситуация была многокомпонентна и складывалась из нескольких факторов. Давним населением Овидиевой ссылки были восточные племена гетов (возможно, не представлявшие этнического единства), свидетельства о которых имелись начиная с Фукидида и Геродота. Они имели определенный опыт цивилизации и государственного объединения. Из всего большого разнообразия Овидий упоминает лишь синтов, ситонов, бессов и бистонов, но наиболее часто по отношению ко всем племенам региона использует общее название «геты»⁴. Нередко употребляет поэт их самый общий, родовой термин-макроэтноним «фракийцы», однако не осознанный иерархически. Таким образом, детализация автохтонного населения у Овидия была довольно слабой, что говорит отнюдь не о глубоком интересе римлянина к туземцам (однако отметим и объективную сложность этнической ситуации; вполне вероятно, что за фракийскими этнонимами у него могли стоять и другие племена).

Кроме фракийцев, Нижедунавье знало скифские и сарматские племена, а также не очень ясных бастернов — в основном в результате миграционных процессов. Эти названия Овидий часто употребляет также и не в собственном, не в строгом смысле, а как синонимы слова «варвары» с его отрицательным оттенком. В конечном итоге пестрая этническая ситуация оказывала влияние на лексикон Овидия — всего у него фигурирует свыше 70 племенных названий. Они обозначали народы различной этнической ориентированности и расовой определенности; многие племена составляли непосредственное окружение Том, но в то же время другие этнонимы вошли в поэтический обиход Овидия через книжную традицию из жанровых и стилистических соображений.

Все «варварские» племена Овидий трактует с заметным высокомерием, время от времени переходящим в неприкрытое презрение. В подобных трактовках, как в зеркале, было типичное отношение Рима к окружающему миру. И если принято говорить, что мироощущением античности были гармония и соразмерность, то в них не было места народам, которые Рим вовлекал в орбиты своей политики. Римская система была этнически почти непроницаема (хотя в римском сенате иногда и отыскивались, в более позднее время, представители венетской или галльской богатой знати).

Отношение к варварским племенам наглядно выражается в коллекции эпитетов, которые присоединяются у Овидия к варварским этнонимам. Почти всегда это сниженные и даже откровенно грубые слова. Например, вот эпитеты, которыми удостоивал Овидий племя гетов: грубые, жестокие, свирепые, глупые, косматые, нестриженные, грязные, одетые в шкуры, одетые в штаны (bracata), постоянно готовые к нападению (infestos), ненадежно замиренные (male pacatis). Причем некоторые из этих нелестных определений присоединяются к аборигенам неоднократно, превращаясь в их неотъемлемые атрибуты. Соответственен в римской интродукции и антропологический портрет: «Дикий голос, страшное лицо, ни волосы, ни борода не подстрижены ничьей рукой, правая рука немедля готова наносить раны крепким ножом» (Тристии V, 9).

Качество иноэтнического отношения выражается и в образности характеристик для аборигенов, их символической клишированности, что говорит о неразличении племен, невнимании к их отличительным признакам. Одни и те же прилагательные Овидий присоединяет к сугубо разным по своим значениям этнонимам. Так, одетыми в шкуры он именует и гетов, и кораллов, приверженными Марсу (т. е. агрессивными Marticolam) — как гетов, так и тавров, дикой сарматской шайкой называет бессов и гетов... С другой стороны, этнонимы в тех случаях, когда они выступают в форме определений-прилагательных, присоединяются к одинаковым и не очень разнообразным словам: гетские / сарматское побережье, иллирийский / сарматский берег, скифские / сарматские стрелы, гетские/скифские пределы и немного другое.

Даже сами варварские этнонимы у Овидия часто звучат как бранные слова: «Меня окружают дикое племя савроматов, бессы и геты — о, сколь недостойные моего дарования имена» (Тристии III, 10), — типичная сентенция римского поэта.

Мироощущение Овидия на чужбине выражается и в поэтических фигурах, чеканно составленных по законам античной риторики. Обратим внимание на сорасположенность и взаимодействие значений, на неслучайный порядок слов в искусной фразе поэта:

Litora pellitis nimum subiecta Corallis

Ut tandem saevos effugiamque Getas.

// От берегов, чрезвычайно подверженных (нападениям) одетым в шкуры кораллам, и от свирепых гетов когда ж, наконец, я убегу (Послания с Понта IV, 8).

Не вдаваясь в подробности поэтического анализа, отметим хотя бы одну характерную деталь. Непосредственное соседство слов *litora* — берега и *pellitis* — одетые в шкуры (кораллы) в латинской фразе нерасторжимо соединяет дикий угрюмый пейзаж и населяющих его аборигенов в общем звероподобном образе, эстетические комментарии к которому излишни.

Однако нельзя все трактовать слишком прямолинейно и буквально. Анализ иноэтнического восприятия в некоторой степени осложняется тем обстоятельством, что это художественное произведение, где реальные картины, мысли и чувства изменяются под воздействием эмоционально-эстетических процессов. Следует делать поправки на поэтический жанр, индивидуальную манеру Овидия, особый настрой его поэзии. Нельзя забывать и того, что богатый, привыкший к большому комфорту человек, Овидий был лишен в ссылке привычных благ, будучи вынужден жить в суровых для него условиях, вне привычного круга общения. И вся его черноморская поэзия преследовала одну цель — вымолить прощение у Августа, разжалобить его. Грустно-тоскливая элегичность стиля создавалась разными средствами, одним из которых были варварские этнонимы, смысловые и экспрессивные метаморфозы. Но тем не менее с учетом оказанного текста Овидия позволяют объективно воссоздать мироощущение римского поэта вдали от родины, пусть и с некоторым «коэффициентом». Образ мыслей и чувств демонстрирует несомненное пренебрежение, снобизм метрополии по отношению к не-италийским народам.

Среди большой литературы об Овидии изредка встречались «реабилитирующие» мнения. Общая их направленность сводится к доказательствам того, что Овидий более внимательно, и даже заинтересованно, относился к среде своей ссылки. При этом порою слишком доверчиво относились к словам Овидия в «Послании к Кару» (Послания с Понта), что он овладел гетским языком и даже написал по-гетски книгу. Однако другие исследователи видят здесь лишь тактическую уловку, лишний повод вставить просьбу о возвращении — ведь поэт сообщал о своих гетских штудиях как о постыдном факте:

Р. Гандева пыталась доказать, что в данном послании у Овидия меняется размер стиха³, что и является-де интерферирующим влиянием гетского языка. Однако развить это предположение не удастся: метрические данные, стиховедческий анализ не позволяют поддержать гипотезу болгарской исследовательницы.

Это неосновательно и в плане психологии Овидиева характера, хотя некоторая эволюция полностью не исключается. Неубедительными приходится признать и некоторые пристрастные реконструкции полного симбиоза опального римского сибарита и туземцев (Овидий в своей привязанности доходит до того, что лечит их детей). Однако единственным доказательством подобных утверждений выдвигается романтическая поэма А. С. Пушкина, что маловероятно. Овидий представляет совершенно иной социально-психологический тип, чем, например, русский купец Афанасий Никитин, проведший долгое время в индийских скитаниях. Живой и разносторонний интерес тверского путешественника к миру заморских странствий проявлялся во всем, в том числе и в освоении чужих языков: его «Хождение» пестрит тюркскими и персидскими словами и целыми фразами на этих языках.

Как уже говорилось, пренебрежение к не-римлянам, обнаруживаемое в творчестве Овидия, не было его индивидуальной чертой. Оно было парадигматичным, обычным для Рима — властелина мира. Сентенции, сходные с Овидиевыми, можно найти и у других римских авторов: Тита Ливия, Цицерона и др. Правда, данная парадигма иноэтнического пренебрежения не была абсолютно однородной и неизменной во времени. Можно найти и несколько другие, примеры иноэтнического восприятия. Но это началось позднее и кардинально не нарушало общего фона. Например, Тацит (II в.) с определенным любопытством описывал германские племена, отмечая в них не только отрицательные черты нецивилизованности, но и обнаруживая к некоторым сторонам их жизни симпатии, подчеркивая привлекательные качества.

Но более обычным для римской социальной психологии было то, что так называемые варварские народы рассматривались только как материал в глобальной деятельности Рима. В биографиях и описаниях многих видных деятелей империи варвары выступают лишь как средство получить почести триумфа. С ними можно в удобный момент развязать войну, из-за драгоценных металлов согнать с родных мест в бесплодную пустыню и т. п. Не случайно поэтому — об этом повествуют сами римские авторы — жители провинций испытывали ненависть к римлянам, которая и была почвой для массовых возмущений.

Рим не выдержал удара Алариха и последующих нападений по многим обстоятельствам и причинам. Но нельзя забывать об одной важной стороне: отношение к иноплеменникам, действия, направленные не на их благо, расхожие высокомерные оценки по отношению к другим народам. Разумеется, нецелесообразно смотреть на Римское государство только с этой стороны. Рим оставил такое наследие, многие вершины которого служат ориентирами еще и поныне. Но невозможно не

замечать исторических закономерностей во взаимоотношениях между народами, коррелирующих с явлениями этнопсихологии и этнолингвистики — во имя завтрашнего дня науки и общества.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

¹ Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. Тексты. Перевод. Комментарии. — М., 1985

² Гаспаров М. Л. Овидий в изгнании // Овидий. Скорбные элегии Письма с Понта. — М., 1978. — С. 189–224.

³ Дримба О. Овидий. Поэт Рима и Том. — Бухарест. 1967.

⁴ На подступах к славянскому этногенезу С. М. Соловьев указывал: «Овидий... перечисляет окружные народы..., не упоминает о даках, имя которых часто встречается у Горация; но на свидетельствах поэтов трудно основываться: у них одно народное имя идет за другое, древнее — вместо нового». — Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. — Кн. 1. — М., 1988. — С. 75.

⁵ Gancheva R. Über die Sprache der Geten nach Ovids Werken «Tristia» und «Epistulae ex Ponto» // Известия за български език — Кн XVII — София, 1968. — С. 87–95.

УДК 937

С. Н. Кочеров (Нижегородский пединститут)

СТОИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В РИМСКОМ СЕНАТЕ

(Опыт морального сопротивления тирании)

В 27 г. до н. э. завершилась история Римской республики и началась история Римской империи. Император Октавиан, присвоив все высшие республиканские должности и сосредоточив в своих руках верховную военную и гражданскую власть, фактически стал римским диктатором. По законам, принятым относительно власти императора, римский народ уступал ему свое «могущество», благодаря чему император считался единоличным представителем народа и государства. Титул принцепса, которым в эпоху республики наделялся первый по списку сенатор, вознаграждаемый таким образом за свою безупречную нравственность, позволял императору также узурпировать высший моральный авторитет в государстве. Начиная с правления Октавиана Августа основой официальной идеологии и системы ценностей в римском обществе провозглашались «непобедимый император» и «вечный Рим», которым воздаются божественные почести. Однако в I в. н. э. существовало расхождение между формой императорской власти (видимость республики) и ее сущностью (личная диктатура), что лиша-

ло императоров Рима твердой социальной опоры и делало их положение весьма неустойчивым.

В римском обществе конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. были еще довольно широко распространены свободолюбивые республиканские настроения. Так, Аппиан сообщает, что при отъезде Цезаря на войну с Помпеем римский народ провожал кто просьбами примириться с противником, ибо «не было тайной, что тот из них, кто одержит верх, повернет к монархии»¹. В 44 г. до н. э. римские республиканцы организовали заговор против Цезаря, убили его в сенате, но потерпели поражение в решающей битве с цезарианцами. При императоре Августе возникает республиканская оппозиция в сенате, виднейший представитель которой — историк и оратор Тит Лабий — уморил себя голодом в знак протеста против сожжения своих сочинений. При императоре Тиберии был казнен историк Кремуций Корд, осужденный на смерть за то, что он назвал Брута и Кассия «последними из римлян». После убийства Калигулы (41 г. н. э.) некоторые сенаторы, опьяненные освобождением от ненавистного тирана, призывали «истребить память о цезарях и разрушить их храмы»². Во время правления Нерона в римском сенате образуется так называемая стоическая оппозиция, которая просуществовала, несмотря на жестокие гонения, вплоть до правления Домициана.

Почему эта оппозиция в законодательном собрании древнего Рима вошла в историю под названием философского учения? Причины этого имели не столько личный, сколько социальный характер. В результате завоевания огромных территорий и образования мировой Римской державы, небывалого развития рабовладения и прогрессирующего отчуждения широких слоев свободного населения от управления общественными делами римская гражданская община переживает в I в. до н. э. — I в. н. э. период разрушения традиционных связей и отношений, отрицания обычаев и нравов предков. Имперский порядок, созданный деятельностью самих римлян, вышел из-под их контроля и превратился в нечто самодовлеющее, так и не оправдав надежд на наступление «золотого века», торжественно обещанного императором Августом и прославленного Вергилием и Титом Ливием. Наряду с отчуждением граждан от государства усиливается их зависимость от частных лиц, принимавшая унижительную для свободных римлян форму отношений между клиентами и патроном. Подчинение стихии внешних обстоятельств в условиях всеобщей нестабильности лишает жизнь людей привычного смысла, подрывает их веру в свои силы что-либо изменить, порождает мучительное чувство несвободы. Характеризуя данный период римской истории, Ф. Энгельс писал: «Материальной опорой правительства было войско, которое гораздо более походило уже на

армию ландскнехтов, чем на старое римское крестьянское войско, а моральной опорой — всеобщее убеждение, что из этого положения нет выхода, что если не тот или другой император, то основанная на военном господстве императорская власть является неотвратимой необходимостью³. Эта социальная ситуация обусловила появление в римском обществе нового типа личности.

Личность нового типа проявляет себя тем, что противопоставляет сначала социальному хаосу гражданских войн, а затем и обездушенному порядку империи свою ярко выраженную индивидуальность с присущим ей стремлением любой ценой сохранить личное достоинство и независимость от внешнего мира. Традиционные авторитеты и ценности римской общины, религиозные и нравственные убеждения «доблестных мужей» прошлого во многом утрачивают свою духовную силу и не могут служить моральной опорой для личности, оказавшейся в новых социальных условиях. Требовалось новое мировоззрение, которое позволило бы примирить морально-политические идеалы республиканского Рима с жизненной практикой, утверждавшейся в Римской империи. Многие римские граждане находят такое мировоззрение в стоицизме, который в I в. н. э. завоевывает господствующее положение в философской жизни Рима.

Стоическое учение о человеке исходит из того, что «конечная цель — это жить согласно с природой, и это то же самое, что жить согласно с добродетелью: сама природа ведет нас к добродетели»⁴. Добродетель, по мнению стоиков, «заслуживает стремления сама по себе, а не из страха, надежды или иных внешних причин. В ней заключается счастье, ибо она устроит душу так, чтобы вся жизнь стала согласованной»⁵. Провозгласив высшей целью и счастьем человека добродетель сама по себе, стоики впервые в истории античной философии четко определили круг вещей, находящихся в человеческой власти, т. е. сферу «истинной» свободы человека, ограничив ее областью морально-интеллектуальной деятельности личности. Поэтому мудрец — нормативная личность в учении стоиков — «один свободен, тогда как дурные люди — рабы, — ибо свобода есть возможность самостоятельного действия»⁶. Поскольку его деятельность согласна с разумом (истиной), стоический мудрец «будет свободен от мнений, то есть не согласится ни с какой ложью»⁷. Самодовлея и не нуждаясь ни в ком для счастливой жизни, мудрец «не живет в одиночестве: от природы он общителен и деятелен»⁸. В общественной жизни стоики считали себя гражданами мирового государства — космополитами, а своими согражданами — только людей добродетельных, но они признавали свои обязанности и по отношению к существующему государству. Поэтому «государствен-

ными делами мудрец тоже будет заниматься, если ничто не воспрепятствует..., и он будет обуздывать пороки и поощрять добродетели». Таковы были некоторые основные положения этики Древней Стои (III—II вв. до н. э.), получившие дальнейшее развитие на римской почве.

Панэтий из Родоса (II в. до н. э.), известный как основатель Средней Стои, явился тем философом, который положил начало преобразованию стоицизма в одну из господствующих форм римского мировоззрения. Он внес существенные изменения в учение древних стоиков, переосмыслив стоический идеал в духе морально-политических ценностей римской аристократии. Панэтий повысил значение практических добродетелей мудреца, включив в их число староримские добродетели: провозгласил «надлежащие» деяния по отношению к государству всеобщей обязанностью, тождественной римскому «долгу», приступил к сближению стоического идеала мудреца и древнеримского идеала «доблестного мужа». Этические идеи Панэтия нашли практическое воплощение в деятельности его римских учеников — известных государственных деятелей Гая Лелия и Рутилия Руфа, заслуживших уважение сограждан неподкупной честностью и верностью долгу.

Одна из первых попыток стоиков повлиять на государственные дела в Риме связана с деятельностью философа Блоссия из Кум. Он становится одним из идеологов реформ Тиберия Тракха (133 г. до н. э.) и принимает самое активное участие в его борьбе с сенатом. Когда после убийства Тиберия Блоссий был схвачен и предстал перед сенаторами, в ходе допроса его спросили: «А что, если бы Тиберий приказал тебе сжечь Капитолий?». Стоик долго отговаривался, что Тиберий ни при каких обстоятельствах не отдал бы такой приказ, но в конце концов он ответил: «Что же, если бы он распорядился, я бы счел для себя честью исполнить. Ибо Тиберий не отдал бы такого распоряжения, не будь оно на благо народу»¹⁰. О дальнейшей судьбе Блоссия известно, что ему удалось избежать гибели, что позже он вошел в число руководителей восстания Аристоника в Пергаме, а когда восстание было разгромлено римлянами, он покончил с собой. В борьбе, которую вел Блоссий с римскими властями, можно обнаружить то моральное сопротивление тирании, что отличало выступления римских стоиков в сенате два столетия спустя.

В I в. до н. э. наиболее ярким выразителем морального сопротивления положению дел в римском государстве, очевидно, был Катон Младший. «Глядя на своих современников, — писал Плутарх. — и находя их нравы и привычки испорченными и нуждающимися в коренном изменении, Катон считал необходимым во всем идти противоположными путями...»¹². Противостояние Катона «порочному» большинству своих со-

граждан проявлялось в различных вещах: от сурового выражения лица и ношения черной одежды до неукоснительного следования примерам «доблестных мужей» прошлого в государственной и частной жизни. Подобное поведение во многом было причиной частых поражений Катона на выборах, которые переносились им с поистине стоическим спокойствием духа. В этой связи Плутарх отмечал, что «...Катонova приверженность старине, явившаяся с таким опозданием, в век испорченности нравов и всеобщей разнузданности, стяжала ему уважение и громкую славу, но пользы никакой не принесла, потому что высота и величие этой доблести совершенно не соответствовали времени»¹³. По меткому замечанию Цицерона, близкого ему по политическим взглядам, Катон действовал так, словно жил в государстве Платона, а не среди подонков Ромула («Письма к Аттику», II, 1, 8).

По мере усиления личной власти Гая Юлия Цезаря, в которой Катон раньше многих увидел смертельную опасность для республики, его борьба с «порчей» нравов все более приобретает форму сопротивления тирании. Поднявшись над своей личной неприязнью к Помпею, он оказывает ему деятельную поддержку в войне против Цезаря, но в конце концов снова терпит поражение. Накануне своей смерти Катон горячо выступает в защиту «одного из так называемых «странных суждений» стоиков, а именно — что только порядочный, нравственный человек свободен, а все дурные люди — рабы»¹⁴. Его самоубийство, вызвавшее у Цезаря известные слова о том, что ему ненавистна смерть Катона, ибо Катону было ненавистно принять от него спасение, было исполнено как завершающий акт трагедии, вполне в духе стоического положения, что добровольная смерть может стать последним приютом для свободного духом.

Уходу Катона из жизни были близки самоубийства двух самых видных убийц Цезаря — Брута и Кассия, последовавшие после их поражения при Филиппах. Причем, если смерть Кассия была вызвана чувством отчаяния при виде сражения, которое показалось ему проигранным, то самоубийство Брута стало следствием разумного выбора человека, предпочитающего смерть позорному плену или бегству на чужбину. Знаменательно, что многие современники и потомки будут видеть в добровольной смерти «последнего республиканца» Рима символ морального сопротивления тирании цезарей.

С осознанием бесперспективности открытой борьбы с императорской властью сопротивление ей принимает новые формы. Одной из таких форм стала, например, деятельность римского мыслителя Квинта Секстия Нигра, вместе с сыном основавшего в Риме философскую школу с целью создания нового учения, в котором стоические идеи сочетались бы с киническими

и пифагорейскими идеями. Этот философ отклонил предложение войти в сенат, с которым к нему обратился сначала Цезарь, а затем Август, под тем предлогом, что это помешало бы ему заниматься наукой. От его философской школы через ряд посредников-учителей берут свое начало такие известные римские философы-стоики I в. н. э., как Луций Анней Сенека и Музоний Руф.

Таким образом, ко времени возникновения в римском сенате стоической оппозиции (50-е гг. I в. н. э.) в обществе существовала традиция сопротивления тирании, восходящая, конечно, не только к последнему периоду истории Римской республики, но и к тем легендарным временам, когда римляне под предводительством древнего Брута свергли своего царя Тарквиния (510 г. до н. э.). Это сопротивление, проявлявшееся то в форме открытой, вооруженной борьбы с тиранической властью, то в форме духовного противостояния ей, всегда содержало известный моральный элемент, имевший большее или меньшее значение. Но никогда этот элемент не приобретал столь самодовлеющего и всеобъемлющего характера, как в борьбе стоической оппозиции с произволом императоров. Стоическая оппозиция, которую представляли в римском сенате Тразей Пет и Барей Соран, Гельвидий Приск Старший и Юний Рустик, Геренний Сенецион и Гельвидий Приск Младший, была преимущественно моральной оппозицией. Она ставила перед собой политические цели, но средства для их достижения заимствовались из морали. И в этом проявилось своеобразие исторической ситуации, сложившейся в Риме в период принципата.

Стоическая оппозиция в римском сенате явилась наследницей республиканской оппозиции. Величие Рима, воздвигнутое на славных деяниях «доблестных мужей» прошлого, было неразрывно связано в сознании сенаторов-стоиков с республиканским строем, но, оставаясь на почве реальности, они были вынуждены признать, что к прошлому нет возврата. Они должны были жить и действовать в новом, императорском Риме и вести борьбу с императорами за право сената на главную роль в управлении государством и соответствующую ей долю доходов. Но социальная опора императорской власти — армия и правительственные чиновники — существенно ограничила выбор средств для сенатской оппозиции в этой борьбе. Между тем император носил титул принцепса, право на который, согласно традиционным римским воззрениям, могло дать только примерное поведение, основанное на неукоснительном следовании нравам предков. И если император Август хоть в какой-то мере заслужил это право, то его преемники менее всего заботились о моральной стороне своего правления. Так, Светоний сообщает, что Калигула полагал, будто он может «сде-

лать что угодно и с кем угодно»¹⁵, а Нерон, после того как множество его преступлений осталось безнаказанным, восклицал, что «ни один из его предшественников не знал, какая власть в его руках»¹⁶. Поэтому при правлении тиранов, непомерно тщеславных, алчных, наглых, развратных до «мозга костей» и готовых на все ради удовлетворения своих желаний, моральная оппозиция, проявляемая в верности традиционным нравственным ценностям римской гражданской общины, была весьма эффективным способом борьбы с ними.

Теоретическое обоснование морального сопротивления тирану сенаторы-стоики находили в трудах учителей стоической философии. Стоицизм особенно привлекал представителей сенатской оппозиции тем, что он, сохраняя связь со староримскими добродетелями, соединял в себе утверждение духовной независимости личности с ее Обязанностью служить мировому государству, воплощенному для них в мировой державе Рима. В это время близкий по своим взглядам римским оппозиционерам философ Сенека писал в трактате «О спокойствии души»: «Вот что, я полагаю, должна делать добродетель и тот, кто ей привережен: если фортуна возьмет верх и пресечет возможность действовать, пусть он не тотчас же бежит, повернувшись тылом и бросив оружие, в поисках укрытия, как будто есть место, куда не доберется погоня фортуны, — нет, пусть он берет на себя меньше обязанностей и с выбором отыщет нечто такое, чем может быть полезен государству. Нельзя нести военную службу? Пусть добивается общественных должностей. Приходится остаться частным лицом — пусть станет оратором. Принудили к молчанию — пусть безмолвным присутствием помогает гражданам. Опасно даже выйти на форум — пусть по домам, на зрелищах, на пирах будет добрым товарищем, верным другом, воздержанным сотрапезником. Лишившись обязанностей гражданина, пусть выполняет обязанности человека!»¹⁷. Тогда же Сенека завершает начатое еще Панэтием переосмысление традиционного римского нравственного идеала в духе стоицизма: *vir bonus* для него не столько «доблестный муж» древних героических преданий, сколько «человек добра», мудро-добродетельная личность.

Духовной опорой для деятелей стоической оппозиции в их борьбе с деспотизмом принцепсов была также традиция сопротивления тирану, представленная образами героев прошлого. Всем сенаторам-стоикам присуще глубокое уважение к людям, чьи дела являли собой образцы противодействия произволу властей и влиянию «порочного» большинства. Так, Тразея Пет, вождь стоической оппозиции при Нероне, был автором панегирического жизнеописания Катона Младшего и каждый год отмечал день рождения Марка Брута как праздник. Во время правления Домициана Юний Рустик и Геренний Сене-

цион прославляют в своих сочинениях Тразею Пета и Гельвидия Приска Старшего, своих старших и уже погибших товарищей, называя их «мужами непорочной честности». Духовная связь лидеров стоической оппозиции с «последними республиканцами» Рима была хорошо известна даже их врагам. Например, сенатор Эприй Марцелл, снискавший себе позорную славу доносителя, говорил в сенате о Тразее Пете: «Пусть наконец, является в курию разыгрывать сенатора минувших времен, пусть по своему обыкновению заступает за недоброжелателей принцепса...»¹⁸. О Приске Старшем он выразился еще более определенно: «Пусть Гельвидий равняется мужеством и доблестью с Катонами и Брутами; я — всего лишь один из членов этого сената, пресмыкавшийся и унижавшийся вместе со всеми»¹⁹. Таким образом, сенаторы-стоики стали прямыми наследниками традиции сопротивления тирану — традиции, которой они следовали в своей жизни и за которую они отдали свою жизнь.

В чем же конкретно состояло то моральное сопротивление тирану, что отличало деятельность представителей стоической оппозиции? Рассмотрим его более подробно на примере Тразеи Пета, прозванного современниками «сама добродетель». Имя этого сенатора впервые упоминается в «Анналах» Тацита в связи с обсуждением маловажного сенатского указа, разрешавшего жителям Сиракуз давать игры с участием большего, чем допускалось, числа гладиаторов. Против этого указа и выступил Тразея, дав тем самым повод для обвинения его в том, что, устаивая своим вниманием столь незначительные вопросы, он отталчивается при обсуждении проблем государственной важности. Объясняя друзьям свое поведение, Тразея сказал, что поднял этот вопрос «не по незнанию действительного положения дел, но для того, чтобы сенат пользовался подобающим ему уважением и всякому было ясно, что кто не проходит мимо таких мелочей, тот не преминет взять на себя заботу и о существенном»²⁰.

Следующий поступок Тразеи, явно демонстрирующий его моральное противостояние принцепсу и «порочному» большинству сенаторов, был вызван докладом в сенате официальной версии убийства матери Нерона. Когда римская знать «с поразительным соревнованием в раболепии» предлагала, как возблагодарить богов за то, что они спасли императора от «злого умысла» Агриппины, вождь стоической оппозиции повел себя совершенно иначе. По словам Тацита, «Тразея Пет, обычно хранивший молчание, когда вносились льстивые предложения, или немногословно выражавший свое согласие с большинством, на этот раз покинул сенат, чем навлек на себя опасность, не положив этим начала независимости всех прочих»²¹. Нерон, конечно, не мог простить этого Тразее.

Ненависть принцепса к сенатору-стоику еще более возросла, когда «свободомыслие Тразеи сломило раболепие остальных» при обсуждении в сенате меры наказания претора Антистия, обвиненного в оскорблении величия императора. Несмотря на то, что Нерон явно ждал от сенаторов вынесения смертного приговора Антистию, по предложению Тразеи сенат определил ему менее суровое наказание. Согласно Тациту, сенатор-стоик пошел на это «в силу всегдашней твердости духа и чтобы не уронить себя в общем мнении»²².

Этим поступкам Тразеи Пета близки также другие поступки сенатора, которые были поставлены ему в вину Нероном и его прислужниками: уклонение от принесения торжественной присяги на верность указам императоров, отсутствие при провозглашении обетов богам, непринесение ни единой жертвы за благополучие принцепса и его «божественный» голос, уклонение от определения божеских почестей Поппее, супруге Нерона, и отсутствие на ее похоронах, трехлетнее неучастие в заседаниях сената и т. д. («Анналы», XVI, 21, 22). Все эти действия Тразеи, проявлявшиеся главным образом в отказе раболепствовать перед Нероном, объединяет одно: моральная оппозиция тирании. Сам Тразея говорил во время одного из своих выступлений в сенате: «...Есть добродетели, навлекающие неприязнь, каковы непреклонная строгость, не идущий ни на какие поправки ради снискания расположения негибаемый дух»²³. Этим добродетелям он и стремился следовать в своем поведении, как бы оно ни отличалось от общепринятого. Но такое поведение Тразеи содержало в себе вызов нравственно разложившемуся окружению Нерона и таило известную угрозу для правления принцепса. На нее прямо указал императору сенатор-доноситель Коссуциан, который говорил о деятельности Тразеи: «Это — не что иное, как отчуждение и враждебность, и если на то же самое дерзнут многие, то и прямая война»²⁴. В 66 г. н. э. Тразея Пет был обвинен во многих преступлениях перед императором и был вынужден покончить жизнь самоубийством.

Тразея стал еще при жизни символом добродетели для своих сторонников как внутри стоической оппозиции, так и вне ее. Несомненно, он был высоко моральной личностью, но нет никаких оснований считать его нравственным реформатором. Тразея боролся не за моральное обновление римского общества, а, напротив, за его возвращение к нравственному состоянию времен расцвета республики. Дело жизни Тразеи было обречено на поражение, но мужество, с которым он сохранял верность традиционным моральным ценностям в период их распада в обществе, прославило его имя. Согласно советскому историку Г. С. Кнабе, Тразея был «преданный интересам государства, консервативный и дельный, т. е. вполне

обычный римский сенатор, но он жил в эпоху, когда явно переставала быть обычной сама эта старомодная норма, и верность ей требовала личного активного сопротивления общепринятому и общераспространенному. Именно такое сопротивление — ведущая черта в облике Тразеи»²⁵. Нравственное сопротивление аморализму принцепата, наиболее ярко выраженному в тирании принцепсов, было продолжено учениками Тразеи, возглавившими стоическую оппозицию во время правления династии Флавиев.

После свержения Нерона (68 г.) римское общество не вступило в эпоху мира и процветания. О годах правления ряда следующих императоров Тацит вспоминает как «о временах, исполненных несчастий, изобилующих жестокими битвами, смутами и распрями, о временах, диких и неистовых даже в мирную пору»²⁶. В этот период снова поднимает голову стоическая оппозиция, которая продолжает (правда, без особых успехов) вести борьбу с принцепсами за то, чтобы сенат играл достойную его роль в управлении делами империи. На стороне, сенатской оппозиции выступают излюбленные герои Тацита — «мужи, достойно сносившие несчастья, стойко встречавшие смерть и уходившие из жизни как прославленные герои древности»²⁷. Первым среди них по праву считался Гельвидий Приск Старший.

О Гельвидии известно, что он еще в юности обнаружил высокие душевные качества. Тацит сообщает, что он только еще отбыл службу в должности квестора, когда Тразея Пет выбрал его себе в зятя («История», IV, 5). Обвиненный в тех же преступлениях, что и Тразея, Гельвидий был отправлен Нероном в изгнание, откуда он был возвращен императором Гальбой. Будучи кандидатом в преторы, Гельвидий Приск выступил против императора Вителлия («История», II, 91), а когда новым принцепсом стал Веспасиан, Гельвидий произнес речь о его заслугах, избежав льстивых выражений и не сказав ни слова неправды («История», IV, 4). «Выступление его вызвало восторг сенаторов, — писал Тацит. — Этот день стал для Гельвидия самым важным в жизни, — с той минуты громкая слава и тяжкие несчастья сопутствовали ему повсюду»²⁸. В сенате Гельвидий повел яростную борьбу за наказание сенаторов, погубивших своими доносами множество невинных людей при Нероне. Личным врагом его был сенатор-доноситель Эприй Марцелл, изложивший свою доходящую до аморализма конформистскую позицию в следующих словах: «Я хорошо знаю, в какое время живем мы и какое государство создали наши отцы и деды. Древностью должно восхищаться, но сообразовываться приходится с нынешними условиями. Я молюсь, чтобы боги ниспосылали нам хороших императоров, но смиряюсь с теми, какие есть»²⁹. Между тем в выступлениях

Гельвидия в сенате все более явно выражалось его духовное противостояние императору Веспасиану, простившему доносителей и не желавшему терпеть своеволие сенаторов. Согласно Светонию, Гельвидий при возвращении императора из Сирии один приветствовал его как частного человека, а потом во всех своих преторских эдиктах ни разу его не упомянул («Веспасиан». 15). С подобной независимостью духа не мог примириться даже такой умеренный в деспотических наклонностях принцепс, как Веспасиан. По его приказу Гельвидий Приск Старший был отправлен в ссылку и в 73 или 74 г. казнен.

Наиболее известным представителем стоической оппозиции при Домициане был сенатор Юний Арулен Рустик. Он прославился еще в дни своей молодости тем, что, будучи народным трибуном, решил защищать обреченного на смерть Тразею Пета («Анналы», XVI, 26). Позднее, во время войны Вителлин с Веспасианом, сенат послал Рустика в качестве легата в войско флавианцев, чтобы убедить их во имя интересов государства прекратить ведение военных действий. При исполнении этого поручения он был ранен, причем, по словам Тацита, «ярость солдат вызвало не только звание посла и претора, над которым они надругались, но и горделивое достоинство, отличавшее этого мужа»³⁰. Знаменательно, что аналогичное поручение сената, но уже в войске вителлианцев, выполнял философ-стоик Музоний Руф, близкий по своим идейным взглядам деятелям стоической оппозиции («История», III, 81). Во время правления Домициана Юний Рустик играл приблизительно ту же роль, что Тразея Пет во время правления Нерона. В 93 или 94 г. он был обвинен в издании похвальных слов Тразее и казнен. Такая же участь постигла младших товарищей Рустика — Геренния Сенециона, обвиненного в восхвалении Гельвидия Старшего, и Гельвидия Младшего, обвиненного в оскорблении величия императора. По приказу Домициана сначала из Рима, а затем из Италии были высланы все лица, занимавшиеся философией. Стоическая оппозиция в римском сенате прекратила свое существование.

При изучении судеб представителей стоической оппозиции обращает на себя внимание то, что в своей многолетней борьбе с тиранией они ни разу не прибегли к иным аргументам, кроме морального сопротивления деспотизму принцепсов, духовного противостояния их личной диктатуре. Они даже не пытались прибегнуть к силе оружия ради торжества того дела, которое казалось им справедливым. Лишь однажды в их среде раздался призыв ответить насилием на насилие. Это произошло во время правления Нерона, когда префект преторианцев Тигеллин обвинил перед императором сенатора Рубеллия Плавта в том, что он «даже не притворяется, что ищет покоя, но открыто выражает свое преклонение перед древними рим-

лянами, во всем подражает им и усвоил высокомерие стоической школы, приверженцы которой отличаются вызывающим самовольством»³¹. Нерон приказал казнить сенатора и послал для исполнения приговора целый отряд своих воинов. Тесть Плавта, сенатор Антистий Ветер, узнав об этом, послал своему зятю письмо, в котором он советовал ему оказать вооруженное сопротивление посланцам Нерона, ибо «пока не исчерпана возможность борьбы, он не должен без сопротивления отдавать свою жизнь, уважение к его славному имени доставит ему поддержку честных людей, и он сплотит вокруг себя смелых»³². Однако Плавт пренебрег советом тестя и предпочел подставить свою незащищенную грудь под меч центуриона. Такое же поведение было характерно и для других представителей стоической оппозиции, из которых одни покончили жизнь самоубийством, другие были казнены, но никто не погиб, сражаясь.

Для ответа на вопрос, почему борьба сенаторов-стоиков с принципсами была ограничена рамками морального сопротивления тиранам, необходимо иметь в виду внутреннее противоречие, присущее их позиции. В условиях, когда «высокое достоинство и величие» римского народа и государства переносились на личность правящего принцепса, сенатор-стоик, следующий нравам предков, должен был осознать свой юридический и нравственный долг как обязанность добровольного повиновения воле императора. Но в данную эпоху, отличавшуюся распадом традиционных связей и отношений, массовым забвением и практическим отрицанием нравов предков, совместить бескорыстное служение высшим интересам общества и государства с конкретной практикой общественной и государственной жизни становилось все более невозможно. Служение обществу переходит в противостояние ему, а верность государству — в неприятие государственного порядка. Поэтому уважительное в принципе отношение деятелей стоической оппозиции к римскому государству и обществу, а также к их полномочному представителю — принцепсу, на практике часто выглядело как своеволие, демонстрация враждебности и вызов власти. В данной исторической ситуации им оставалось два жизненных выхода: либо открытая борьба против тиранов принцепсов, либо явное приспособление к их тирании. Но и то, и другое противоречило принципиальной установке сенаторов-стоиков на строгое соблюдение нравов предков, и в силу этого они избрали для себя третий выход — смерть.

Мировоззрение представителей стоической оппозиции проникнуто настоящим апофеозом смерти. Все они на протяжении жизни подготавливают свой дух к гибели и встречают ее с Мужеством, достойным свободного человека. Сенека, вынужденный уйти из жизни по приказу Нерона, надрезает себе ве-

ны и теплой водой совершает возлияние Юпитеру Освободителю («Анналы», XV, 63—64). Сенатор Антистий В, обвиненный своим вольноотпущенником и не снисходя до оправданий перед бывшим рабом, удаляется в свое поместье, раздает имущество своим клиентам и вместе с дочерью и тещей совершает самоубийство («Анналы», XVI, II). Тразея Пет окропляет своей кровью пол в своем доме и, подождав к себе квестора, посланного к нему Нероном, говорит ему: «Мы совершаем возлияние Юпитеру Освободителю: смотри и запомни, юноша. Да сохранят тебя от этого боги, но ты родился в такую пору, когда полезно закалять дух примерами стойкости»³³. Во время одного из самых острых столкновений с Веспасианом Гельвий Приск обращается к императору со словами: «Твое дело меня казнить, мое — умереть так, как подобает»³⁴. Представители стоической оппозиции сознательно стремились придать своему трагическому исходу возвышенный характер, так как такая смерть должна была стать славным завершением их жизни и произвести наибольшее впечатление на современников и потомков.

Характеризуя нравственную позицию сенаторов-стоиков, следует признать их моральными личностями, даже в условиях тирании хранившими верность высоким человеческим принципам и строгим следованием этим принципам оказавшими моральное сопротивление тирании. Вместе с тем нельзя не заметить, что нравственные ценности, которые они пытались утвердить в жизни общества, отвечали потребностям Римской республики, но не Римской империи, т. е. принадлежали не настоящему, а прошлому. Каждый из представителей стоической оппозиции мог бы сказать о себе словами Цицерона: «Мне горько, что на дорогу жизни вышел я слишком поздно и что ночь республики наступила прежде, чем я успел завершить свой путь»³⁵. Нравственная суверенность в настоящем, основанная на следовании моральным образцам прошлого, постепенно утрачивает свое жизненное содержание и превращается в форму принятия смерти. Знаменательно, что сенаторы-стоики обретали подлинное моральное величие и духовную свободу именно тогда, когда наступал их смертный час. Вместе с тем положение, при котором прогресс общества был связан с нарушением норм морали, а регресс — с их утверждением, свидетельствовало о тяжелом кризисе, переживаемом римской гражданской общиной. Неразрешимое в ее границах противоречие между «порочными» новаторами и «добродетельными» консерваторами было преодолено в «золотой век» Антонинов (II в.), когда судьбу империи в значительной мере стала определять провинциальная знать, чуждая традициям и ценностям гражданской общины Рима.

Борьба представителей стоической оппозиции с деспотизмом

принцепсов отразила и силу, и слабость морального сопротивления тирании. Сенаторам-стоикам довелось жить в мрачные времена, когда государство, олицетворенное всесильным императором, могло по своему произволу лишить любого из своих граждан достоинства, свободы и самой жизни. Это вызывало нравственную деградацию общества, в котором появились в изобилии рабы по состоянию духа, доносчики из чувства долга и подлецы в силу государственной необходимости. Так, описывая поведение римской знати при Нероне, Тацит с негодованием отмечал: «Но если в городе не было конца похоронам, то не было его и жертвоприношениям на Капитолии: и тот, у кого погиб сын или брат, и тот, у кого — родственник или друг, возносили благодарность богам, украшали лавровыми ветвями свои дома, припадали к коленям Нерона, осыпали поцелуями его руку»³⁶. В данной ситуации даже молчаливое неодобрение действий тирана было мужественным поступком, а явный, хотя и мирный, вызов ему — нравственным подвигом. Именно такое поведение и отличало деятелей стоической оппозиции, борьба которых позволяет выделить следующие «доминанты» морального сопротивления тирании: неучастие во лжи, демонстративное следование моральным нормам в условиях общепринятого отказа от их исполнения, сохранение личного достоинства на фоне всеобщего низкопоклонства, апелляция не к государственным институтам, а к общественному мнению и суду потомков, готовность принять смерть за свои убеждения. Подобная нравственная позиция личности дает ей возможность обрести духовную свободу, необходимую для того, чтобы выстоять в противодействии тирании.

В то же время политическое поражение стоической оппозиции обнаруживает ограниченность морального сопротивления как метода борьбы с тиранией. Совершенное в соответствии с законами перенесение на личность императора высших функций римского народа и государства парализовало волю оппозиции к открытому, вооруженному сопротивлению диктатору. Поэтому главная угроза для жизни деспотичного принцепса исходила скорее из его ближайшего окружения — влиятельных вольноотпущенников и преторианцев, чем из среды сенаторов-стоиков. Последние же явно предпочитали «оружие критики» порядков в империи «критике оружием» императорского режима или, по крайней мере, императора-тирана. Вследствие такой тактики, избранной стоической оппозицией, ни достойная жизнь, ни гордая смерть ее представителей не смогли сколько-нибудь значительно изменить положение дел в римском обществе. **«Мораль — это «бессилие в действии», — писал Рудольф, ссылаясь на Ш. Фурье. — Всякий раз, как только она вступает в борьбу с каким-нибудь пороком, она терпит поражение»**³⁷. Эта в общем и целом спорная оценка морали

в жизни общества совершенно справедлива применительно к тем обстоятельствам, когда ведение моральной борьбы недостаточно для того, чтобы уничтожить социальное зло, тем более такое страшное зло, как тирания. Трагические события из жизни многих стран и народов, в том числе и не столь отдаленное прошлое нашего общества, свидетельствуют о необходимости самой решительной и всесторонней борьбы с любым деспотическим режимом, в какие бы идеологические «одежды» он ни драпировался.

Таков исторический и нравственный урок, который мы извлекаем из деятельности стоической оппозиции в римском сенате как опыта морального сопротивления тирании.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Аппиан. Гражданские войны / Пер. под ред. С. А. Жебелева в О. О. Крюгера. — Л., 1935 (См.: Аппиан. 11.48).
- ² Светоний. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. — М., 1988. (См.: Гай Калигула. 60).
- ³ Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 19. — С. 310—311.
- ⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М. Л. Гаспарова. — М., 1979. (См.: Диоген Лаэртский. — VII. 87)
- ⁵ Диоген Лаэртский. VII. 89.
- ⁶ Диоген Лаэртский. VII. 121—122.
- ⁷ Диоген Лаэртский. VII. 121.
- ⁸ Диоген Лаэртский. VII. 123.
- ⁹ Диоген Лаэртский. VII. 121.
- ¹⁰ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах / Пер. С. П. Маркиша. — М., 1961—1964. (См.: Плут. Тиб. Гракх. XX).
- ¹¹ Плутарх. Тиберий Гракх. XX.
- ¹² Плутарх. Катон. VI.
- ¹³ Плутарх. Фокион. III.
- ¹⁴ Плутарх. Катон. I, XVII.
- ¹⁵ Светоний. Гай Калигула. 29.
- ¹⁶ Светоний. Нерон. 37.3.
- ¹⁷ Цит. по кн.: Ошеров С. А. СЕНЕКА. От Рима к миру // Сенека Люций Анней. Нравственные письма к Луцилию / Пер. С. А. Ошерова. — М., 1977. — С. 340.
- ¹⁸ Тацит К. Сочинения в двух томах / Пер. А. С. Бобовича, Г. С. Кнабе. — Л., 1969. — Т. I: Анналы; Т. II: История (см.: Тацит. Анналы. XVI. 28).
- ¹⁹ Тацит. История. IV. 8.
- ²⁰ Тацит. Анналы. XIII. 49.
- ²¹ Тацит. Анналы. XIV. 12.
- ²² Тацит. Анналы. XIV. 49.
- ²³ Тацит. Анналы. XV. 21.
- ²⁴ Тацит. Анналы. XVI. 22.
- ²⁵ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. — М., 1981. — С. 25—26.
- ²⁶ Тацит. История. 1.2.
- ²⁷ Тацит. История. 1.3.
- ²⁸ Тацит. История. IV. 4.
- ²⁹ Тацит. История. IV. 8.

- ³⁰ Тацит. История. III. 80.
- ³¹ Тацит. Анналы. XIV. 57.
- ³² Тацит. Анналы. XIV. 58.
- ³³ Тацит. Анналы. XVI. 35.
- ³⁴ Цит. по кн.: Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. — М., 1975.
- ³⁵ Цит. по кн.: Кнабе Г. С. Указ соч. — С. 185.
- ³⁶ Тацит. Анналы. XV. 71.
- ³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 2. — С. 219.

УДК 940.1

К. Р. Кобрин (Нижегородский пединститут)

О. М. ЭДВАРДС О РИМСКОМ ГОСПОДСТВЕ В УЭЛЬСЕ

Процесс «возрождения кельтских культур», происходивший в конце XIX — нач. XX в. в Ирландии, Уэльсе, Корнуэлле весьма своеобразно отразился в историографии. Утверждая самоценность национальной истории в пику расхожим мнениям о решающем цивилизаторском значении английского господства, деятели «кельтского возрождения» старались найти противовес англо-саксонскому и англо-норманскому миру в некоем кельтском единстве и кельтской культуре дорийского периода, либо в римско-кельтской общности, погибшей в результате миграции германских племен. Не составило исключения и одно из первых валлийских исследований — книга О. М. Эдвардса «Уэльс», вышедшая в 1902 г.¹

Периоду римского господства в Уэльсе посвящена вторая глава работы, носящая символическое название «Рим и Артур». О. М. Эдварде, скорее беллетрист, чем глубокий исследователь; скорее интерпретатор известных фактов, чем их первооткрыватель. Источники второй главы — Тацит, Беда Достопочтенный. Хронологические рамки ее: 43 г. — 635 гг., т. е. от начала римского завоевания Британии до крушения последней попытки кельтов изгнать с острова англо-саксов. Историк, ограничиваясь описанием внешней стороны событий, выделяет все-таки три условных, с его точки зрения, момента в истории Уэльса в названный период. Первый — ожесточенное сопротивление племен катувелавнов и силуров (во главе с вождем Каратаком) римскому наступлению (50-е гг.). Автор всячески подчеркивает, что именно кимрские племена были наиболее последовательными борцами за независимость острова и что с разгромом и пленением Каратака окончательно пала независимость Британии. «Наследник идеи британского единства в Британии, он девять лет боролся против могущества Рима и

в последнем решительном сражении, которое должно было стать либо началом восстановления свободы его народа, либо его народ должен был быть закован в цепи вечного рабства: в этом сражении выяснилось, что не бритты, а римляне будут править на острове Британия»². И так, по мнению О. М. Эдвардса, судьбы Британии решались на берегах валлийской реки Беройн.

Однако сопротивление валлийцев не прекращается и приемники победителя Каратака Остория Скапулы-Авл Дидий, Вераний, Светоний Павел оказались не в состоянии окончательно подавить его. И в конце 70-х гг. I в. н. э., считает исследователь, наступает второй узловой момент валлийской истории эпохи римского завоевания и господства. В 78 г. Юлий Фронтин окончательно разгромил силуров и стал контролировать валлийские горы, а его преемник Кай Юлий Агрикола взял курс на укрепление римского господства мирным путем. Перед валлийцами встал выбор — либо долгая, бесперспективная, кровавая конфронтация с Римом, либо приобщение к ценностям передовой цивилизации, создание новой этнической и культурной общности. И валлийцы выбирают второе. Вот что, пересказывая Тацита, пишет Эдвардс: «... мы видим, как римское завоевание развивается гораздо быстрее и шире с помощью политики мира, чем с помощью политики войны... Осторий и Светоний думали о стране, чьих орлов они переносили на запад, Агрикола же думал о стране, которую подчинял для мощи и цивилизации Рима»³. Так происходит переход от конфронтации к сотрудничеству. Этот переход нужен историку, чтобы подчеркнуть обоюдный, а не насильственный характер согласия на тот путь развития, по которому до середины 5 в. двигался Уэльс. Автор не скупится на похвалы римской политике и ее плодам. Он отмечает расцвет земледелия, строительство дорог, городов, разработку залежей меди, золота, свинца и железа; и, наконец, проникновение христианства. «Римские каменные города... достраивались уже для удобства торговцев, которые привозили новые товары, новые слова (что ускоряло развитие искусства) и новую религию»⁴. Результатом этого, с точки зрения О. М. Эдвардса, весьма плодотворного периода явилось появление «...нового народа, единого и возрожденного, говорящего на новом языке»⁵.

Третий узловой момент — 5–6 вв. н. э. — натиск англосаксов, падение римского владычества в Британии. Если в первом римляне проявили себя как победоносные завоеватели, во втором — как непревзойденные политики и носители передовой цивилизации, то здесь они — прежде всего защитники римско-кельтской христианской цивилизации от варваров-язычников. «Устойчивость римского влияния на валлийскую общественную мысль, язык и литературу частично объясняется тем,

что римляне принесли новую цивилизацию восприимчивому народу, но главная причина — то, что римляне защищали эту цивилизацию от растущей агрессии варваров-язычников»⁶. Однако римляне были бессильны остановить германский *натиск* с востока, и в конце концов их господство пало, причем, как пишет Эдвардс: «Римское господство, связанное теперь с независимостью бриттов, пало на западе гораздо позже»⁷. Натиск англо-саксов был остановлен в начале 7 в. на линии рек Северн и Ди, когда Западной Римской Империи давно уже не существовало. Именно по этой линии первоначально пролегла граница между кельтским и германским миром. «Все, что осталось от римской провинции — нагромождение гор между долиной и морем — современный Уэльс»⁸. По Эдвардсу, кельтский мир совпадает с областью, сохранившей сильное римское влияние, и эта область — Уэльс. Он противопоставляется варварскому англо-саксонскому миру, позже англо-норманскому.

Последняя попытка объединить страну и изгнать англосаксов с острова была предпринята кельтским вождем Кадуаллоном в первой трети 7 в. Именно фигура Кадуаллона, по мнению автора, стала источником легенд о короле Артуре. Политический миф об Артуре — защитнике единства бриттов, считает Эдварс, и является завещанием Рима Уэльсу. «Кимрская попытка продлить политическое единство, завещанное западу Римом, нашла отражение в рыцарских романах о короле Артуре, чье незримое величественное присутствие постоянно ощущается в валлийской политической мысли»⁹.

Такова концепция периода римского владычества в Уэльсе, предложенная О. М. Эдвардсом. Очевидно, что с точки зрения фактического материала она вряд ли может привлечь интерес сейчас. Валлийский историк обходится минимумом фактов, к тому же не критически подходит к своим немногочисленным источникам. Можно сказать, что глава «Рим и Артур» — метафора нереализованного, альтернативного современному (для автора), пути развития Уэльса. Работа О. М. Эдвардса важна другим. Идея «Уэльс-наследник Рима в Британии» стала одной из основополагающих в последующей валлийской историографии, и потому трудно понять особенности исторической рефлексии Уэльса XX в., не обратившись к этому исследованию.

Так, например, современные английские и американские исследователи склонны рассматривать валлийское общество VII–XII вв. абсолютно свободным от какого бы то ни было римского влияния. Американский историк Л. Нельсон пишет об Уэльсе X в. как о пастушеской стране, с крайне слабым земледелием, почти полным отсутствием дорог и городов. Он подчеркивает архаичность социальных структур, неразвитость политического устройства, полужызыческую церковную организа-

цию. Характерно, что конспективно излагая древнейшую историю Уэльса (начиная с мезолита), Нельсон даже не упоминает о 400 годах римского владычества¹⁰. Этой тенденции противостоят валлийские историки. На них по-прежнему оказывает большое влияние традиция истолкования роли Уэльса в Британии VI—XIII вв. как наследника Рима. (Любопытно, что в легендах и рыцарских романах о короле Артуре главный герой наделяется сверхъестественной силой после обретения магического меча Калибурна, или Экскалибура, по некоторым преданиям, принадлежащего одному из претендентов на императорский трон в Риме Магнусу Максимусу)¹¹. Среди представителей этого направления, развивающего идеи О. М. Эдвардса, можно отметить Р. Р. Дэвиса, который в своей последней работе «Завоевание, сосуществование и изменение: Уэльс 1063—1415»¹² отметил значительное римское влияние не только на валлийскую экономику или политическую структуру XI—XII вв., но и на такой чисто национальный жанр литературы, как «валлийская героическая поэзия». Все это говорит об актуальности изучения работы О. М. Эдвардса сегодня.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Edwardes O. M. Wales. — London, 1902.
- ² Ibid. — P. 20.
- ³ Ibid. — P. 23.
- ⁴ Ibid. — P. 24.
- ⁵ Ibid. — P. 24.
- ⁶ Ibid. — P. 26.
- ⁷ Ibid. — P. 26.
- ⁸ Ibid. — P. 29.
- ⁹ Ibid. — P. 29–30.
- ¹⁰ Nelson L. H. The Normans in South Wales 1070–1171 — Austin — London, 1966. — P. 3–13.
- ¹¹ Arthurian Literature in the Middle Ages; A Collaborative History/Ed. by R. S. Loomis. — Oxford, 1959.
- ¹² Davies R. R. Conquest, Coexistence and Change: Wales 1063–1412 — Oxford, 1987. — P. 78.

УДК 940.1

Е. В. Кузнецов (Нижегородский пединститут)

О ГЕЛЛЕСПОНТЕ СЕВЕРНОМ, ГЕЛЛЕСПОНТИКАХ И ИХ СОСЕДЯХ. ОПЫТ ИСТОРИКО-ЭТНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С первых шагов человеческой цивилизации и до настоящего времени Балтийское море, наряду со Средиземным, хотя и с меньшей интенсивностью, выполняет разнообразные коммуникативные функции: экономические, политические, культурные,

этнодемографические. Этнодемографическая ситуация на берегах Балтики, особенно в ранние периоды существования человеческого общества, отличалась динамичностью. Отсюда начинаются европейские (и не только европейские) «пути-дороги» многих этносов: германских, славянских, финских...

Пытаясь картографировать прибалтийский регион раннего средневековья, исследователи обращаются к различным источникам, в том числе к крупнейшему своду данных по ранней датской истории «Деяниям данов» (Gesta danorum) Саксона Грамматика, точнее говоря, к «легендарным» девяти первым книгам этого обширного сочинения¹.

Ларс Арне Норборг в «Истории Швеции» писал: «Саксон пользовался ...не только к настоящему времени исчезнувшими письменными источниками, но также мог черпать из устной традиции, которая тем достовернее, чем ближе время ее бытования от отображенных событий»². На признаках достоверности (в определенных рамках) исторической традиции, зафиксированной Саксоном, останавливаются и советские исследователи генезиса восточного славянства. В частности, именно данные Саксона Грамматика, если не исключительно, то в значительной мере, питают крепнущее в последнее время среди отечественных историков мнение о миграции славян на просторы Восточноевропейской равнины через Балтийское море³. В частности, целый ряд бесспорных заимствований в области материальной культуры («наружные хлебные печи», «втульчатые двушипные наконечники стрел») у поморских славян жителями Ильменско-волховского бассейна, был отмечен Е. Н. Носовым⁴.

Чтобы поддержать точку зрения специалистов, стремящихся найти на балтийских приморьях исходную позицию славянских миграций на восток, важно дать правильную интерпретацию ряда этнонимов, которыми пользуется датский историк, в частности, определить, кто такие «геллеспонтцы», «геллеспонттики» (hellespontici).

О Геллеспонт (Hellespontus) и геллеспонтцах (людях, живущих у Геллеспонта) Саксон пишет несколько раз в связи с военными предприятиями известного героя sag⁵ Рагнара Лодброка (в латинском тексте Саксона — Regner Lothrock)⁶, жившего в первой половине IX века⁷, и его легендарных предшественников: Ярмерика (Jarmerie)⁸, Хадинга (Hading, Hadding) и сына последнего Фрода (Frotho) или Фротона. Не повторяя в деталях повествование датского историка и не обсуждая достоверность его рассказов, попробуем найти в «Деяниях данов» определенные географические ориентиры.

Обращает на себя внимание, что контакты с геллеспонтцами возникают благодаря морским экспедициям. Ярмерик отправлялся против четырех братьев из «рода геллеспонтников»

(genere Hellespontieos), занимавшихся пиратством «морским путем» (navigatione coerta). Трехдневное «морское сражение» (maritima pugna) завершилось договором, по которому «братья-пираты» уступали Ярмерику половину поборов с подвластных «племен», а также отдали замуж за датского конунга свою сестру¹⁰. Среди данников геллеспонтцев были ливы, сын правителя которых, Бикко (Biceo), находился у «братьев» заложником и бежал из плена к датчанам¹¹.

Саксон свидетельствует, что перед походом на геллеспонтцев Ярмериком были подчинены славяне (южнобалтийские —?), сембы, курши¹². Зная, что два названных последними этноса — аборигены южной части восточнобалтийского побережья, следует думать, что геллеспонтцы жили от них дальше на северо-восток по побережью. Возможно, с севера их ограничивали земли ливов. Рассказ о результатах морской войны позволяет утверждать, что воинство датчан не добилось решающего перевеса над своим противником.

Удачливее, чем Ярмерик, в «восточных походах» был Хадинг. Ему удалось взять город Дюну (Dunam urbem) и подчинить оборонявшего город Андвана (Andwanus, Handwanus)¹³, «царя Геллеспонта» (Hellesponti regem). Название города находится в прямой связи с немецким названием Зап. Двины. — Dūna, Dūna. Это город на р. Дюна (Зап. Двина), причем совсем не обязательно видеть в городе Дюна позднейшее немецкое укрепление при устье реки Дюнамюнде или лежащий вверх по реке Дюнабург (рус. Двинск, соврем. — Даугавпилс). Важно обратить внимание на другое. Осада была тяжелой для датчан, и только военная хитрость конунга, запалившего городские строения с помощью полученных в виде дани голубей, позволила осаждавшим ворваться внутрь крепостных стен. Воспоминание об этой военной хитрости жило в древней Руси, и остается сомнение, была ли она реально применена княгиней Ольгой или применение его было приписано вдове Игоря киевским летописцем по аналогии с известным ему рассказом о действиях Хадинга¹⁴.

Перед нападением на Дюну Хадинг в союзе с пиратом по имени Лизер (Liserus), и, вероятно, в его интересах, пытается, но неудачно, свергнуть «тирана куршей» Локера¹⁵, что еще раз указывает на соседство куршей и геллеспонтиков. Сын Хадинга Фрод расширил район военных действий. Им, наряду с Дюной, был захвачен г. Палтиска, где правил некто Веспазий.

Общепринято, что Paltiska Саксона, Paiteskia, Palteskjborg скандинавских памятников — «древнескандинавское обозначение» русского Полоцка. Больше того, как думают многие специалисты, русский топоним Полоцк является производным от реки Полоты и, стало быть, первичен по отношению к

скандинавскому¹⁶. Этой точке зрения мешает приведенное в «Деяниях данов» имя правителя города — Веспазий. Фонетический облик антропонима позволяет видеть в нем эпоним одного из западнофивских племен — вепсов (Vepsä¹⁷), правильное считать в таком случае «Вепсазний». Такое рассуждение при всей его очевидности не согласуется с широко известным в средневековой Европе обозначением этого этноса, предложенным Иорданом: Vas, Vasina¹⁸. Конечно, допустимо предположение, что первая часть имени правителя — *Ves является эпонимом, но что означает вторая корневая часть слова — *pa[sius]? Обращение к лексике западных финнов позволяет найти ответ на этот вопрос. Ра, раа — голова, глава¹⁹. Если же учесть, что «vesi» в финских языках соответствует славянскому «вода»²⁰, то перевод комбинации двух финских слов: vesi+ra на русский означает «глава воды» (реки), может быть, — «водяной». От лексемы «vesi» происходят, думается, два эпонима: латинский «vas» (vasina) и русский «весь». Если учесть другой (очевидно, «вторичный») «этнический» смысл финской лексемы, тогда возможно этимологизировать Vespasius Саксона как «глава веси», т. е. глава племени весь. Следовательно, Palteskja — когда-то (до прихода славян) принадлежала вепсам, там жил их племенной вождь (глава). Поэтому и первооснову древнескандинавского обозначения следует искать, как это делал в свое время Ю. Ю. Трусман, в финском лексиконе, а не в славянском или леттолитовском²¹. На ливском языке paald (по-фински — paltta) — «обрыв», «скат»²². Мысль о том, что «определенная часть финно-угорских племен» когда-то жила между Рижским и Финским заливами, а оттуда расселилась в северном и восточном направлении, принадлежит Д. В. Бубриху²³. Если высказанные здесь соображения верны, то вепсы начали свой путь к Онежскому озеру с западновинских берегов.

Фроду, в отличие от Ярмерики и Хадинга, основное противодействие оказывали не геллеспонттики, а русские (у Сексона — ruteni). Только двукратная победа над правителем «Русции» (Ruseia) Траноном, укрепившемся в г. Ротале (urbem Rotalam), открыло войску Фрода дорогу на Палтиску, причем поход происходил по суше: «...ad urbem Paltiscam exereitum contulit»²⁴. «...захватив город Палтиску, Фрод в надежде получить полную власть над Востоком» (spe Orientis Imperium complexus) двинулся к стенам Андвана²⁵. Победа над последним завершилась браком конунга и дочери правителя геллеспонтцев, смысл которого можно истолковать однозначно: Андван становился датским наместником «Востока». Последнее географическое понятие употребляется Саксоном для обозначения всей многоэтнической территории Восточной Прибалтики. По его словам, Ярмерик наносит поражение «сембам,

куретам и многим племенам Востока» (Sembonum, Curetum complurimumque Orientis gentium)²⁶. Фрод отбыл восвояси, «победив большую силу Востока» (multo Orientalium robore debellato)²⁷. Здесь и в ряде других мест «Деяний данов» «восточные» — территориально-демографическое определение, лишённое этнической окраски.

Согласно информации Саксона, кроме русских, геллеспонтцев, вепсов Палдиски Фрод добился победы над куршским правителем Дорном²⁸. Именно после победы над куршами он двинул свой флот к Ротале.

На долю великого Рагнера выпала затяжная война с геллеспонтцами. Сначала с их правителем по имени Dian и его сыновьями, женатыми на русских принцессах. Один был тезкой отца. Другой носил имя Дахон²⁹. Восточнобалтийские антропонимы, проводимые Саксоном, не могут не вызвать интереса. Dian, вероятно, славянское имя Деян (Диан, Дий, Дый). В «Словаре церковно-славянского языка» А. Х. Востоков приводит отрывок из «Слова и откровения святых апостолов» (памятника древнего, но дошедшего до исследователя в списке XVI ст.), где о славянах дохристианской поры сообщается: «Мняше боги многи: Перуна и Хорса, Дыя и Трояна...»³⁰. Если верить автору «Слова и откровения...», у славян-язычников в числе других был и бог Дый (Дий) или боги? Во всяком случае в древнерусском произведении XI в. «Тринадцать слов Григория Богослова» говорится, что бывают «Дии добрые и злые...»³¹. Конечно, дии — от латинского deus. Подобные заимствования не единичны. Другое божественное имя Троян, наверное, тоже пришло с берегов Дуная. Другой пример: святилище верховного жреца группы племен, обитавших до крестоносного погрома на территории Пруссии, называлось «Ромов», «Ромова» — от города Рим³².

«Языческий» антропоним имел в славянском мире распространение и сохранялся в разных его регионах до конца средневековья. Имя Деян найдено Юрием Венелиным в поминальных книгах Бухарестской митрополии XVI—XVII вв.³³.

Дахон этимологизировать значительно труднее. Привлекательной, но едва ли поддающейся обоснованию, во всяком случае, при сегодняшнем уровне знаний, представляется параллель с doxani, славянским племенем, жившим на берегах р. Dosse, притока Гевеля³⁴. Вызывает сомнение одно чередование гласных: о — а. Ономастический материал, подтверждавший бы такую возможность, нами не найден³⁵. Надежнее связать Дахон с такими именами, как *Dagon, Dago. Один из островов близ побережья назывался географами прошлых времен, в том числе и датскими, — Dago. Переход в тексте Саксона g в x, не может выглядеть невозможным, если признать славянский фонетический облик слова. Точно так же поступи-

ли копиисты, иордановой «Гетики»: славянское bog (бог) они писали vox³⁶. О «славянстве» антропонима Дахон свидетельствует также окончание — on. Франц фон Миклош относит его, наряду с -an, -n, к группе славянских консонативных суффиксов и даёт необходимый лексический материал³⁷. Аналогичное мнение было высказано Максом Фасмером. Он, в частности, писал, что этноним doxani сконструирован из германского корня Doch (Doss) и славянского окончания — an³⁸. О том, что этот суффикс и близкие к нему присущи славянским языкам и чужды германским или летто-литовским, свидетельствуют и современные специалисты³⁹.

М. Фасмер сделал попытку, правда, анализируя другой историко-лингвистический факт, вывести *Dag из скандинавского имени Dagr. Рассматривая одну из папских грамот польскому князю Мешко (X в.), он обращает внимание, что этот правитель величается в ней как «Dagome (= Dagone) iudex». По мнению Фасмера, Dagone — это латинская форма скандинавского имени Dagr⁴⁰. Таким образом, «Мешко», наряду со славянским, имел второе, скандинавское имя, хотя и славянизированное с помощью суффикса — on. Думается, что такое объяснение неверно. Dag (Dago) — слово, пришедшее к славянам из языка древних кельтов. Материал, собранный А. Хольдером (из «Corpus Inscriptionum Latinarum», — в первую очередь), достаточно убедителен. Кельты знали такие мужские имена, как Dago, Dagobius, Dagobitus, Dagomarus, Dagorix и др., женские — Dagda, Dagania, Dagoma, Dasoma. Корень Dago использовался для образования топонимов: Dagenis, ныне Dain-en-Saulois, близ Remilly (восток Франции) и др. В переводе на русский лексема dago означает «добрый»: Dago-deivos — добрый бог, dago-dunios (позднее, в старо-ирландском — dag-duine) — добрый человек⁴¹. Поэтому «Dagome (Dagone) iudex», — добрый судья, а Dagon (Дахон) — добрый [правитель — ?].

В «Церковной истории» Беда Достопочтенный упоминает шотландского епископа по имени Daganus⁴². Следовательно, антропоним не исчез в раннее средневековье и не был вытеснен скандинавским Dagr⁴³. К славянам его вполне могли занести великие мореходы той, донорманнской поры — фризы. Обращение к их ономастикону даёт такие близкие параллели исследуемого имени: Daan, Daco, Dage⁴⁴. Впрочем, славяно-кельтские языковые связи — это слишком сложный сюжет, чтобы, соприкасаясь с ним, быть категоричным.

Датским дружинам Рагнара, как и при походе Фрода, не геллеспонтники, а русские (ruteni) оказали решительное сопротивление, настолько решительное, что Рагнар не казнил предводителя русских и геллеспонтников (а также скифов — ?)

Дахсона (Daхon), а ограничился признанием вассальной зависимости с его стороны⁴⁵.

В числе зависимых от Рагнара оказались курши и сембы, в землях которых датское войско зимовало после неудачного набега на «пермскую землю»⁴⁶.

Подведем некоторые итоги. Несмотря на разнообразие исторических сюжетов и, несомненно, их беллетризацию, рациональные зерна в виде довольно четких географических ориентиров из текста «Деяний данов» можно выделить. Геллеспонтцы жили рядом с куршами и липами. Неподалеку от них размещались русские (рутены), вепсы, сембы. Ротала, позднейший Rothel на западе Эстонии, Палтиска (Полоцк) также указывают на примерный район их обитания. Ключевым «словом» является германский топоним Дюна, оторвать который от крупнейшей раки восточной Прибалтики, также звавшейся в германских источниках Дюной, не представляется возможным. Поэтому умозаключение, что геллеспонтцы жили на берегах современной Зап. Двины (Даугавы), не кажется неожиданным. Попытка объяснить появление в «Деяниях данов» географического названия «Геллеспонт» производного от XIX-го этнонима⁴⁷. «Геллеспонтцы» приводит к следующему⁴⁸. На большинстве средневековых карт (доступных нам) современный пролив Дарданеллы называется Геллеспонт⁴⁷. Незаурядный эрудит, каким был средневековый датский ученый, знал это⁴⁸, как знал и другое, что в Константинополь, экономический и культурный центр раннефеодальной Европы, можно было «пройти» другим водным путем — «проходом», «проливом» по Зап. Двине и одной из рек, впадающей в Черное море: по Дону, Дунаю, Днепру — здесь едва ли можно ожидать определенности в представлениях Саксона.

Географические масштабы у ученых того времени были иными, чем сейчас. Они сближали Черноморско-Азовский морской бассейн с Балтикой. Согласно их взглядам, расстояние до Константинополя через «северный Геллеспонт» не существенно отличалось от пути через «Геллеспонт южный». Кроме того, имело место сближение истоков черноморских рек с северными морями. Особенно четко эта географическая концепция была выражена на «Прекрасной карте мира» Ричарда из Холдингема (de Haldingham). Здесь, как и на большинстве других карт, самой большой азово-черноморской рекой изображается Дон (Танаис), отделявший, по географическим взглядам той поры⁴⁹, Европу от Азии. На некоторых картах Дон (Танаис) изображен в виде пролива, соединяющего северные и южные моря Европы⁵⁰. Иногда, даже на более поздних географических «чертежах» — например, на карте России, составленной Дженкинсоном в 1562 г., — дело представлялось так,

что Двина (Зап.), «Борисфен» (Днепр) и Волга вытекают из одного озера — «Volock lacus»⁵¹.

Концепция северного прохода (пролива) — «северного Геллеспонта» — владела умами мореходов раннесредневековой поры. Это подтверждается свидетельством письменных источников того времени о существовании близ восточного берега Балтики, юго-восточнее современной Лиепайи, но уже на территории Литвы, укрепленного пункта Апулия (Apulia)⁵². Название возникло в результате латинизации местного куршского топонима Aруоле, Appule — по известной средиземноморской модели.

Аналогичной видится судьба встречающегося в «Саге о Тидреке Бернском» и других скандинавских оказаниях топонима Gersike (Gerseke). А. Н. Веселовский увидел в нем композит из германского корня *gers от gers[Ke] — грек(и) и русского суффикса — *ск, переозвученного на германский лад: — *сже. Аналог: Смоленск — Smolencike⁵³. Исследователи ономастического саги о Тидреке Эма Штудер и Уильям Пэфф⁵⁴ сочли гипотезу А. Н. Веселовского более приемлемой, Э. Пабста, А. Биленштейна,

«Gercike»⁵⁵ — производное от «Городище»⁵⁵. Позднее И. Э. Клейнберг обосновал⁵⁶ такой вариант этимологизации корня: Ger= Jar= Яр и привел аналоги: Ярослав — Gerceslawe⁵⁷ «ярославово» имение под Цесисом — Jarsowe или Gerslau⁵⁸. Следовательно, за Gercike саги скрывается восточнославянский топоним Ярск (Ярск)⁵⁹. Лингвистическая оценка И. Э. Клейнберга не исключает, на наш взгляд, факта переосмысления названия Герцике певцами саг в принятом ими греческом (или русско-греческом, православном) контексте. Свидетельством живучести этой «номенклатурной» традиции является факт появления в позднейшее время подле руин Герцике (Ярьска) селения «Царьград»⁶⁰.

При поисках этимологических объяснений одного⁶¹ из германоязычных названий Зап. Двины — «Дюна» (Düna)⁶² — нельзя не вспомнить, что слово «Дипа», наряду с «Допа» употреблялось различными группами германцев (готами, скандинавами — в частности) для обозначения черноморских рек.

Так, Hervararsaga свидетельствует, что победоносное для готов сражение с гуннами произошло в местности «Dunheidi», неподалеку от Гор ясов (Jösufoöllum), т. е. Кавказа. Река «Дип» саги, несомненно, река черноморская — Дон или Дунай⁶³. Обозначение Дуная как Dūna (du:nau) или Dona (Dou:nau)⁶⁴. По мнению славянского гидронима Дунай⁶⁵. Герман Желлингхаус обнаружил такой интересный феномен: одна из речек Вестфалии в источнике 1229 г. была названа Dūna, позднее ее именовали Donau⁶⁶.

В сближении названий, произведенном «водоходами» Сев. Европы, просматривается географическая увязка балтийской Двины с одной из северочерноморских рек как единого водного пути от балтийских портов к Константинополю. У тех, кто осваивал речную сеть Восточной Европы, было в обычае называть связанные волоком водно-транспортные артерии одинаково или хотя бы схоже, о чем свидетельствуют несколько парных гидронимов центральной и восточной Европы. Достаточно напомнить о существовании двух Бугов — Южного в Западного, двух Нерлей — волжской и клязьминской, о северной, принадлежащей к вычегодско-двинскому бассейну, Келетьме и Келетьме южной, несущей свои воды в Каму, о Пукшеньге и Покшеньге, дающих возможность кратчайшим путем продвинуться из бассейна Сев. Двины в р. Пинег и далее на восток, о реке Кемь, впадающей в Ботнический залив и карельской Кеми, принадлежащей беломорскому бассейну. По мнению В. А. Булкина, «зеркальная гидронимия — Березина — Свислочь (Исloch) — Волма на западных (неманских) и восточных (березино-днепровских) отрогах Минской возвышенности... указывают на историческую связанность обеих рек как единого водного пути...»⁶⁷. Едва ли чистой случайностью можно объяснить такой историко-географический феномен, как появление в русской топонимике двух Двин — Западной и Северной.

* * *

Кроме этого, условно говоря, «доктринально-географического», можно предложить и другое, «конкретно-географическое» объяснение того, почему в «Деяниях данов» появился гидроним «Hellespont». Начнем с попытки выяснить, как называли крупнейшую реку восточной Прибалтики обитавшие окрест финские племена (этногруппы). В своем «Livisch-deutsches und deutsch-livisches Wörterbuch «известный финно-угровед прошлого века И. А. Шёгрэн (Siögren) сообщает, что немецкому «Sund» (пролив) «Flussmundung» (речное устье) соответствует ливское слово «vena»⁶⁸. Именно так, по его мнению, древние ливы и, возможно, родственные им курши называли реку, которая в русских источниках обозначается как Двина (Западная)⁶⁹. Позднее Е. Пабст уточнил: Dūna зовется по-ливски Vena (Ven) от староливского «veina», что значит широкое речное устье, «пролив». Жители восточной Эстонии («дорпатские» эсты — по терминологии Пабста) называют эту реку «Wäina» от «wäin» — «пролив»⁷⁰. Область же приречная, указывает Пабст, зовется ливами «Veinola»⁷¹. По аналогии эсты должны были ее называть «wäinola»⁷². Если обратиться к современным эстонским словарям, то можно установить, что название «Väina» для Зап. Двины сохранилось⁷³, хотя сейчас его вытесняют гидронимы «Düüna», «Dviina»⁷⁴. Сохра-

нилось у эстонцев и нарицательное «väin» — «пролив», наряду с «Merikitsus»⁷⁵. В финском языке Зап. Двина — «Väfnäjoki». Заимствованный, вероятнее всего, от эстов в достаточно далекие времена гидроним «Väinä»⁷⁶ уже осмысливается только как имя собственное одной из рек, впадающих в Балтику. Отсюда пояснительное «joki» — «река» Зап. Двина — это «Вяйня» — «река», где «Вяйня» — имя собственное, не соотносимое с топографическими обозначениями (по-фински «пролив» «salmi», «salmene» «залив», «губа» и т. п. — «lahti»)⁷⁷. Однако так было не всегда. Финские ученые, изучавшие язык древнего слоя песен Калевалы, этимологизировали имя главного героя: «Вяйнямейнен» (Väinämöinen) — «человек с пролива», «человек, живущий на тихой воде», где архаичное «väinä» («uvva», «uva») означает «tyvenesti virtaavaa jokea»⁷⁸. Мартти Хаавио видит эквиваленты финским словам в латинских «flumen placide labens», «fluvius», во фризском — «ström»⁷⁹. На русском языке это может быть передано так: «река-пролив», «поток, тихо несущий свои воды». Концепция финских специалистов получила признание. Переводчик «Калевалы» на английский язык Френсис Пибоди Магоун, ссылаясь на труд М. Хаавио, утверждает: «väinä» — «slack water», т. е. «тихая, стоячая вода»; «Väinämöinen» — «man of Slack Water Farm», «человек с фермы на тихой воде»⁸⁰. Для шведского специалиста Матти Дрейера «Väinä» — «strait» (пролив, тихая вода), и, используя результаты исследований финского «калеваловеда» Каарла Крона, он находит «тихий пролив» во впадающей в Ботнический залив р. Кумо (Kumo). Кумо действительно является своеобразным проливом, соединяющим о. Нясиярви, а через него всю систему озер внутренней Финляндии с морем. «Родная» земля Вяйнямейнена «Väinola», по мнению Дрейера, как раз и расположена при устье этого речного пролива⁸¹. Возникает вопрос о связи (или отличии) ливской «Вейнолы» от финской «Вяйнолы». Однако сейчас важно обратить внимание на то, что благодаря калеваловедению вполне обоснованным выглядит перевод финского слова «väinä», вероятно, заимствованного в древности у эстонского (может быть, точнее — восточно-эстонского) языка, как «пролив», «тихая вода пролива». Следовательно, «Väinä-joki» — «река-пролив» или что-то в этом роде.

Не умножая наблюдений над финской топонимикой, рискуем сделать вывод: все западные финны называли реку, известную русским как Западная Двина, «Väinä» или более слабыми формами этой лексемы: «väin» «vena», «ven», что при некотором «разбросе» смысловых оттенков означало «тихо несущий воду речной поток, или пролив». Не требует особых доказательств мысль, что подходившие к восточнобалтийским берегам на своих кораблях фризы, даны, готы слышали это на-

звание и его толкование от живших здесь ливов, куров и др. В свою очередь скандинавские гавани (включая Данию) не раз видели суда куршей, ливов. Поэтому вполне закономерно мнение, что «Hellespont» Саксона — ни что иное как простая калька финских «ven», «vena», «väinä», услышанных им если не лично от одного из уроженцев Вост. Прибалтики, то от германских мореходов. Требуется дальнейшее изучение, чтобы решить, какая из двух версий — «теоретико-географическая» или явившаяся следствием общения германских мореплавателей с финскими племенами восточной Прибалтики, легла в основу концепции Саксона. На следующем этапе работы можно ограничиться «примирающей» эти версии гипотезой, достаточной для решения поставленных в данном исследовании задач: географическое понятие «Геллеспонт» возникло в сознании средневекового датского ученого на пересечении доктринальной географии и географии «практической». Людей, живших на берегах «Геллеспонта северного», автор «Деяний данов» называл «hellespontici»⁸² «геллеспонттики», или, более по-русски, «геллеспонтцы». Следовательно, этноним — топонимический по своему происхождению, что характерно для славян. Достаточно вспомнить этнониму «Повести временных лет», да и западно-славянских источников.

Признанием: «геллеспонтцы» — этническая группа, обитавшая на берегах «реки-пролива» Зап. Двины, — логический ресурс фактов, содержащихся в «Деяниях данов» и других источниках, далеко не исчерпывается. Перед исследователем во весь рост встает ответственный вопрос о возможной связи восточно-славянского населения западновинского (точнее, верхне-западновинского) бассейна X столетия с жившими в более раннее время ниже по течению реки геллеспонтцами. Опять надлежит начать с рассмотрения данных финской лингвистики. Бросается в глаза, что по-эстонски (ливски, куршски) «русский» — «vene», русский мужчина — «venelane», русская женщина — «venelanna», Россия (Русская страна) — «Venemaa». Соответственно, в финском (и карельском) — «venä», «venäläinen», «venälänna», «Venäjä». Данное этническое наименование принадлежит к древним и когда-то обозначало восточных славян (или какую-то их часть), а позже после объединения восточнославянских племен в единое политическое целое, соседствовавшие с ними финские этносы так стали звать представителей древнерусской народности, жителей древнерусского государства. Как появился у финнов восточнобалтийского региона этот этноним? Случайно ли возникла в финских языках фонетическая близость этнониму гидролексеме «большая река», «пролив» (ven, vena, väin, väina) и собственному имени крупнейшей реки Вост. Прибалтики — «Vena», «Väinä»? Если не абсолютизировать случайные моменты, то

невозможно отрицать близость этнонима, обозначающего (и обозначающего сейчас) восточных славян (в настоящее время — русских) и финской гидролексеми. Попытки найти альтернативные варианты для этнонима в финских языках оказались безуспешными. Единственно близкое понятие к этнониму «vene» в западнофинских языках — это «лодка», «ладья»: по-эстонски — «vene», по-фински — «vene» на ливском (куршском) — «venī»- Производным от «vene» является эстонское «veno» — лодочник⁸³. Слова такого же значения существуют в других западно-финских языках. Все они указывают на связь древних славян (или их части) с водой, точнее, с речной водой, с рекой. Не отрицая необходимость дальнейших палеолингвистических штудий, представляется оправданным выдвинуть гипотезу, что финское «vene» (славянин, русский) означает «человек с пролива», «человек с большой реки». Может быть, — «человек ладьи», «лодочник». Именно «людей с большой реки» Саксон называет геллеспонтниками (геллеспонтцами). Так, довольно незамысловатая комбинация лингвистических фактов приводит к умозаключению, что предки одного, может быть, нескольких восточно-славянских племен, вошедших позднее в состав древнерусской народности, обитали на берегах «большой реки-пролива» и получили от ближайших финских племен имя «vene», а их земля «призападновинская» — «Veinola». Вопрос о Вейноле на р. Кумо, «северной» по отношению к двинской «Вейноле», в данной работе не обсуждается. Кстати, географическое понятие «Вейнола» и ее жители «вейнольцы» (Veinalenses)⁸⁴ встречается в «Ливонской хронике». Генриха Ливонского, правда, не в этническом, а в чисто географическом смысле: место обитания.

* * *

Следующим логически неизбежным становится непростой вопрос о соотношении финского «вене» (vene) с германскими этнонимами: «Vindr» (различные саги) Исландии и Скандинавии, «wendi» (Генрих Латвийский), «vehedi» «veinadi», «vindi» (латинские и германские раннесредневековые нарративы) и другими, схожими с ними. Ф. П. Магоун высказал мнение, что финское «Venäjä» (Россия) от «Venädhēh», базирующееся на этническом имени «venadi»⁸⁵ («wends», «sorbs») древних писателей, где «j» заменило «dh»⁸⁵. Такая этимологизация, при установленном смысловом тождестве «vene» и «väinä», подталкивает к признанию «Väinä-joki» — «Венедской рекой», т. е. славянской рекой, а Вейнямейнена превращает в славянина⁸⁶. Думается, при всей привлекательности для патристического чувства эту точку зрения следует отвергнуть, так как она предполагает германское посредничество между финнами и славянами. И. И. Миккола, склонявшийся к такой точке зре-

ния, не находя в пользу нее лингвистических данных, пытался опереться на археологические материалы. Готские захоронения, по его мнению, во II—I вв. до н. э. находились как вблизи устья Вислы, так и на юго-западе Финляндии, близ Турку⁸⁷. Через посредство этих «туркских» готов финны и узнали о венедах. Существующий фонд данных античной географии (Корнелий Непот, Плиний, Тацит, Птоломей) свидетельствует о другом: венды и финны были ближайшими соседями. Не исключено, что в некоторые отрезки времени на восточно-балтийских побережьях они жили чересполосно. Подобное соседство имело место до проникновения готов в висленский речной бассейн и сохранялось после того, как готы покинули его территорию. Поэтому финеко-славянские этнонимические взаимодействия не предполагают посредничества готов или иных германских этнолрупп.

Геополитическое понятие «Venäjä» (Россия) у карел и финнов не могло появиться раньше, чем возникло древнерусское государство, и, несомненно, явилось производным от названия народа «vene», «venä». Объяснить же возникновение любого из этих этнонимов от германского «wendi» с потерей корневого «d» не представляется лингвистически возможным. Кстати, лужицких сорбов, о которых финны, несомненно, узнали через немецкое посредство, они так и зовут «vendi»⁸⁸. Сохранилась в Прибалтике и река Venia (Vanta), название которой связано с тем народом, который германские писатели называют «Wendi»⁸⁹. Здесь корневое «d» трансформировалось в «t», «НО» не исчезло. Наш вывод таков: между финским «vene» и германским «wendi» имеет место определенное сходство, но не тождество.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

¹ Произведение Саксона Грамматика издавалось много раз. Нами были учтены несколько изданий, лучшими из которых следует признать: Saxo Grammatici Gesta danorum herausgegeben von A. Holder. — Strassburg, 1886; Saxonis Gesta danorum, recognoverunt et ediderunt J. Olrik et H. Raeder. — Tom 1. — Haunidi, 1931. Из переводов: Saxo Grammaticus. Danische Geschichte. Buch. 1—IX / übersetzt von H. Jantzen. — Berlin, 1900; Saxo Grammaticus. The Nine Books of Danish History / Tr. by Elton, with Introduction by F. W. Powel. — London, 1893—1894; Saxo Grammaticus. The History of the Danes / Ed. by H. E. Davidson and P. Fisher. — Cambridge, 1982, vols 1—II (II том — комментарий). В дальнейшем издания различаются по годам: Saxo, 1931 etc.

² Norborg L. A. Kalor till Sveriges. — Lund, 1968: — S. 51. Достоверность «Деяний данов» Саксона обсуждалась на страницах многих научных сочинений: Reymer G. De vita eruditione et scriptis Saxonis Grammatici. historioi Dani patriae ornamenta. — Helmstadii, 1762; Worsae J. J. A. Runamo og Braavallas läget. Et Bidrag til archaeologiak Kritik. — Kjobenhavn, 1844; Hermann P. Die Heldensagen des Saxo Grammaticus / Kommentar-Erklärungen zu den ersten neun Büchern der danischen Geschichte. — Leipzig, 1922; Lauring P. A. History of the Kingdom of Denmark. — Copenhagen, 1969; Davidson H. R. E. The Viking to Bizantium. — London, 1971; Oakley S.

The Story of Denmark. — London, 1962; Jagerstad H. Sveriges historia. — Stockholm, 1975; Denmarks Historie, Bind I, af Skovgaard-Peterson, Christensen A. E. Paludan H. — Copenhagen, 1977 (printed 1978); Scott F. D. Sweden. The Nation's History. — Minneapolis, 1978; Johannesson K. Saxo Grammaticus: Komposition och Varldsbild i Gesta Danorum. — Uppsala, 1978; Karsten F. J. Saxo og Vergil. En Analyse af 1931 undgavenis vergilparailler — Kobenhavn, 1975. Учитывались публикации в «Saxostudier. Saxokollokvierne ved Kobenhavns universitet» 3 Red. Tvan Boserup. — Kobenhavn, 1975, а также отомло место знакомство с трудами Ж. Дюмезиля, в частности — Dumezil G. Du Myth au Roman. La Saga de Hadings. — Paris, 1970.

³ Имеются в виду прежде всего исследования ленинградских историков: Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. — Л., 1985; Мачинский Д. А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. — Л., 1984; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. — Л., 1978; Булкин В. А., Мачинский Д. А. Русь конца VIII — начала X вв. на Балто-Волжском и Балто-Донском путях // Финно-угры и славяне (проблемы историко-культурных контактов). — Сыктывкар, 1986; Булкин В. А. К истории гидронима Двина // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. — Сыктывкар, 1985.

⁴ Носов Е. Н. Новгород и Юриково Городище в IX—XI вв. (К вопросу о происхождении Новгорода). // Труды V Международного конгресса славянской археологии (Киев, 1985). — М., 1987. — С. 9.

⁵ Например: «Volsungasaga», «Thidreksaga».

⁶ Saxo, 1931. — P. 257, 261.

⁷ Рагнар был современником Людовика, сына Карла Великого, и встречался с ним в г. Майнце. — Saxo, 1900. — S. 489—490.

⁸ Saxo, 1931. — P. 233—235. Ярмерика «датского» сближают с остготским монархом Германарихом (ум. в 375 г.). Сл.: Saxo, 1900. — S. 430. Amerkung. Сравн.: Grimm W. Die deutschen Helden Sagen (разные изд.). Lukman N. Ermanaric hos Jordanes og Saxo. — Kobenhavn, 1949. Нам кажется, что влияние легенд о Германарихе (Эрманарихе) на Саксона возможно, но тождества двух «королей» нет. Бессспорно, Саксон нарушает хронологию, рассказывая о Ярмерике после описания «подвигов» Хадинга (Гадинга) и Фрода (Фротона).

⁹ Saxo, 1931. — P. 24, 28.

¹⁰ Saxo. 1931. — P. 233.

¹¹ Бикк играл определенную роль в совете датского кондига. Он разоблачил перед Ярмериком измену его жены Сванильды, сестры «братьев-геллеспонцев» (Saxo, 1931. — P. 234—235):

¹² Saxo, 1931. — P. 232.

¹³ Andwan(us). По нашему мнению, либо фризское имя, либо фризская интерпретация одного из туземных имен. Во фризском ономастике встречаются: And, Andt, Ant. — Friesche Naamlist (Onomasticon friscum), door J. Winkler. — Amsterdam, 1971. — S. 16. Суффикс-ан придает лексеме славянский облик.

¹⁴ Saxo, 1931. — P. 24.

¹⁵ Saxo, 1931. — P. 23.

¹⁶ См. комментарий Т. Н. Джаксон к первому разделу «Древнерусских городов в среднескандинавской письменности. Тексты. Перевод. Комментарий». — М., 1987. — С. 34—35. См. также: Джаксон Т. Н. Древнерусские города в исландских королевских сагах // Труды V Международного конгресса славянской археологии (Киев, 1985). — Вып. III. — М., 1987. — С. 73.

¹⁷ См. Пименов В. В. Венсы. Очерки этнической истории и генезиса культуры. — М.—Л., 1965. — С. 20.

¹⁸ Об этнонимии Иордана см.: Korkkanen J. The People of Hermanic Jordanes Getica 116. — Helsinki, 1975. — См. также: Пименов В. В. Указ. соч. — С. 20.

- ¹⁹ Русско-финский словарь / Под ред. М. Е. Куусинена и В. М. Оллыккайна. — М., 1963. — С. 83; Jukeroismurteiden Sanakirja, toim. R. E. Nirvi// Lexica Societatis Finno-Ugriae. — Helsinki, 1971. — Т. XVIII. — С. 47.
- ²⁰ Jukeroismurteiden Sanakirja... — 658/9; Русско-финский словарь... — С. 137.
- ²¹ Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. — М., 1984. — С. 139.
- ²² Трусман Ю. Ю. Этимология местных названий Витебской губернии. — Ревель, 1897. — С. 226.
- ²³ Бубрих Д. В. О древней прибалтийско-финской речи // Известия Карело-финской научно-исследовательской базы АН СССР. — 1949. — № 1; см. также Пименов В. В. Вепсы... С. 47.
- ²⁴ Там же. — С. 38.
- ²⁵ Там же. — С. 39.
- ²⁶ Там же. — С. 23.
- ²⁷ Там же. — С. 24.
- ²⁸ Там же. — С. 23.
- ²⁹ Там же. — С. 257, 261.
- ³⁰ Цит. по кн.: Срезневская И. И. Материалы по истории древнерусского языка. — Т. 1. — С. 764.
- ³¹ Будилович А. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской Публичной библиотеки. — СПб., 1875. — С. 165.
- ³² Отрывок хроники Петра из Дуйсбурга гласит: «...Romow, trahens popen suum a Roma...». «См. комментарий: Трусман Г. Введение христианства в Дифландии. — СПб., 1884. — С. 23, 24 и др.
- ³³ Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные Бием Венелиным. — СПб., 1840. — С. 353.
- ³⁴ Adam of Bremen. History of the Archbishops of Hamburg-Bremen. — P. 66. — note 1.
- ³⁵ Были просмотрены издания Браутмана, Г. Хей, Э. Мука и др. Их библиографические данные будут сообщены далее по тексту работы.
- ³⁶ См. комментарий Т. Моммзена к произведению Иордана: Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Tom. V. Pars prior: Jordanis et Getica: — Berolini, 1882. — Index, personarum. — P. 121.
- ³⁷ Miklosich F. Die Bildung der slavischen Personen-und-Ortsnamen. Drei Abhandlungen. Heidelberg, 1927. — S. 7—10.
- ³⁸ Fasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. — Berlin, 1976. — Bd. 11. — S. 608.
- ³⁹ Сталтмане В. Э. Латышская антропонимия. Фамилии. — М., 1971. — Stang Ch. Sch. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. — Oslo, 1966. — S. 405—406; Prinz J. Die Slavisierung baltischen und Baltisierung slawischer Ortsnamen im Gebiet des ehemaligen Gouvernements Suwalki'. — Wiesbaden, 1968. — S. 9, 87; 110 etc.
- ⁴⁰ Fasmer M. Schriften... — S. 810, 857.
- ⁴¹ Holder A. Alt-celtischen Sprachschatz. — Graz, 1962. — S. 1212.
- ⁴² Ibid. — S. 1214.
- ⁴³ Отметим, что Саксон скандинавское Dagr передает как Dagus, не смешивая его с Daxoh-Saxo., 1931. — P. 130, 133, 257, 259, 260. Переводчики «Sogubrot af Fornkonungum» передают скандинавское Dagr на латинский язык как Dagus См., например: Annuities Russes... — Copenhagen, 1850. — Т. 1. — P. 80—81.
- ⁴⁴ Friesche Naamlist... — S. 58.
- ⁴⁵ О Дагоне и Рагнаре см. с. 163—164 данной работы.
- ⁴⁶ Saxo 1931. — P. 257—258.
- ⁴⁷ Геллеспонт можно видеть на картографических реконструкциях географических представлений Орозия, Исидора Севильского и др., проведенных Конрадом Миллером. См.: Miller K. Mappaemundi: die ältesten Weltcarten. — Stuttgart, 1898. — S. 23 etc, «Ellespontos» присутствует на

одной из древнейших карт, созданных в средневековой Европе — так называемой карте Св. Севера (St. Severus). Ее северный фрагмент К. Миллер поместил на вклейке к первому тому «Mappaemundi...». Ради точности отметим, что Геллеспонта нет на «англо-саксонской карте» X в. — Miller K. Mappaemundi... Bd. III. — S. 23. Не обсуждал вопрос о проливах, ведущих из Средиземного в Черное море, «равеннский аноним». — Ibid. — Bd VI — S. 1.

⁴⁸ Саксон рассказывает о походе конунга Рагвара (пер. пол. IX в.) в Средиземное море и к Геллеспонту («южному») — Saxo, 1900 — S. 489—490.

⁴⁹ Miller K. Mappaemundi... Bd. VI. — Н. IV.

⁵⁰ Имеется в виду карта Помпония Мелы (около 1418 г.).

⁵¹ О карте Дженкинсона см.: Сапунов А. П. Река Зап. Двина. Историко-географический обзор. — Витебск, 1893. — С. 32.

⁵² Подробнее см.: Ellis-Davidson H. R The Viking Road to Byzantium. — London, 1976. — P. 22. Апулия лежала в некотором отдалении от морского побережья. Ее морскими воротами был Сиборг (Seeborg), который В. Нерман идентифицирует со славянским Гробином. — Nerman B. Grobin'Secburg Ausgrabung und Funde (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akad.). — Stockholm, 1958.

⁵³ Веселовский А. Н. Русские и вальтины в Саге и Тидреке Бернском (Верномском). — СПб., 1906. — С. 74.

⁵⁴ Studer E. Russische in der Thidreks Saga. — Bern, 1931. — S. 73—75; Paff W. E. The Geographical and athic Names in the Tidriks Saga A Study in Germanic Heroic Legend. — Cambridg (Mass.), 1958. — P. 219.

⁵⁵ Критику концепции Пабста-Кунина см.: Клейненберг И. Е. О топониме Gercike В источниках XIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины — Вып. IV. — Л., 1972. — С. 124. и след.

⁵⁶ Догадку о связи германского *Ger и славянского *Яр высказал еще в прошлом веке Иван Желтов.

⁵⁷ В известной «Хронике Ливонии» Генрих Латвийский передавал имя одного из русских князей Ярослава (Владимировича, правившего в Пскове) как Gerceslawe.

⁵⁸ Livlandische Guterurkun den (aus der Jahren 1207 bis 1500). — Riga, 1908. — Bd. 1. — S. 234—235.

⁵⁹ Клейненберг И. Е. О топониме Gercike... — С. 126.

⁶⁰ См.: Сапунов А. П. Западная Двина... — С. 126—127.

⁶¹ Т. Н. Джаксон во «Введении» к «Разделу I» сборника «Древнерусские города в памятниках скандинавской письменности. Тексты. Перевод. Комментарий». (М., 1987. — С. 11) утверждает, что две Двины — Западную (Düna) и Северную (Vina) знает уже «первый топонимический пласт, отраженный в скальдике и рунических надписях». Попытка вывести германскую «Düna» из славянского гидронима Двина не имеет достаточных оснований ни в истории, ни в лингвистике.

⁶² См.: Топоров В. Н. Oium Иордана (Getica, 27—28) и готско-славянские связи в северо-западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и северного Причерноморья. Лингвистика. История. Археология. — М., 1984. — С. 136.

⁶³ Подробный анализ данного текста саги дал А. Веселовский в своей заметке на книгу Ричарда Хейнцеля (Heinzel R. Ueber der Hervagar Saga. — Wien, 1887). См.: Веселовский А. Готы и гунны и русская местность «Hervagotsaga» // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1889. — Ч. CCIVII. — Вып. VI. — С. 89 и след. А. Веселовский обратил внимание на то, что англосаксонская поэма «Widsith» перемещает место битвы из Причерноморья в Прибалтику, в лес на берегу Вислы (там же).

⁶⁴ Исландско-русский словарь / Сост В. П. Берков. — М., 1962. — С. 927.

⁶⁵ Топоров В. Н. Oium Иордана (Getica, 27—28)... — С. 136, 141 и др.

⁶⁶ Jellnghaus H. Die westfälischen Ortsnamen. — Osnabrück. — 1923. — S. 9. О сближении топонимов «Düna» («Dona») и «Dunau» («Donau») в раннее сред-

невековые см.: Paff W. J. The Geographical and Ethnic Names in the tidriks Saga. A Study in Germanic Heroic Legend.— Cambrigh (Mass.), 1959 — P. 61.

⁶⁷ Булкин В. А. Историко-географические данные к проблеме возникновения городов Днепро-двинского междуречья // Труды V Международного конгресса славянской археологии (Киев, 1985). — М., 1987. — Вып. 1. — С. 37, 38 и др.

⁶⁸ Sjogren J. A. Gesammelte Schriften. - St. Peterburg, 1861. — Bd. 11. — J Teil I. — S. 132.

⁶⁹ Ebenda.

⁷⁰ Pabst E. Heinrich's von Lettland Livlandische Chronik. — Reval, 1867. — S. 62. — Anm. 6.

⁷¹ Ebenda.

⁷² Правильность нашей мысли подтверждают данные финского языка, которые будут приведены несколькими строками ниже.

⁷³ Русско-эстонский словарь / Сост. Н. Г. Коротами. — М., 1944. — С. 293.

⁷⁴ Русско-эстонский словарь — Vene-esti Sonaraamat. Koostanud V. E. Muhel Toimetanud B. V. Pravdin. — Tallinn, 1953. — Leh. 627.

⁷⁵ Русско-эстонский словарь... 1953. — Leh. 431.

⁷⁶ Первичность эстонской лексемы *vaina* по отношению к другим формам, сохранившимся в иных западно-финских языках (ливском, ижорском, финском), была отмечена И. И. Микколой (Die alteren Berührungen zwischen Ostseefinisch und Russisch // *Suomalais ungrilaisen seuran toimituksia*. — Helsinki, 1938. — Т. LXXV. — С. 12. Вслед за Е. Пабстом он фиксирует бытование на диалектном уровне *Veina-jogi* (Двина — река) у восточных эстонцев, параллельность эстонской *Veina-jogi* и финской (*суоми*) *Vainajoki* отмечена М. Фасмером (Этимологический словарь русского языка / Пер. О. Н. Трубачева. — М., 1964. — С. 488).

⁷⁷ Русско-финский словарь / Ред. М. Е. Куусинен и В. М. Оллыкяйнен. — М., 1963. — С. 990; Финско-русский словарь / Сост. И. Вахрос и А. Щербаков / Под ред. В. Оллыкяйнена и М. Сало. — М., 1977. — С. 748. Данные этих словарей были сверены по: *Jukeroismurteiden Sanakirja / Toim "R. E. Nirvi // Lexica Societatis Fenno-Ugricae*. — Helsinki, 1971. — Vol. XVIII; *Suomen kielen etymologirien sanakirja / Toim S. V. Toivonen (и др.) // Lexica societatis Fenno-Ugricae*. — 1955. — Vol. XII.

⁷⁸ Setälä E. N. Vainamoinen ja Joukahainen // *Esielma astuessa Suomalais Tiede akademian puheenjohtajan. toimeen 9. Paivana huntikunta 1913*. — Helsinki, 1913; Tankelo E. A. Kalevalan sanat Uvanto ja Uvantolaiben. — Helsinki, 1914; Haavio M. Vainamoinen. Suomalaisen runojen keskushahmo. — Porvoo, 1950.

⁷⁹ Haavio M. Vainamoinen... — S. 301.

⁸⁰ The Old Kalevala and certain antecedentes, compiled by Etias Lonnrot, translated by Francis P. Magoun—Cambridg (Mass.), 1968. — P. 303; The Kalevala or Poems of the Kalevala District, compiled by Elias Lonnrot, a Prose Translation with Foreword and Appendices by F. P. Magoun. — Cambridg (Mass.). 1963. — P. 397, 405.

⁸¹ Krohn K. Kalevakastudien. Bd. V: Vainamoinen // F. F. Communications. — Helsinki, 1928. — N. 75. — S. 65; Drejer M. The History of the Akand People. From the Stone Ages to Gustavus, translated from the Swedish by Jocelyn Palmer. — Stockholm. 1886. — P. 313.

⁸² Плиний зовет обитателей «южного» Геллеспонта. — «*hellespontii*», т. е. геллеспонтии. Страна их именовалась Hellespontia — Геллеспонтия (Hist. Nat., V., 423). Также у Цицерона. Подробнее см.: Paulus Real — *Encyclophadie ... Halbband XV*. — Stuttgart, 1912. — S. 193.

⁸³ Любой словарь финского или эстонского языка подтвердит эти наблюдения. Ливская лексема может быть проверена по упоминаемому словарию И. А. Шегрена.

⁸⁴ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Пер. С. А. Аннинского. —

М. — Л., 1939. — С. 284. Мы пользовались латинским текстом, русский перевод этого места (X, 6) неточен.

⁸⁵ The Kalevala... — P. 300.

⁸⁶ Серьезную попытку доказать, что Вяйнямейнен — эпоним венедов путем текстологического анализа наиболее архаичных текстов многотомного издания «*Suomen kansan vannahat runot*» сделал В. Я. Евсеев: Эпоним венедов в карело-финских рунах // Учен. зап. ЛГУ. — Серия востоковедческих наук. — 1947. — Вып. 2 (№ 105). — С. 81 и след. Исследование осталось незавершенным.

⁸⁷ Mikkola J. Die alteren Berührung. Версия Микколы была поддержана М. Фасмером в его этимологическом словаре.

⁸⁸ См.: Финско-русский словарь... — 1977. — С. 724.

⁸⁹ Ливонская хроника.. — С. 106, 292 (X, 14).

УДК 940.1

О. Р. Бородин (Институт Всеобщей истории АН СССР)

ЭВОЛЮЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ИТАЛИИ В ЭПОХУ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСПОДСТВА

Для исследования любого древнего города в эпоху перехода от античности к средневековью изучение тенденций развития муниципальной организации имеет особое значение. Античный город (лат. «*municipium*», греч. «*πολις*») представлял собой особый тип поселения, с присущим ему своеобразным социально-административным устройством (в римское время — деление граждан на «*plebs*» и куриалов, во все эпохи — выборность магистратов и т. д.)¹, специфическими отношениями собственности прежде всего, наличием «двуединой» собственности, когда частная собственность опосредована коллективной собственностью гражданской общины)², особенностями, территориально-административной структуры (единство «*urbs*» и «*suburbium*» — города и пригорода — в пределах т. н. «*mille passus*», составлявших вместе территорию общины — «*civitas*», наличие обширной внегородской зоны — «*territorium*», подчиненной городским властям)³. Ниже предпринимается попытка проследить судьбу муниципального устройства в византийской Северо-Восточной Италии по трем указанным параметрам⁴.

Большая часть равеннских папирусов⁵ состоит из актов официального делопроизводства курии (протоколы заседаний и отрывки из «*gesta municipalia*»). Среди этих папирусов — документы равеннского происхождения и очень немногочисленные памятники из других городов: Римини (Marini 107), Фаэнцы (Marini 116, Tjäder 32); за пределами изучаемой зоны — Рие-ти (Tjäder 7); Сиракузы (Tjäder 10—11). Хронологически они от-

носятся к периоду с конца V до начала VII вв. и свидетельствуют, что в это время в курии фиксировались акты дарений (Tjäder 10—28), завещаний (Tjäder 4—5, 6), купли-продажи (Marini 118 seqq.), арендные сделки (Marini 132 seqq.), совершался раздел имущества (Tjäder 8), устанавливалась опека (Tjäder 7). К услугам курии обращались ремесленники (Tjäder 4—5, В III—IV; 14—15), купцы (Tjäder 4—5, В V—VII), военные (Tjäder 16), земельные собственники (Tjäder 10—11), лица духовного звания (Tjäder 4—5, В II—III, В IV—V), церковные корпорации (напр., равеннская архиепископия — Tjäder 6, 14—15). Среди участников сделок встречались лица латинского (Tjäder 4—5, А II—III; 10—11 etc.), германского (Tjäder 6, 9 etc.), греческого (Tjäder 16), восточного (Tjäder 4—5, В V—VII) происхождения. Можно считать, что в V—начале VIII вв. все слои населения Северо-Восточной Италии фиксировали сделки в курии. Григорий Великий в одном из писем сообщает о существовании «gesta municipalia» в Римини⁶. (Параллельный материал содержат его письма в другие города — Мессину⁷, Фермо⁸, Луну⁹). Эти данные позволяют заключить, что в сфере делопроизводства активность курий в северо-итальянских городах в V — нач. VII вв. была весьма высокой. Напротив, говоря о деятельности курии в иных сферах общественной жизни, прийти к подобному выводу нельзя. Как известно, императорское законодательство наложило на куриалов тягостную фискальную повинность. От византийской Италии дошло лишь два весьма смутных упоминания о ее реальном выполнении декурионами. Оба они заключены в Т. н. «Summa Perusina»¹⁰. В первом случае речь идет о конспекте статьи IV, 46, 2 Кодекса Юстиниана. В статье говорится о продаже имущества в счет уплаты налогов. «Summa...» же уточняет: «Если ты продал имущество *куриалу* (курсив мой — О. Б.) в счет уплаты налога, то не имеешь права требовать его возвращения»¹¹. В другой статье «Summa Perusina» говорится о разборе жалоб на злоупотребления при сборе налогов, причем, если по Кодексу Юстиниана жалобу следует разбирать в курии, то «Summa...» отмечает, что разбор должен производить «magistratus»¹². Осмысленная замена термина показывает, что эта статья реально применялась на практике. Следовательно, можно считать, что во второй половине VII в. (время составления «Summa Perusina») куриалы принимали некоторое участие в сборе налогов, а связанные с фискальной деятельностью судебные разбирательства проводились в курии. Вместе с тем североитальянские источники не доносят до нас сведений об участии курии в городском благоустройстве, водоснабжении, надзоре за общественным порядком, ремонте городских стен, разборе уголовных дел, т. е. о деятельности курии, подробно регламентированной в законодательстве, тогда

как такие первоклассные источники, как равенские папирусы и «Книга понтификов» Агнелла из Равенны, должны были бы рассказать о ней, если бы она была сколько-нибудь активной. Аргументы ab silentio, таким образом, свидетельствуют о сужении сферы активности курии. Об ее ослаблении в Равенне можно судить непосредственно на основе документов. Формально устройство курии в Равенне традиционно для любого итальянского муниципия. Источники пестрят характерной терминологией, применяющейся для обозначения различных муниципальных должностей: «magistratus» (Tjäder 4—5, 6; IO—I 1; 14—15; Marini 113), «Quinquennalis» (Tjäder 4—5, В V—VII; В IV—V, В II—III; 12), «principales» (Tjäder 4—5, В I, В II—III, В IV—V, В V—VII; 14—15); «defensor civitatis» (Tjäder 4—5, В V—VII; «curator civitatis»)¹³. Однако в изучаемый период ни одно из этих должностных лиц, видимо, не обладало всеми полномочиями, характерными для предшествующей эпохи. Так, если прежде термин «magistratus» был техническим обозначением одного из duoviri jure dicundo в момент его председательствования в собрании курии, то теперь он употребляется как исключительное наименование этого должностного лица. Более общее понятие «duoviri» заменяется в «Summa Perusina»¹⁴ на «municipes»¹⁵, «curiales»¹⁵, даже просто «duo testes»¹⁶. По-видимому, председательствование в курии стало для прежних «duoviri» главной и почти единственной обязанностью. Должность «quinquennalis» раз в пять лет занимал очередной «magistratus». Если иметь в виду, что обычные для него функции контроля за сбором налогов и надзора за общественной нравственностью перешли к этому времени соответственно к «defensor civitatis»¹⁷ и к епископу¹⁸, то в его руках должна была остаться единственная прерогатива — составление списков куриалов.

«Principales» — некогда верхушка муниципального сената — ныне играет в слушании дел чисто техническую роль, свидетельствуя правомочность заключающейся сделки (Tjäder 4-5, В I, В II-III, В IV-V, В V-VII, 14-15). Из числа членов курии только principales участвуют в заседаниях. Более широкий термин — «curiales» — встречается в равенских папирусах единственный раз (одна из грамот оглашена «in praesenti curialibus huiusce urbis» — Tjäder 13). По аналогии с другими документами можно полагать, что речь здесь идет о «principales». Таким образом, для равенской курии характерно широкое распространение абсентизма, на что уже указывалось в научной литературе¹⁹. Это явление можно объяснить тем, что главным содержанием работы курии в это время стало выполнение ею чисто нотариальных функций, и присутствие на заседаниях всего состава декурионов перестало быть необходимым. Доводом в пользу этой точки зрения слу-

жит информация о выполнении обязанностей «magistratus» и «principales» отдельными членами курии на протяжении всей жизни. Так, некто Melminius Cassianus занимает эти должности в течение более полувека (Tjäder 4—5, В IV—V, В V—VII; 6), Flavius Florianus также неоднократно фигурирует в документах (Tjäder 4—5, В II—III, В III—IV). В Равенне была распространена своеобразная система замещения, когда отец замещал в заседании курии сына, занимающего определенную муниципальную должность (напр. в папирусе Tjäder 4—5 — многократно). Это явление можно объяснить стремлением родителей заблаговременно подготовить детей к будущей работе в курии, для чего было необходимо формальное избрание последних на соответствующие должности. В этих условиях кажется естественным, что на протяжении почти двух столетий большая часть куриальных магистратур в Равенне была сосредоточена в руках представителей двух родов — Мельминиев и Флавиев (Melminii — Tjäder 4—5, В I, III, IV—V; 10—11; 14—15; Flavii — Tjäder 4—5, В II, В III, IV). Таким образом, мы вправе отметить тенденцию превращения курии в узкую замкнутую профессиональную корпорацию, занятую, главным образом, нотариально-регистрационной работой.

Это явление, естественно, снижало интерес к курии у представителей государственной власти. Показательно положение в административной системе городов таких должностных лиц, как «curator civitatis» и «defensor civitatis». Природа той и другой должности была двойственна, так как, с одной стороны, «curator» и «defensor» должны были способствовать успешной деятельности курии, контролировать ее и принадлежали к числу куриальных магистратов (в эпоху Юстиниана I они избирались при участии декурионов²⁰), с другой стороны, они утверждались в должности императором²¹ и обладали рядом важных прерогатив некуриального характера.

К куратору Равенны обращены четыре письма Григория Великого. В первом из них папа благодарит куратора Феодора за участие в заключении мира с лангобардами и выплату им положенной контрибуции²². В двух других Григорий I просит оказать поддержку двум своим протеже, прибывающим в Равенну²³. Наконец, в четвертом письме папа просит предоставить охрану супруге римского префекта Иоанна по пути ее следования к мужу в Рим²⁴. Григорий постоянно обращается к куратору «gloria vestra», что свидетельствует о принадлежности последнего к чиновникам I ранга²⁵. Содержание писем свидетельствует, что влияние в городе куратора было весьма велико, а, судя по тексту первого письма, куратор Равенны занимал заметное место и в административной системе всей Италии. В то же время ни в одном из писем ни слова не говорится о курии. Документы же куриального происхождения о кураторе ни

разу не упоминают. Падение интереса куратора к курии связано, несомненно, со снижением ее роли в жизни города. Развитие его собственной должности шло, таким образом, к расширению сферы ее «некуриальных» прерогатив: муниципальный магистрат превращался в государственного чиновника.

Дефензор Равенны упомянут в источниках единственный раз (Tjäder 4—5, В V—VII). Названный документ относится к 552 г., т. е. составлен вскоре после византийского завоевания Италии. Дефензор выступает в качестве председательствующего на одном из куриальных заседаний. Указанная эпоха характеризуется интенсивными попытками правительства реставрировать в Италии позднеантичные социальные формы, в частности — муниципальное устройство²⁶. Не случайно одно из заседаний курии проводится в присутствии префекта Италии (Tjäder 4—5, В VII—VIII) — главы византийской администрации в стране. Появление в курии дефензора в таких условиях можно рассматривать как одно из звеньев политики «реанимации» курии, в конечном счете, потерпевшей поражение. Так же следует расценивать появление дефензора на одном из заседаний курии в Фаэнце в 550 г. (Marini 116). Иных упоминаний о деятельности дефензора в изучаемый период не сохранилось. В самом круге обязанностей этого магистрата содержался зародыш будущего исчезновения его должности, так как его функции во многом дублировали полномочия куратора, а ранг последнего был выше²⁷. В «Summa Perusina» в эксерптах из статей Кодекса Юстиниана, в которых речь идет о дефензоре города, вместо слова «defensor» употребляется термин «curia» или «curialis»²⁸. Что можно расценить как свидетельство исчезновения должности «defensor civitatis» в городах итало-византийской зоны к концу VII в. С. Мокки-Онори на широком общетальянском материале показал, что в VII—VIII вв. функции defensor'a и curator'a в городе постепенно переходят к епископу. Весьма вероятно, что и Равенна не являлась в этом смысле исключением²⁹.

До второй половины VII в. существование куриалов как условия городского населения в византийской Италии представляется несомненным, о чем свидетельствует, например, приведенный выше отрывок из «Summa Perusina» об их фискальных обязанностях. Недвусмысленно указывают на это и два письма Григория Великого епископам Южной Италии, в которых заключено требование не допускать к церковной службе лиц «curiae aut cuilibet conditioni obnoxium»³⁰. «Summa Perusina» уточняет одну из статей Кодекса Юстиниана, где говорится о льготах по налогу с торговли. Согласно «Summa...», эти льготы предоставляются куриалам³¹. В то же время несомненно резкое сокращение численности декурионов в итальянских городах. В качестве примера можно привести протокол заседания

курии Б небольшом городке Риети (Tjäder 8). В документе неоднократно говорится о «*cunctus ordo*» («всем сословию»), присутствующем на заседании. В конце же папируса стоят подписи шести куриалов, из которых, таким образом, и состоит это «сословие». Среди участников заседания нет никаких должностных градаций. Показательно, что в «*Summa Perusina*» вместо присутствующего в Кодексе Юстиниана термина «*magistratus*», часто значится «*curia*» или «*curiales*»³². По-видимому, сокращение численности декурионов в ряде городов Северной Италии к VII в. достигло того предела, за которым выборы куриальных должностных лиц уже не проводились. Эти наблюдения подтверждают вывод Ш. Дили о том, что обычное в переписке Григория Великого обращение к жителям города: «*Clero, ordini et plebi*»³³, являлось не более чем данью традиции³⁴. Куриалы постепенно растворялись в других социальных прослойках. Об этом свидетельствует, в частности, одно из писем Григория I, в котором он дает подробную характеристику населения Равенны и ни словом не упоминает о куриалах³⁵. Отсутствие упоминаний о декурионах с конца VII в. в сочетании со сведениями о тенденции развития этого сословия в предшествующий период позволяет заключить, что к этому времени они окончательно, исчезают³⁶.

Среди многочисленных функций курии в классический период существовала, по крайней мере, одна, активно исполняемая ею и в более позднее время — функция делопроизводства. Естественно, и в VII, и в VIII вв. город не мог обойтись без организации, юридически фиксирующей различные публично-правовые акты. От эпохи VII—VIII вв. и более поздней до нас дошел ряд ревеннских документов такого рода (Tjäder 22, Marini 99 etc.). Их формуляр полностью совпадает с формуляром документов предшествующего периода³⁷. Вслед за основным текстом следуют подписи свидетелей, за ними — подписи писца. Формула свидетельствования непременно состоит из сообщения об имени и роде занятий свидетеля, краткого изложения сути дела и заявления о том, что свидетелю был прочитан текст и в его присутствии грамота была передана заинтересованным лицам, в чем он и расписывается ниже. Многочисленные текстуальные совпадения в соответствующих разделах ранних и более новых документов. Процедура свидетельствования, порядок оформления остаются неизменными на протяжении четырех веков. Документы такого типа прежде оформлялись в курии. Правда, о курии в них ничего не говорится. Однако и раньше данные о жизни курии встречались только в протоколах ее заседаний и в «*gesta municipalia*»³⁸. В связи с этим допустимо предположить, что исчезновение куриалов как сословия было не равноценно исчезновению курии как таковой. Отмеченные процессы в ее развитии (резкое

сокращение числа декурионов, ограничение деятельности курии сферой фиксации сделок, превращение муниципальных должностей в пожизненные и наследственные) логически вели не к гибели курии, а к ее преобразованию в своеобразную чиновничью корпорацию. Тот факт, что многочисленные документы курии, часто не имеющие никакого отношения к церкви, хранились в архиепископском архиве, позволяет предполагать, что архиепископия включила курию в свою структуру. В одном из памятников X в. (Marini 134) свидетель заявляет, что текст документа был прочитан ему в присутствии архипресвитера и двух пресвитеров, т. е. архипресвитер выступает в роли прежнего «*magistratus*». Симптомы подчинения курии церковной власти можно видеть уже в VI в., когда Григорий Великий рекомендует тому или иному епископу при совершении земельной сделки внести соответствующую запись в *gesta municipalia*³⁹. Уже в это время «*gesta*» находились, по существу, в распоряжении епископа. Специально изучавший этот вопрос немецкий историк Б. Хиршфелд (активно использовавший равеннские папирусы) объясняет исчезновение «*gesta municipalia*» в VII в. тем, что епископы окончательно поставили делопроизводство под свой контроль⁴⁰. Эта мысль подтверждается изысканиями итальянского историка Г. Буцци, исследовавшего новую, архиепископскую курию⁴¹. Отмеченная выше непрерывная нотариальная традиция позволяет считать, что церковная власть унаследовала курию в готовом виде, вместе с ее аппаратом, ее архивом и ее деловым опытом. Однако последняя не была уже курией в античном смысле слова. Древняя муниципальная организация и возглавлявшее ее сословие куриалов в течение византийского периода истории Северной Италии окончательно отошли в прошлое.

* * *

В эпоху поздней античности муниципальная собственность, являвшаяся экономической основой существования муниципиев, находилась в глубоком упадке. Как отмечал итальянский исследователь Г. Менгоцци, в это время она почти не отличалась от фискальной⁴². В то же время определенная ее часть традиционно оставалась в распоряжении городской курии (общественные здания, улицы, площади, городские стены и т. п.)⁴³. Изменилось ли это положение в византийский период?

Источники позволяют заключить, что еще в VIII—IX вв. часть недвижимости в городах Северо-Восточной Италии трактовалась как «общественное достояние»⁴⁴. Так, в Баварском кодексе⁴⁵ неоднократно упоминаются «общественные» площади и форумы («*platea publica*» — БК 55, 56, 58, 59—63, 66; «*forum publicus*» — БК 61—62). В Равенне в конце VII в. еще функционировали бани («*balnea*») общего пользования⁴⁶, ко-

торые должны были находиться в чьем-то ведении. Источники, однако, не дают информации об отношении курии к названным учреждениям. Думается, что прояснить этот вопрос помогут некоторые сведения из истории церкви.

В классическом римском муниципии в состав городского имущества неизменно входили храмы. Как отмечал немецкий историк-юрист Е. Лёнинг, причина этого в том, что культ в Риме всегда рассматривался как государственная функция⁴⁷. В христианскую эпоху императоры Аркадий и Гонорий официально поручали куриалам заботу об общественных храмовых зданиях (401 г.)⁴⁸. Фактически же эта часть общественного достояния находилась в распоряжении церкви, и, в частности, названный закон ставил куриалов в некоторую зависимость от нее. На протяжении позднеримского и византийского периода истории Северной Италии в собственность церкви переходит значительная часть муниципального имущества, как внутри, так и вне городских стен. Так, «*praedia urbana vel rustica*» — обычное наименование муниципальной недвижимости — уже в начале V в. предоставляется в «*libelli*» клирикам⁴⁹. Во второй половине VII в. равеннокая церковь располагает обширными «*proastia*» в пригородной зоне⁵⁰. Как известно, переход имущества в руки церкви означал упразднение осуществлявшейся над ним высшей муниципальной юрисдикции⁵¹.

Итак, на протяжении нескольких столетий в Равенне (вероятно, и в других городах Северо-Восточной Италии) создавались материальные предпосылки для установления примата архиепископии над городской собственностью. Об юридических предпосылках этого процесса можно сказать следующее. Уже в эпоху поздней античности в итальянских городах устраивались собрания населения, решавшие различные общегородские проблемы⁵². Чаше всего они созывались для выборов епископа (в равеннской «Книге понтификов» мы встречаем много примеров такого рода⁵³. Вероятно, некогда они возникли как собрания городской христианской общины. В период массовой христианизации эти сходки должны были перерасти в соборы, где участвовало подавляющее большинство жителей города⁵⁴, а упадок курии заставил их принять на себя некоторые ее функции. Правительство, уловившее эту тенденцию, попыталось более четко определить полномочия собраний. Так, по Кодексу Феодосия «*curiales honorati plebsque*» проводили выборы «*defensora civitatis*»⁵⁵. Вместе с тем законодатель стремился придать собраниям более узкий и аристократический характер. Прагматическая санкция⁵⁶ предписывает избирать «*judices provinciae*» силами «*honestiores*» и «*possessores loci*» с участием епископа⁵⁷. Видимо, такого рода ассамблею представлял собой «*congressus*» в г. Поле (Истрия), к концу

византийского периода, присвоивший себе право выбора некоторых должностных лиц⁵³.

Источники говорят о городских собраниях как об обычном явлении в жизни городов. Иногда сходки созывались по отдельным районам. Например, жители «*Pusterula*», одного из районов Равенны, потерпев поражение в кулачном бою с соседями («*regio Tiguriensis*»), собрались на «*consilium*», где разработали план отмщения⁵⁹. В момент восстания в Равенне против императора Юстиниана II в 710 г. был созван «*Ravennae coetus*», на котором была выработана программа действий инсургентов⁶⁰. Влияние церкви на проведение подобных собраний постоянно возрастало. Это было связано с ростом экономического и политического могущества равеннской архиепископии, с поддержкой, оказываемой ей светской властью, наконец, с тем, что церкви легче всего было проявить инициативу в созыве собрания, совместив его с каким-либо культовым действием. Этим приемом пользовался, например, архиепископ Иоанн (574—595), когда вел с римским престолом тяжбу по поводу ношения *pallium*'а (папа Григорий I укоряет его за появление в *pallium*'е «*inter populoꝝ strepitus*»)⁶¹, архиепископ Мавр в борьбе за автокефалию равеннской церкви⁶². Общегородское собрание превращалось постепенно в орган, легализующий политические начинания архиепископа и позволяющий ему активно влиять на все сферы городской жизни, в частности, — на распоряжение муниципальным имуществом.

Итак, в византийский период истории Северной Италии здесь сложились материальные и морально-правовые предпосылки для того, чтобы архиепископия заменила прежнюю муниципальную организацию и в сфере отношений собственности. Этому должно было способствовать и подчинение ей курии, о котором говорилось выше⁶³. Произошла ли эта замена в действительности?

К сожалению, источники не дают непосредственной информации о правовом статусе и эксплуатации общественных сооружений в изучаемой зоне. Однако некоторые заключения на этот счет можно сделать на основе косвенных данных. От второй половины VII в. мы имеем сообщение о том, что на время крестного хода в Равенне закрылись городские бани⁶⁴. Может быть, это — свидетельство контроля, осуществлявшегося архиепископией, за их эксплуатацией? Несколько позже (в начале IX в.) при архиепископе Мартине проводились реставрационные работы в церкви Св. Аполлинария. Они осуществлялись силами граждан («*cives*») Равенны, «*volventes in angaria*». Участвовали в ней и «*suburbanae civitates*», заготавливавшие строительный материал⁶⁵. Таким образом, общественное сооружение обновлялось так же, как если бы это происходило в античную эпоху. Сохранился даже термин «*angaria*», идущий

от римского права⁶⁶. Отличие заключалось лишь в том, что вся инициатива в строительстве, организации работ, их оплате и т. д. принадлежала архиепископии. Можно предположить, что строительство и реставрация общественных зданий в других городах осуществлялись в это время также под руководством церкви⁶⁷. Это значит, что на протяжении предшествующих столетий в Северо-Восточной Италии протекал неотраженный в источниках процесс установления примата церкви над прежней городской собственностью.

Как уже указывалось, для античного муниципия характерно своеобразное единство «*urbs*» и «*suburbium*», образовывавших в сумме город — «*civitas*». За пределами субурбия располагался «*territorium*», образованный землями, также находившимися в распоряжении городской общины. В византийскую эпоху легко обнаружить рецидивы такого положения. Население пригородов продолжает считаться городским. Так, Григорий Великий обращается к жителям Равенны: «*in Ravenna civitate consistentibus vel ex ea foris degentibus*»⁶⁸. Он же просит епископа Фермо разрешить нотарию Валериану построить молельню «*oratorium*» (на участке вблизи городских стен «*juxta muros*») и внести в «*gesta municipalia*» соответствующую запись⁶⁹. В состав имущества равеннской церкви входят «*praedia suburbana*», а население субурбия участвует в различных предприятиях жителей города, будь то обновление храма или возмущение против политики императора⁷⁰. Города («*civitates*»), как правило, рассматриваются вместе с прилегающими территориями. Так, в Баварском кодексе обычно даются указания на принадлежность участка к территории того или иного города (Римини — БК 2, 4, 6—26, 27—31; Чезены — БК 32—33, 45, 155; Озимо — БК 103—113, 115, 117—128; Синигалии — БК 71—79, 81, 82; Губбио БК 157—159; Перуджи — БК 163; Фельтре — БК 169—170, 172—175; Урбино — БК 168). Папа Стефан II настаивает на возвращении ему городов Пентаполя «*cum earum territorium — istis*»⁷¹, а Павел I сообщает, что «лангобарды заняли пределы наших городов» («*civitatim nostrarum invasi fines*») ⁷². Верно ли будет на этом основании заключить, что характерное для античности территориальное деление сохранялось в полной мере в VI—VIII вв.?

Для ответа на этот вопрос можно использовать некоторые топографические данные. Большая часть городских поселений Равеннского экзархата, происходивших от римских муниципиев, имела в плане ортогональную конфигурацию (Римини, Чезена, Имола, Форли, Фаэнца и др.). Центр города в этом случае приходился на пересечение главной горизонтали и главной вертикали («*cardo maximus*» и «*decumanus maximus*»),

деливших поселение на четыре, примерно, равных «*pagi*» или «*regiones*». Такой планировке соответствовала определенная административно-социальная организация. Для позднеантичного периода особенно важно то, что население соответствующего «*пата*» отвечало за поддержание в порядке городских стен ряда городов. Отстраиваясь заново, эти центры (Имола, Фаэнца, Чезена) меняли конфигурацию стен на многоугольную⁷⁴. Основной причиной этого были военно-стратегические соображения⁷⁵. Важно, однако, то, что старая территориальная организация уже не могла оказать решающего влияния на обстоятельства восстановления городских стен в ходе нового строительства явно была нарушена. Приведенные соображения, не применимы к Равенне, но следует иметь в виду, что она уже в античную эпоху обладала своеобразной конфигурацией стен, не свойственной обычным муниципиям⁷⁵. Однако и здесь древнее территориальное деление уходило в прошлое. Так, во второй половине VII в. целый район, примыкавший к воротам *Pusterula*, был разрушен в ходе городских распрей, а затем заселен вновь⁷⁷.

Кризис античной территориальной системы в сельской местности проявлялся в том, что основной территориальной единицей сделался церковный приход («*plebs*»). Это общее для всей Италии⁷⁸ явление находит подтверждение в Баварском кодексе, где часто указывается, в пределах какого «*plebs*» расположен тот или иной земельный участок (БК 7, 8, 10, 38, 42, 52, 68, 76, 77, 82, 90, 95, 101, 105, 119, 133, 148, 169, 170).

Кризис и исчезновение муниципальной организации превращали свойственное ей территориальное устройство всего лишь в постоянно нарушаемую традицию. Так, однако, обстояло дело в тех случаях, когда в формальном сохранении этого устройства были заинтересованы новые социально-политические силы. «*Territorium*», как атрибут «*civitas*» и «*suburbium*», сосуществующий с «*urbs*», характерен и для эпохи раннего средневековья, так как это соответствовало интересам государственной и церковной властей. В византийской Италии «*duces*» и «*tribuni*» осуществляли полномочия власти как над городом, так и над его «*territorium*»⁷⁹. Границы такого «*territorium*», как правило, соответствовали границам церковного диоцеза⁸⁰. Главная (обычно, кафедральная) церковь становилась таковой и для субурбия. Формальное сохранение статуса субурбия за городским предместьем обеспечивало епископии, выступавшей в качестве наследницы курии, возможность эксплуатации «*plebs suburbana*». То же можно сказать и о бывшей муниципальной недвижимости, располагавшейся за пределами города — «*praedia suburbana*», упоминания о которой дошли до нас в VII в.⁸¹ Однако за античной терминологией здесь скрывалось новое содержание: шел процесс превращения

епископа в феодального сеньора города, одним из проявлений которого было установление церковной власти над субурбием и «территорией» бывшего муниципия⁸².

* *

Рассмотренный материал, при всей его отрывочности, позволяет сделать следующие заключения:

— начало византийского господства застаёт муниципальную организацию в Равенне в состоянии упадка, который прогрессирует на протяжении VI—VII вв. и приводит к концу VI в. к ее исчезновению;

— преемницей выступает церковь, которая наследует ряд ее функций и полномочий в публично-правовой и имущественной сфере;

— на протяжении всего византийского периода в городах Северо-Восточной Италии сохраняются некоторые традиции, идущие от античных муниципиев, однако они либо носят формальный характер (терминология), либо наполняются новым средневековым содержанием (появление архиепископской курии, распространение церковной юрисдикции на «*civitas* и «*terroto-rium*»).

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

¹ См. напр.: Liebenam W. Stadtverwaltung im Römischen Kaiserreiche. — Leipzig, 1900. — S. 432 flg.

² «Предпосылкой для присвоения земель здесь продолжает оставаться членство в общине», — писал К. Маркс (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — Т. 46. — Ч. 1. — С. 466).

³ «... в городе, территория которого включает в себя окружающую сельскую местность». Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — Т. 46. — Ч. 1. — С. 466. В советской историографии этот вопрос рассматривался Л. А. Котельниковой (См.: Котельникова Л. А. Итальянский город раннего средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма // Средние века. — Вып. 38. 1975. — С. 100—104). См. также: Vercauteren F. Die spatantike civitas im frühen Mittelalter // Die Stadt des Mittelalters. — Darmstadt, 1972. — Bd. 1. — S. 172 flg.

⁴ Слова «муниципий», «муниципальный» применяются здесь в социологическом, а не в узко-юридическом смысле. С точки зрения римского права города Северо-Восточной Италии в римское время делились на *municipia*, *coloniae* и *civitates* (о различиях см.: Marquardt J. Römische Stadtverwaltung. — Darmstadt, 1957. — Bd. 1. — S. 21—69). Однако в социально-экономическом отношении эти поселения отличались друг от друга весьма незначительно, а к эпохе поздней античности различия и вовсе стерлись. В данной работе термин «*municipium*» употребляется для обозначения всех этих категорий поселений. Специально о муниципальном устройстве древней Равенны см.: Duranti F. Lo statuto municipale di Ravenna in eta romana // Felix. — Ravenna, 1964. См. также: Бородин О. Р. Городская курия в Равенне в эпоху раннего средневековья // Проблемы истории античности и средних веков / Под ред. Ю. М. Сапрыкина. — М., 1980. — С. 45—64.

⁵ «Равеннские папирусы» — комплекс записанных на папирусе подлинных деловых актов итальянского происхождения V—VIII вв. из архива Равеннской архиепископии. Публикации: Marini G. Papyri diplomaticae collectae et illustratae dall'abate Gaetano Marini. — Roma, 1805; Tjäder J. — O. Die

Nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445—700 — Lund, 1955. — Bd. I; Bd. II. — Stockholm, 1982. В дальнейшем ссылки даются непосредственно в тексте на фамилию издателя и порядковый номер документа по его публикации, напр.: Marini 116; Tjäder 4—5 etc.
⁶ Greg. Magn. Ep. II 15 (Gregorii Magni Registrum Epistolarum / Ed. P. Ewald. — Berlin, 1891—1899 — T. I—II)

⁷ Ibid. II. 9.

⁸ Ibid. IX, 58.

⁹ Ibid. VIII, 5.

¹⁰ «Summa Perusina» («Перуджанская сумма») — конспект Кодекса Юстиниана, составленный во второй половине VII в. в Италии анонимным юристом и сохранившийся в библиотеке соборного капитула в Перудже. Оpubl.: Adnotationes Codicum Domini Justiniani (Summa Perusina) / Ed. F. Patetta // Bullettino dell'Istituto di Diritto Romano, a. XII. — Roma, 1900. Нумерация статей Кодекса Юстиниана и Summa Perusina совпадает] поэтому при их сопоставлении ссылка дается одновременно на оба памятника. Напр., в данном случае: CJ — Summa Perusina IV. 46.2.

¹¹ В кодексе Юстиниана здесь говорится о продаже имущества любому лицу.

¹² CJ — Summa Perusina I, 54.

¹³ Greg. Magn. Ep. IX. 44; 92; 133; 166.

¹⁴ CJ — Summa Perusina, IV. 1. 15.

¹⁵ Ibid. — VII. 9. 3.

¹⁶ Ibid. — IV. 9. 8.

¹⁷ CJ 1.55.40; XII. 21.8.

¹⁸ CJ 1.8.10; 26.

¹⁹ Удальцова З. В. Италия и Византия в VI в. — М., 1959. — С. 492. Этот абсентизм был, впрочем, официально узаконен (Cth. XII. 2.15). Цит. по кн.: Theodosianilibrum XVI constitutionibus... T. 1—2. Berlin, 1805.

²⁰ Noc. Just. CVIII. 116; LXXV; XV. 2.

²¹ См. подробнее: Lecrivain Ch. Remarques sur le formules du curator et de defensor // Melanges d'archeologie et d'histoire. — Rome, 1884 — T. IV.

²² Greg. Magn. Ep. IX. 44.

²³ Ibid. IV. 92; 133.

²⁴ Ibid. IX. 166.

²⁵ Coch P. Die byzantinischen Beamtentitel von 400 bis 700 / Inaug. — Diss. — Jena, 1903. — S. 58—73; 114—115.

²⁶ Удальцова З. В. Италия и Византия... — С. 495—496.

²⁷ Lecrivain Ch. Op. cit. — P. 59.

²⁸ CJ — Summa Perusina 1.3.16; VII. 40.2.

²⁹ Mochi — Onory S. Vescovi e citta (sec. IV—VI) — Bologna, 1933. — P. 325 sqq.; Orselli A. M. Il santo patrono cittadino: genesi e sviluppo del patrocinio del vescovo nei secoli VI e VIII // Agiografia altomedievale / Ed. S. Beesen Gajano. — Bologna, 1976. — P. 85—104.

³⁰ Greg. Magn. Ep. II. 37; IV. 26.

³¹ CJ — Summa Perusina. IV. 61.10.

³² Ibid. V. 32.1; 34.5—6; 46.1; 75.2; 3; 5; VII. 1. 4. 16. 28.

³³ Greg. Magn. Ep. V. 22 (в Равенну), 1,56; IX. 210 (в Римини), IX, 100 (в Озимо), 1, 58 (в Перуджу).

* Diehl Ch. Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenn (568—751) — Paris, 1888. — P. 106.

³⁵ Greg. Magn. Ep. VII. 42.

³⁶ В более мелких городах, чем Равенна, этот процесс должен был протекать еще скорее. Сведений о куриалах, проживающих в них позже VI в., не сохранилось. Д. Верготтини сообщает, что «последнее прямое упоминание о курии в Истории относится к 571 г. В одной из надписей упомянут «Laurentius vir illustris», т. е. носитель важного куриального титула». (См.:

Vergottini G. Lineamenti storici della costituzione politica dell'Istria durante il Medio Evo. — Roma, 1924. — Т. 1. — С. 28). Автор в данном случае следует за Б. Бенусси: Benussi B. Nel Medio Evo. Pagine di Storia Istriana. — Parenzo, 1897. — Р. 28. Это мнение вызывает возражения. Титул «illustis» был широко распространенным позднеримским и византийским титулом и давался не столько куриалам, сколько представителям высшей служилы и сенаторской знати. (См.: Coch P. Op. cit. — С. 50). Совершенно не обоснована точка зрения югославского археолога Б. Марушича, что в позднеантичное время в Истрии «сложилась единая куриальная аристократия, т. е. горожане, обладавшие значительной собственностью и жившие за счет труда колонов и клиентов, и в этой аристократии первое место занимал епископ» (Marusic B. istra u ranom srednem veku. Archeojosko-povijesni prikaz. Pula, 1960. — С. 9). В истрийских источниках византийского времени полностью отсутствует информация о куриалах.

³⁷ См. об этом: Granzin M. Die Arengen. Einleitungsformel des frühmittelalterlichen Urkunde, Studien zu ihrer Entstehung. Verwendung und kunstmassigen Behandlung / Ihaug. — Diss. — Torgau, 1930. — С. 47—53.

³⁸ Причем в сохранившихся отрывках из «gesta» куриальная магистратура упомянута только один раз (Tjäder 6).

³⁹ Greg. Magn. Ep. II. 15; IX, 58.

⁴⁰ Hirschfeld B. Die Gesta municipalia in romischen und frühgermanischen Zeit. Inaug. — Diss. — Marburg, 1904. — С. 69.

⁴¹ Buzzi G. La Curia arshivescovile e la Curia cittadina di Ravenna dall'850 al 1118 // Bulletin dell'Istituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano. — XXXV. — Roma, 1915. — Р. 7—187.

⁴² Mengozzi G. La città italiana nell'alto medio evo. Il periodo longobardo — franco. — Roma, 1914. — Р. 50.

⁴³ Ibid. — Р. 51. См. также специальную работу: Roberti M. Dei beni appartenenti alle città dell'Italia Settentrionale dalla invasioni barbariche al sorgere dei comuni // Archivio giuridico «Filippo Serafini». — Modena, 1903. — N. 1. — Note 1. — Т. LXX.

⁴⁴ Как «общественный» переводится здесь слово «publicus», которое может означать и «государственный». Однако независимо от официального статуса этого имущества оно фактически находилось в собственности курий, что подчеркивается переводом «общественный».

⁴⁵ «Баварский кодекс» — капитулярный Равеннской архиепископии, содержащий выдержки из документов VII—X вв. Назван по месту хранения (Баварская библиотека в Мюнхене). Опубл.: Fantuzzi M. Monumenti Ravennati di secolo di mezzo. — Venetia, 1801. — Т. 1. — Р. 1—84. Ссылки даются в тексте на номер документа по изданию М. Фантуцци, напр.: БК (т. е. Баварский кодекс — О. Б.) 42, БК 57 и т. д.

⁴⁶ Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis // Scriptores rerum langobardicarum et italicarum / Ed. O. Holder. — Egger-Hannoverae, 1878 — Р. 362.

⁴⁷ Lönig E. Geschichte des Deutschen Kirchenrechtes. — Strassburg, 1878. — Bd. II. — С. 4—5.

⁴⁸ C. Th. XV. 1, 46.

⁴⁹ Agnellus... — Р. 321.

⁵⁰ Ibid. — Р. 359.

⁵¹ Liebenam W. Op. cit. — С. 327.

⁵² Подобное же явление в городах лангобардской Италии отмечала Л. А. Котельникова (Котельникова Л. А. Итальянский город раннего средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма // Средние века. — Вып. 38. — 1975. — С. 106).

⁵³ Agnellus... — Р. 285, 311 etc. Но это была не единственная возможная цель подобных собраний во времена поздней античности. Например, после разрушения остготами Модены (472 г.) жители города («inierunt consilio de restauranda civitate»). Цит. по кн.: Borghi P. La Riconquista Bisantina e vicende posteriori fino alla distruzione di Modena (573—589). — Modena, 1941. — Р. 4.

⁵⁴ На общетальянском материале эта проблема рассматривается в кн.: Magni C. Ricerche sopra le elezioni episcopali in Italia durante l'Alto Medio Evo. — Roma, 1928. — Vol. 11.

См. также: Tamassia N. Chiesa e popolo. Note per la storia dell'Italia precomunale // Archivio giuridico «Filippo Serafini». — NS—Vol. XI (LXX): Fasc. I — Modena, 1903. — Р. 304—306; Bo V. Il ruolo dei fedeli nelle elezioni vescovili tra il V e il X secolo // Idea. — A. 29. — N. 2. — Roma, 1973. — p. 33—39.

⁵⁵ Nov. Theod. XXIII: De locis reipublicae... restituendis.

⁵⁶ «Прагматическая санкция» — основной закон, определявший административно-политическое устройство византийской Италии, принятый императором Юстинианом I в 529 г. Опубл.: Constitutio Pragmatica // Corpus juris civilis — Т. III. — Berlin, 1899. — Col. 798—803. См. о ней: Удальцова З. В. Прагматическая Санкция Юстиниана об управлении Италии // Советская археология. — XXVIII. — 1957. — С. 317—332.

⁵⁷ Const. Pragm. § 12.

⁵⁸ Placitum de Rignano // Manaresi C. I Placiti del «Regnum Italiae». (Istituto storico italiano per medio evo. Fonti per la storia d'Italia — Vol. 1. — A. 776—955). — Roma, 1955. — P. 54.

⁵⁹ Agnellus... — Р. 361—362.

⁶⁰ Ibid. — Р. 370.

⁶¹ Greg. Magn. Ep. III., 54.

⁶² Agnellus... — Р. 352.

⁶³ См.: — С. 8—9.

⁶⁴ Agnellus... — Р. 362.

⁶⁵ Ibid. — Р. 387.

⁶⁶ C. Th. VI. 39.2; VI. 39.5; VIII. 5.23.

⁶⁷ Церковь, естественно, заботилась прежде всего о культовом строительстве. Итальянский исследователь П. Каньони отмечал, что, примерно, к началу VIII в. практически прекратились работы по мелиорации прилегающих к Равенне территорий (осушение почв, дренаж, проведение каналов и надзор за ними и т. п.). См.: Cagnoni P. Le bonifiche della provincia di Ravenna Cenno Storico. — Ravenna, 1925. — Р. 32—33. К этому времени пересыхает канал Fossa Augusta, связывающий город с руслом По и бывший многие годы наиболее напряженной водной магистралью в регионе. Эти явления следует также поставить в связь с исчезновением муниципальной собственности на соответствующие земли и сооружения. Церковь же не считала нужным беспокоиться об их судьбе.

⁶⁸ Greg. Magn. Ep. VII. 42.

⁶⁹ Ibid. IX. 58.

⁷⁰ Agnellus... — Р. 321, 381, 370.

⁷¹ PL. 89. Col. 998 'Stephani II (ep. VI, 77).

⁷² Ibid. Col. 1144.

⁷³ См., напр., CJ XI.31; XI.69; VIII.12.7; VIII.12.2. Tamassia N. Le Associazioni in Italia nel periodo precomunale // Archivio giuridico «Filippo Serafini». — N. 5. — Vol. II (LXI). — Modena, 1898. — P. 136.

⁷⁴ См. об этом: Vasina A. Autonomie cittadine in Romagna // Vasina A. Romagna medievale. — Ravenna, 1970. — P. 142.

⁷⁵ Итальянский историк П. Конти, специально исследовавший вопросы городской обороны раннесредневековой Италии, считает, что эту оборону во все большей степени обеспечивали жители субурбиев, что приводило к постоянному росту городских предместий. См.: Conti P. Limiti urbani ed organizzazione difensiva nell'Italia tardoantica e altomedievale // Storiografia e Storia. Studi in onore di Eugenio Pappalardo. — Roma, 1974. — T. II. — P. 565. Если это верно, то мысль об изменении форм территориальной организации населения по сравнению с античностью получает новое подтверждение.

⁷⁶ См.: Giuliani M. C. Ravenna: ricerche di geografia urbana // Annali di ricerche e studi di Geografia. — A. 14. — N. 2. — 1958. — P. 110. Кон-

фигурация стен Равенны, построенных в V веке, также несколько отличалась от прежней (старые стены были возведены при Тиберии I). См. об этом: Savini G. Mura di Ravenna // *Ibem. Per. i monumenti e per la storia di Ravenna. Note storiche, critiche e polemiche.* — Ravenna, 1914. — P. 244.

⁷⁷ Agnellus... — P. 363.

⁷⁸ Boyd C. E. *Tithes and Parishes in Medieval Italy. The Historical Roots of a Modern Problem.* — Ithaca-New York, 1965. — P. 491 seqq.; Casragnetti A. *L'Organizzazione del territorio rurale nel medioevo. Circoscrizioni ecclesiastiche e civili nella «Langobardia» e nella «Romania».* — Torino, 1979. — P. 14 sqq.

⁷⁹ См.: Diehl Ch. *Op. cit.* — P. 6–23; 81–93 ets.

⁸⁰ См.: Mengozzi G. *Op. cit.* — P. 145–215.

⁸¹ Passio S. Apollenariis // *Acta Sanctorum. Jul. V.* — Antwerpen, 1727. — P. 349.

⁸² На основании ретроспективного использования более поздних материалов к сходному выводу пришел итальянский историк А. Вазина, писавший о том, что «епископии и главные Городские монастыри Романьи добивались важного положения не только в патримониальной сфере, но присваивали себе также политические функции, публичные права и административно-вспомогательные полномочия в городах и на прилегающих территориях ввиду прогрессирующего упадка муниципальных курий, нестабильности германского господства, и, наконец, чужеземного характера власти экзархов». (См.: Vagina A. *Op. cit.* — P. 142); На это же обстоятельство в масштабе всей Западной Европы указывала советская исследовательница А. Л. Ястребицкая (Ястребицкая А. Л. *Основные проблемы истории средневекового города в освещении современной буржуазной историографии* // *Средние века.* — Вып. 48. — 1980. — С. 264). Интересную параллель с данным заключением позволяют провести материалы по истории небольшого торгового городка Комаккьо в дельте По. Комаккьо не был епископским центром. В 715 г. при заключении торгового договора между византийцами и лангобардами главным представителем местного населения выступал священник («presbyter»). См.: Hartmann L. M. *Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens in frühem Mittelalter* — Amalekten. Gotha. — 1904. — S. 123. Таким образом, распространение влияния церкви на различные сферы светской жизни проявлялось в миниатюре в самых мелких городских центрах Северо-Восточной Италии.

УДК 940.1

И. А. Дворецкая (Московский педагогический университет)

ИЗ ПАННОНИИ В ИТАЛИЮ (ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ И ГЕНЕЗИС ВАРВАРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ИТАЛИИ VI—VIII вв.)

Образованию в Италии Остготского, позже Лангобардского королевств предшествовал довольно длительный период пребывания остготов и лангобардов в Паннонии. Остготы пришли на Дунай в конце IV в., лангобарды — в начале VI в. и оставались там вплоть до переселения в Италию. Паннония оказалась самой контактной зоной на Дунае, она аккумулировала переселенческие потоки германских, славянских, дунайских и других народов, двигавшихся с Востока на Запад и с берегов

Эльбы, Одера и Вислы. Из Паннонии открывался наиболее близкий и удобный путь в Северную Италию. Будучи плодородной и богатой страной с высокой агрикультурой и ремесленной техникой, интенсивными формами разведения скота, большой плотностью сельского и городского населения¹, с крупными городами стратегического значения, Паннония представляла собой удобный плацдарм для политической консолидации народов, наступавших на римскую территорию в V—VI вв. Остготская военно-политическая конфедерация усилилась с распадом гуннского племенного союза в середине V в. Остготские короли: братья Валамир, Тиудимир и Видимир — поделили между собой территорию Паннонии, занимаемую остготами, признав гегемонию старшего брата Валамира. Паннонская конфедерация остготов стала расти по мере ослабления гуннов, к ней присоединились другие германские и дунайские народы, сидевшие в тех местах или пришедшие туда вместе с гуннами.

Готские вожди-военачальники начали принимать христианство еще в IV в., преимущественно в форме арианства. Распространению христианского вероучения в среде готов, живших в Причерноморье, на Дунае, в Мезии и Фракии, способствовала деятельность епископа Вульфилы. Он изобрел готский алфавит и перевел на готский язык библию и другие христианские книги. Благодаря федератским отношениям с Византией повышался интерес готских военачальников и их дружинников к принятию обряда крещения. Однако как среди готских королей, так и среди свободных воинов многие еще придерживались языческих верований.

Укрепление королевской власти, политическая консолидация и подготовка к завоеванию Италии вели к упрочению позиции арианской церкви в Паннонской конфедерации остготов, но сложность политической обстановки заставляла остготских королей проявлять известную терпимость к приверженцам языческих обрядов. Языческие традиции дольше удерживались в полиэтнической среде, а крупные политические объединения, возглавляемые в V в. остготскими королями, а в VI в. — лангобардскими, были разнородными. Остготская конфедерация в Паннонии включала в свой состав, кроме паннонских и отчасти фракийских остготов, ругав, гепидов, сарматов, скиров, герулов, славян². Лангобардская — после удачных войн с герулами, а затем с гепидами — увеличилась за счет присоединения разрозненных племенных групп, живших на территории верхнедунайских областей: Норика и Паннонии. В лангобардском войске шли в Италию саксы, паннонцы, норрики, сарматы, славяне, болгары, тюринги, гепиды, герулы, силлинги, свевы словацких областей, руги³. До расселения в Паннонии примерно на рубеже V—VI вв. лангобарды жили между Тиссой и

Дунаем, на землях ругав, были их ближний соседями, так что лангобардский историк Павел Диакон приводит древнегерманское название этой страны как родины ругов — Rugiland. Такие имена лангобардских королей, как Лето, Клаффо, Тато, Вакка (Вахо) явно не германского происхождения, они ближе к имени Само, возглавлявшего славянское княжество в VII в. Предполагают, что дворец лангобардского короля Вакки находился в богемской области, его могли видеть даже в VIII—IX вв.⁴ Близкие контакты лангобардов с ругами и славянами верхнедунайских областей и Истрии прослеживаются на всем протяжении истории Лангобардского королевства. Они обнаруживаются в сюжете рассказа Павла Диокона о своем предке, который бежал из аварского плена и жил в славянском селении, при этом общался с жителями на их языке. Об этом же свидетельствуют такие факты, как служба лангобардской дружины Ильдигиса у славян, обращение фриульских герцогов к славянским вождям за поддержкой в междоусобной борьбе VII—VIII вв. и другие события, связанные с военными походами лангобардских и славянских дружин⁵.

Сосредоточение огромного числа разнородных варварских народов в Норике и Паннонии, в провинциях, расположенных вблизи Италии и на путях, ведущих из Византии в Италию, побудило римское и греко-византийское духовенство к активной миссионерской деятельности в этом регионе. Об активности христианской церкви в пограничных провинциях можно судить по развитию монашеского движения и основанию крупных монастырей в Северной Италии, по развертыванию политической и гражданской деятельности духовенства в городах. Епископы организовывали выкуп пленных, оказывали благотворительную помощь населению, давали средства на строительство укреплений и общественных зданий, осуществляли посреднические функции в переговорах с варварами⁶. Среди христианских проповедников в дунайских провинциях выделяется фигура Северина: его деятельность в Норике была широко известна в клерикальных кругах⁷.

Христианизация остготов в V в. была подготовлена высоким уровнем социального развития и успехами христианизации готских племен в III—IV вв. Христианизация готов в Таврии относится еще к III в. Некоторые готские племена жили на Дунае, на территории римских провинций с III в. (например, тервинги в Дакии с 254 г.), и оказались в сфере влияния христианской церкви Восточной Римской империи. Готский священник Феофил присутствовал на Никейском соборе в 325 г. Иордан сообщает, что в среде остготов проповедовали арианские священники, которых направил к ним император Валент⁸.

В IV в. арианство упорно отстаивало свои позиции на Востоке империи. Если на соборах 325—344 гг. оно было осужде-

но как ересь, то на соборах 351—360 гг. победили ариане. В 359 г. на соборе в Римини (Италия) была разработана богословская концепция арианской церкви. Королевство Германариха в Восточной Европе, вероятно, уже испытало христианское влияние на правящую верхушку остготской знати. Священный трепет перед памятью о короле, решение не ставить другого короля после его смерти, о чем красноречиво рассказывает Иордан, дает основание предполагать обращение главы готского королевства к христианской вере⁹. Деятельность епископа Ульфилы должна была принести успехи в деле обращения готов в христианскую веру.

Только на основе христианизации и усвоения античных традиций могла столь рано появиться готская историография. Исторические труды готских историков Аблавия и Иордана получили лестную оценку одного из видных представителей римской духовной элиты VI в. — христианского писателя Кассиодора¹⁰. Остготская федерация племен в Паннонии и Норике, усилившаяся после падения гуннского господства, принимала христианство в наиболее простой и доступной варварам форме, в виде арианства.

Арианство стало официальной религией Остготского королевства в Италии. Религиозная политика Теодориха отличалась веротерпимостью: закон в равной степени охранял права римской, католической и арианской церкви. В Эдикт короля Теодориха были введены нормы канонического права: о порядке заключения браков (т. XXXVI—XXXVII, XVII—XIX), о праве церкви на вымороченное имущество клириков и посвященных (т. XXVI), о праве на защиту у алтаря (т. LXX, LXXI). Была установлена смертная казнь за совершение языческих жертвоприношений (т. CVIII), (законы сурово преследовали ведовство, магию, чародейство (т. LIV). Последнее запрещение относилось непосредственно к женщинам-соплеменницам: женщина, уличенная в занятиях вредоносной магией, названа по-готски — *aggagula*.

Все, касавшееся особы и действий короля, объявлялось священным¹¹. Сакрализация королевской власти свидетельствует о влиянии христианской церкви на политическую жизнь остготского общества. Римская церковь устами диакона миланской епископской церкви Эннодия (с 514 г. он епископ Павии) прославила остготского короля Теодориха за охрану гражданского правопорядка и правосудия. Панегирик был написан в 507 г., то есть в год обнародования Эдикта короля. Теодорих подтвердил права римской церкви на имущество в диоцезах Милана, Нарбоннской Галлии и других областях Италии¹².

Церковная политика Теодориха стала последовательно благоприятной для римского духовенства, и это объясняется не

только и не столько политическими соображениями короля, сколько намерением утвердить переход остготов к христианству. Благожелательное отношение к римской церкви сочеталось с покровительством арианской. Арианская церковь в Италии даже упрочилась за годы правления остготских королей. Она получала от них земли и привилегии, новые арианские церкви открывались в Риме, в Равенне и ее предместьях¹³. Влияние арианской церкви в Северной Италии было обусловлено политикой остготского правителя и продолжалось около двух столетий. Главной причиной длительного сосуществования католической и арианской церквей в варварской Италии VI—VIII вв. были глубокие религиозные традиции в среде военно-служилой знати и ее дружин, которые принимали обряд крещения от арианских священников, не требовавших отправления сложного культа.

Как ариане пришли в Италию лангобарды, хотя, возможно, некоторые из них принимали обряд крещения по католическому образцу. Во время пребывания лангобардов на Дунае они были известны византийцам как христиане по римскому официальному обряду. По крайней мере, этот аргумент выдвигали их послы на переговорах с византийским императором, прося того о помощи в войне с язычниками-гепидами¹⁴. Но приверженность арианству осталась в среде лангобардов и их союзников на протяжении всего существования Лангобардского королевства, и арианская церковь получила официальное признание в Италии. Другие народы, входившие в состав Паннонской конфедерации, тоже отчасти стали арианами, например герулы и гепиды. Прокопий Кесарийский сообщает, что герулы, теснимые ругами, расселились в Паннонии и приняли христианское учение «насколько могли»¹⁵, следовательно, в более простой форме, соответствовавшей порядкам варварского быта, то есть по арианскому обряду. Когда лангобарды вели переговоры с герульским королем, те и другие призывали в свидетели Бога, «веря, что воля его сильнее всякого человеческого могущества, и Бог определяет исход борьбы»¹⁶. В этой вере бог-заступник в военных предприятиях варваров воспринимался ими по аналогии с великим Одином (Вотаном), языческим покровителем военных дружин. Впоследствии, после официального перехода к католицизму, функцией военного покровителя и патрона лангобардских королей был наделен св. Иоанн¹⁷.

Д. Фазоли и А. Тальяферри относят массовое крещение лангобардов ко времени подготовки похода Альбоина из Паннонии в Италию¹⁸. Христианизация варваров в Паннонии имела важные социальные и политические последствия: она послужила основой укрепления авторитета королей и военачальников, но затронула, главным образом, военно-служилую верхушку

и королевские дружины. Переход от язычества к арианству и обратно, принятие христианства по католическому обряду, отход от христианства официального направления — все эти изменения в религии зависели от политической ориентации военачальника и настроений в войске. Политический интеллект и дипломатическое искусство проявил лангобардский король Альбоин, организовав коллективное крещение на пасху 568 г. За три года до этого события он официально обратился к поддержке арианской церкви, пригласив ко двору арианских проповедников, о чем писал Ницкий епископ франкской королеве в 565 г. Поиски контактов с паннонскими народами и византийским населением дунайских провинций побудили Альбоина придерживаться политики ариано-католического дуализма. По мнению некоторых итальянских историков, лангобардские короли в Паннонии до 548 г. принимали крещение по католическому обряду, хотя официально переход к католицизму произошел позже¹⁹. Убедительным доказательством служит находка в лангобардском некрополе золотого креста с изображением христианской символики: олень, который пьет из сосуда. Не без основания определяют принадлежность находки королю Клефу, который правил лангобардами в Италии после убийства Альбоина (572—574 гг.). О византийском влиянии на стиль и форму креста писал А. Тальяферри²⁰, но во второй половине VII в. этот золотой крест был обновлен: повторная обработка, таким образом, относится ко времени официального перехода к католицизму.

Антивизантийская политика и войны с византийским экзархом в Италии во второй половине VI в., разносторонние контакты с населением завоеванной территории побуждали лангобардскую знать и ее дружины искать поддержку римской церкви. Об успешной деятельности римского духовенства по обращению лангобардов в католическую веру говорит запрет короля Автарита крестить лангобардов по католическому обряду и вспышки арианской реакции при Ротари в начале его правления, а также во время мятежа Алахиса в VII в.

Взаимоотношения лангобардских королей с римской церковью после завоевания Италии были осложнены схизмой по поводу «трех глав» («Tre capitole»). Упорная борьба Византии за сохранение своих владений на Западе усилила политические мотивы религиозного спора и придавала схизме социально-политическое звучание. Папство, ориентируясь на помощь Византии в борьбе с лангобардами, признало осуждение «трехглав». Лангобардские короли тоже из политических соображений, наоборот, проявляли лояльность к сторонникам схизмы и даже поддерживали их, так как те были настроены явно враждебно к реставрации власти византийского императора в Италии. Идея схизмы вряд ли серьезно интересовала лангобардское

правительство, большее значение оно придавало поискам политических союзников в конкретной исторической ситуации²¹. Вместе с тем можно проследить последовательную линию лангобардских королей на сближение с высшим католическим клиром.

Католическая церковь в Лангобардском королевстве имела все условия для укрепления своих позиций и авторитета. За исключением весьма спорной версии Павла Диакона о разграблении церквей и физической расправе с римским духовенством, нет других свидетельств религиозной нетерпимости лангобардов, хотя многие из них оставались язычниками или арианами. Более того, в «Истории лангобардов» обнаруживается иная традиция: о дружеском расположении лангобардских завоевателей к епископам, о проявлениях христианских добродетелей в действиях королей²². Вопреки запрету Автарита крестить лангобардов по католическому обряду, папа в 590 г. советовал епископам быть энергичнее и обращать лангобардов в лоно римской церкви²³.

Свидетельством тесного союза королевской и герцогской власти с епископской церковью является интенсивный рост церковно-монастырского землевладения в лангобардский период, широкая практика основания частных церквей и монастырей, личные семейные связи представителей лангобардской знати и высшего духовенства. Официальное признание католицизма относится ко времени правления короля Агилульфа (591—616 гг.). Папа Григорий Великий приложил немало усилий, чтобы добиться заключения мира между лангобардами и византийцами. Главным средством этой миротворческой политики стало обращение короля Агилульфа и его жены, королевы Теоделинды, к католицизму. Папа лично прислал королеве богословскую литературу, свои собственные сочинения и вел с ней переписку по вопросам религии и политики²⁴. Теоделинда основала вблизи Милана базилику св. Иоанна, пожаловала ей свои дары и крестила там сына Адалоальда²⁵. Лангобардская придворная знать признала своим патроном св. Иоанна и обещала его церкви щедрые дарения²⁶. Лангобардские короли уже в начале VII в. осознали все выгоды ориентации на римскую церковь, и папы давали тому веские подтверждения. Например, в 625 г. папа Гонорий обращается к равеннскому экзарху с требованием выдать для суда епископа, который выступил против короля Адалоальда на стороне узурпатора²⁷.

Переход к католицизму в Лангобардском королевстве совершался на разных уровнях с различной степенью прочности и необратимости акта обращения к новой вере. При дворе лангобардских королей прокатолические симпатии проявлялись ярче, в среде свободных лангобардов, в войске устойчивее

были традиции язычества и арианства. Поэтому точное определение времени полной победы католицизма в Лангобардской Италии невозможно. Ф. Лот, учитывая слабость арианского клира, его малочисленность, считает, что католицизм стал господствующей религией в VII в.²⁸ Л. Мюссе полагает время Теоделинды началом торжества католической церкви²⁹. Правление Ариоальда и Ротари они называют временем «национально-арианской реакции»³⁰. Ж. Декарро и другие относят время утверждения католицизма ко второй половине VII в., о чем судят по отсутствию религиозных преследований³¹.

Несмотря на явные успехи миссионерской деятельности римской церкви в VII в., арианство продолжало оставаться весьма распространенной формой религии в лангобардский период. На раннем этапе формирования государственности арианство проще решало проблему преодоления этнической разобщенности среди варваров, оно вело к преодолению языческой идеологии и обрядности, укрепляло силу патриархальных отношений, веру в божественную природу королевской власти. Этим объясняется неоспоримый факт широкого распространения арианства в кругу военной аристократии³². Лангобардские короли VII в., будучи официально покровителями католической церкви, вынуждены были считаться с влиянием арианской церкви (Агилульф, Годеперт, Гримоальд). В противоположность последним Ариоальд опирался на сторонников язычества и арианства, а Ротари только в конце своего правления отходит от арианства. Принимая во внимание колебания лангобардских королей между католицизмом и арианством, Э. Сестан и Л. Сальваторелли указывают на религиозную индифферентность лангобардов и приписывают им политику отделения церкви от гражданского общества и политической системы³³. Данное суждение можно оспаривать, имея в виду практику королевских дарений церкви и правовую защиту ее интересов в Эдикте Ротари. Политический союз с римским духовенством имел весомые результаты: статус короля поддерживался высшими римскими титулами «Flavius», «Vir excellentissimus»³⁴ представители католического клира переходили на службу к лангобардскому королю и участвовали в проведении политических акций. От этого союза не отказывался и арианский король Ротари, о чем свидетельствовала папская булла 643 г.³⁵. Политическая конъюнктура требовала гибкой религиозной политики, поэтому арианство оставалось признанной правительством формой христианизации лангобардов и их союзников. До VIII в. арианский епископ имел кафедру и купель в Павии³⁶. В свое время папа даже опасался чрезмерного влияния арианских проповедников на Теоделинду³⁷. И во второй половине VII в., когда религиозные различия усугубляли гражданские распри и давали повод к узурпации власти, лангобардские

короли не пошли на формальное запрещение арианства, хотя сами славилась католическим благочестием. В одном из боббианских ритмов создан идеальный образ лангобардского правителя, который является благочестивым католиком, искренне отрицающим арианскую ересь ради утверждения и распространения христианской веры (ритм был написан в 661 г. и посвящен Ариперту I)³⁸. Сторонников арианства было немало в лангобардском войске. Оплотом ариански настроенной знати оставался город Брешиа: здесь более, чем в других областях Северной Италии, поддерживали узурпатора Алахиса, выступив против прокатолической позиции политики Перктарита и Кунинкперта³⁹. В борьбе с королевской знатью военная аристократия играла на приверженности лангобардов язычеству и арианству, короли, наоборот, искали опору в союзе с католической церковью. Павел Диакон рассказывает, что король Кунинкперт бежал в Комо и туда к нему стекались католические священники и клирики, ненавидящие Алахиса и опасавшиеся его угроз уничтожить всех католиков⁴⁰.

Не преодолев влияния языческих традиций и склонности к арианству, королевская власть в VII в. достигла явных успехов на пути превращения католицизма в государственную религию. Католицизм стал официальным направлением и мощным средством идеологического воздействия на подданных. Упрощению основ лангобардской государственности служила христианская идея отождествления благочестия верующего с его чувством глубокой верности и преданности королю. Политический смысл этой идеи раскрывался в божественном предписании всей земной жизнью служить делу короля и защите королевства от внешнего врага. Св. Иоанн был официально объявлен покровителем королевской фамилии и лангобардского войска. Защита святых и христианизация народа воспринимались как залог непобедимости лангобардов⁴¹.

Особенно благоприятной для поднятия престижа католической церкви была религиозная политика Лиутпранда в VIII в. Король вводит в титулатуру лангобардского правителя эпитеты, официально подчеркивающие его католическую ориентацию: «*excellentissimus christianus atque catholicus langobardorum rex*». Надпись на церкви св. Анастасия гласила о росте значения католического духовенства⁴², другая надпись характеризовала правление Лиутпранда в соответствии с воплощением принципов христианской морали: «рука короля простирается для защиты подданных со всей справедливостью и милосердием»⁴³. Епископские церкви Павии и Кремоны находились под личным покровительством короля⁴⁴.

Церковная политика Лиутпранда перерастает узкие рамки частной инициативы и приобретает общегосударственное значение. Законы предписывают следовать христианской вере ка-

толического канона и соблюдать нормы церковного права и христианской морали. Крещение по католическому обряду имеет широкое распространение среди народа. Косвенным доказательством того служит запрещение жениться на куме, крестнице, то есть на тех, кого принимали из св. купели. Запрещение такого осуждаемого церковью брачного союза относилось и к детям крестных и крестников⁴⁵. Был принят запрет на все браки⁴⁶, отвергнутые христианской моралью и римской церковью⁴⁶. Увеличиваются штрафы за нарушение церковных правил посвящения⁴⁷, установлены более суровые наказания за исполнение языческих обрядов⁴⁸, за нарушение права убежища в церкви⁴⁹. Нерадивое отношение к розыску язычников каралось половинной вергельды, а попустительство в этом деле полным вергельдом⁵⁰. Поощрялась продажа гадателей и предсказателей, а должностные лица получали за это вознаграждение в виде полученной от продажи суммы.

Церковь добилась свободы завещаний по мотивам благочестия: за спасение души в случае болезни⁵¹. При данных обстоятельствах необязательным было действие закона об имущественной правоспособности совершеннолетних (завещать церкви могли больные, не достигшие 19 лет)⁵².

Лиутпранд отказался от вмешательства в судебные дела католического духовенства, признав официально⁵³ церковную юрисдикцию и высший авторитет папы⁵³. Источником целого ряда королевских постановлений являются письма главы римской церкви, например, о соблюдении монастырского обета⁵⁴.

Преемники Лиутпранда в основном продолжали церковную политику, направленную на расширение привилегий католической церкви. Королевские дарения церкви известны с начала VII в., в VIII в. они приобретают особый размах. Земельные пожалования считались гарантией прочного союза короля и духовенства, признания верховной власти лангобардского короля. В дарственной грамоте Айстульфа оговорено, что нарушение акта дарения королем освобождает клир монастыря от верности королю и дает формальное основание для перехода под власть византийского императора или другого католического короля⁵⁵. Беневентский герцог Адельхис, подтверждая акт дарения, уповает на молитвы всех церквей, ибо с их помощью можно править достойно, с должной королевской славой, своих молитв для этого недостаточно⁵⁶.

На территории Павии, Брешии, Болоньи, Пистойи, Кремоны в VIII в. было основано много новых церквей и монастырей. Расширили свои владения крупнейшие монастыри Северной Италии: Боббио, Нонантула, монастырь Спасителя в Брешии⁵⁷, Аббатисой последней стала дочь короля Дезидерия Ансельперга. В 763 г. монастырь был освобожден от епископской юрисдикции⁵⁸. Согласно преданию, рядом с колокольной была

погребена королева Анза. В центральном корабле базилики была найдена могила особой значительности, а вход в базилику украшала фреска XI в., на которой видны две фигуры женщин, приносящих милостыню⁵⁹. Вероятно, этот монастырь, основанный Дезидерием в 758 г., стал семейной королевской обителью и находился под защитой королевской власти. Его юрисдикции были подчинены и другие королевские монастыри⁶⁰. В организации главного королевского монастыря прослеживается, попытка создания королевского домена, неприкосновенность владений которого обеспечивалась не только защитой королевского дворца⁶¹, но и авторитетом церковного учреждения. Акты покупки и обмена недвижимого имущества подчинены единой цели собирания земель монастыря в компактную вотчину⁶². Вотчина обеспечивалась рабочей силой королевских рабов, которым разрешалось жениться на ариманках. Все королевские владения и конфискованное королем имущество передавалось в собственность монастыря⁶³. Монастырь имел право взимать торговые пошлины и все подати свободных и зависимых людей в пределах своих владений.

В VIII в. церковь получает в виде королевского пожалования сбор различных налоговых платежей: торговых и портовых пошлин, налогов с государственных мастерских, часть судебных штрафов. Защита имущественных интересов церковных и монастырских вотчин составляет предмет постоянной заботы королевских законов. Юридическую форму имел акт обмена объектов собственности, грамота должна была быть составлена в присутствии должностного лица и представителя церкви⁶⁴.

Расширяется сфера идеологического влияния католической церкви. Епископы играют важную политическую роль не только при дворе лангобардских королей и герцогов, но и в системе управления. Королевское законодательство обращено к лангобардам, которые наравне с римлянами названы католическим народом⁶⁵. Епископ Павии претендует на главенствующее положение в Лангобардском королевстве. Тицинская церковь выходит из-под юрисдикции миланского архиепископа, ее глава получает посвящение непосредственно от папы⁶⁶. Бергомский епископ Иоанн входил в королевский конвивиум Кунинкперта⁶⁷, а Вальпранд, епископ Лукки, участвовал в походе лангобардского королевского войска в 754 г.⁶⁸

Лангобардские короли находят в каноническом праве и христианской догматике обоснование притязаний на верховную власть в государстве. В законах Ратхиса проводится такая идея: кто выступает против бога, тот и против короля⁶⁹. В прологе к королевскому закону 746 г. сказано: «лангобардский народ, христианский и католический, пользуется милостью бога, а короли руководствуются заботой о благе народа», сле-

довательно, в их деятельности воплощена божья воля. Все деяния короля совершаются во славу господ бога, значит, освящены благословением всевышнего. В легенде о бегстве Перктарита в Британию, обработанной в христианском духе, рассказывается, как Перктарит, получив божью весть, решил вернуться и вновь добиваться короны⁷⁰. Лиутпранд в своих постановлениях неоднократно ссылается на волю бога, которая руководит «сердцем лангобардакого короля», приводит изречения апостолов как источник законодательной инициативы, напоминает о предшественниках, которые по воле и внушению бога устраняли лишнее в лангобардских законах и дополняли их новыми, справедливыми и необходимыми. Обновляя законы лангобардов, Лиутпранд уверяет подданных, что делает это согласно указанию господ бога и во славу его, имея целью отвращать народ от заблуждений⁷¹. В прологе к постановлениям 724 г. отождествляются такие понятия, как божья слава, божья милость и общественное благо, ибо «милость бога даруется во славу нашу». Главная побудительная сила и главный критерий оценки всех человеческих деяний — любовь к богу и страх перед ним⁷². Христианская мораль смирения служила теоретическим обоснованием необходимости соблюдать верность своему королю. Законы постоянно внушают мысль о том, что благо жизни заключается в гражданском правопорядке, подчинении властям, которые, в свою очередь, руководствуются принципами правосудия и справедливости. Идейное обоснование лангобардского законодательства свидетельствует об активной роли римской церкви в развитии политической культуры лангобардов.

Под влиянием католических догматов возникает представление о божественном происхождении королевской власти: король — избранник бога и народа, с помощью всевышнего он приходит к вершине власти⁷³. Истинное благочестие проявляется в преодолении нравственных пороков, которые мешают жить в мире и любви к богу и своему королю⁷⁴. Лангобардское законодательство VIII в. насыщено предписаниями христианской морали, осуждавшей насилие, несправедливость к ближнему, страсть к наживе, корыстолюбие⁷⁵. Новые понятия о личной верности и преданности покровителю утверждались путем христианского осуждения клятвопреступлений как тяжкого греха перед богом⁷⁶. Христианский принцип о вознаграждении хорошо служащих рабов используется для обоснования предпочтительного права наследования, которым отмечали послушание доброго сына⁷⁷.

Новые явления социальной жизни находили свое объяснение в христианском толковании поведения человека в обществе. Предписаниями апостола Павла мотивирует Айстульф право церкви на взимание платежей и оброков с вольноотпущенни-

Милано ков, 1963. — *Возобожденных в 19-24 церкви Fasoli завещали. Правот церкви, обоснованное идеей воздаяния за благо свободы, разъясняется лангобардам указанием на равнозначность лангобардскому дарению через лаунегильд (ответный дар)*⁷⁸. Имущественные права в VIII в. определяются в соответствии с церковными законами о браке. Отменяется запрещение осуществлять имущественные права несовершеннолетними, если решается вопрос о вступлении в брак и выплате меты и утреннего дара. Мотивировка нового закона исходит из христианского толкования брачного союза: брак предписан велением бога, поэтому церковь разрешала вступать в брак до совершеннолетия (до исполнения 18 лет)⁷⁹. В осуждении прелюбодеяний аналогичный мотив — внебрачные связи неугодны богу и потому противоречат законам христиан. Считается, что виновный в прелюбодеянии со своей рабыней или альдионкой совращен самим дьяволом и в наказание за грех должен дать свободу мужу той женщины⁸⁰. Вопреки лангобардским законам, беневентский герцог Арегис в конце VIII в. разрешил вдовам вступать в монастырь в первый год своего вдовства, чтобы соблазн внебрачной связи не погубил христианскую душу пороком⁸¹. Несмотря на глубокую христианизацию лангобардского общества, особенно в период развития государственных институтов в VII-VIII вв., языческие традиции и языческая обрядность не были преодолены и религиозные разногласия влияли на обострение социально-политической борьбы⁸². Политика и законодательная деятельность лангобардских королей была направлена к упрочению социального, политического и идейного влияния католической церкви. Христианская догматика и духовная культура стимулировали развитие общественной и правовой мысли, побуждали к искоренению пороков и антигуманных обычаев и пережитков периода военной демократии, вели к нравственному прогрессу варварского общества, к пониманию гражданского правопорядка. Политическая идеология складывалась под непосредственным влиянием христианской этики и церковных канонов, она давала религиозное обоснование союзу королевской власти и христианской церкви, укрепляла позиции королевской власти и государственных институтов. В 50—70-е гг. VIII в. не произошло кардинального поворота в религиозной политике Айстульфа и Дезидерия. Причины падения Лангобардского королевства не могут быть сведены только к религиозным конфликтам, их следует искать в особенностях социально-политического состояния лангобардского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

¹ Werner J. Die Longobarden in Pannonien. — München, 1962. — S. 23—32; Barni G. I Longobardi in Italia. — Novara, 1975. — P. 176; Tagliaferri A. I Longobardi nella civiltà e nell'economia italiana del primo medioevo. —

vita economica e sociale nell'Italia del secolo VII // Caratteri del secolo VII in Occidente — Spoleto, 1958. — Vol. I. — P. 134—151; Fasoli G. I longobardi in Italia — Bologna, 1965. — P. 42, 43.

² Ennod. Paneg. VI. 14.24.26.

³ Pauli Hist. Lang. 1, 20; II.6.8.26; IV. 24; V. 29.

⁴ Schwarz E. Germanische Stammeskunde. — Heidelberg 1956. — S. 194

⁵ Prokop. Bell. Got. III.35.12—22; Pauli Hist. Lang. IV. 24.28.37.44

⁶ Var. Cas. 1.26; II. 8; IV. 31; V. 9.31; IX. 5; XII. 27. Pragm. Sanc' Just. 12. Eugippius. Das Leben des Heiligen Severin / Latein und deutsch Einf. Übers. und Erlaut. von R. Noll. — Berlin, 1963.

⁸ Varcas. 1.26; II. 8; IV. 31;

⁹ Jord. Get. 116—119, 251.

¹⁰ Var. Cas. X. 22.2.

¹¹ Sacra iussio, comitatum sacratissimum... Ed. Theod. LV* Var. Cas. 1.2.1; III. 15; IV. 29.2; VIII. 8.2; X. 16.2; 17.2 VI. 7

¹² Var. Cas. 11.29; IV. 17.26; XII. 13.

¹³ Var. Cas. 1.26; 11.17.

¹⁴ Prokop. Bell. Got. II. 14.9; III. 34.24.

¹⁵ Проконий из Кесарии и Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. — М., 1950. — С. 11, 14, 34.

¹⁶ Там же. — С. 11, 14, 16.

¹⁷ Pauli Hist. Lang. IV. 21.27.47; V. 40.

¹⁸ Fasoli G. I longobardi in Italia... P. 47—49; Tagliaferri A. Op. cit. — P. 48, 49.

¹⁹ Bognetti G. P. S. Maria Portas di Gastelseprio e la Storia Religiosa dei Longobardi. L'età longobarda. — Milano, 1966. — T. 11. — P. 33; Bognetti G. P. Caratteri del secolo VII in Occidente. — Milano 1968. — T. IV. — P. 171.

²⁰ Tagliaferri A. I Longobardi nella civiltà e nell'economia italiana del primo medioevo. — Milano, 1965. — P. 49.

²¹ Bertolini Le chiese longobardo dopo la conversione al cattolicesimo ed i loro rapporti con il papato // K Le chiese nei regni dell'Europa occidentale e i loro rapporti con Roma sino all'800. — Spoleto, 1960 — T. I. — P. 455—492.

²² Pauli II. 12.27; III. 31; IV. 1.

²³ Troya C. Cod. diplom. long. 1.55.

²⁴ Pauli Hist. Lang. IV. 8.9.

²⁵ Pauli Hist. Lang. IV. 21. 22.

²⁶ Pauli Hist. Lang. IV. 21.

²⁷ Troya C. Cod. diplom. long. I. 296.

²⁸ Lot. F. La fin du monde antique et la debut du moyen âge, — Paris, 1951. — P. 337.

²⁹ Musset L. Les invasions. Les vagues germaniques. Paris, 1965. — P. 145.

³⁰ Lot F. Op. cit. — P. 337; Musset L. Op. cit. — P. 145.

³¹ Decarreaux J. Les moines et la civilisation en Occident. — Paris, 1962. — P. 298.

³² Fornier G. L'Occident de la fin du V-e siècle a la fin du IX-e siècle — Paris, 1970. — P. 116.

³³ Sestan E. Italia Medievale. — Napoli, 1967. — P. 34, 35; Salvatorelli. L. L'Italia medioevale. — Verona-Napoli, 1948. — Vol. III. — P. 221.

³⁴ Pauli Hist. Lang. III, 16; Troya C. Cod. diplom. long. I. 246, 277; II. 312.

³⁵ Troya C. Cod. diplom. long. II. 312.

³⁶ Pauli Hist. Lang. IV. 42.

³⁷ Troya C. Cod. diplom. long. I. 113.

³⁸ Troya C. Cod. diplom. long. II. 330. Аналогично Перктарит предстает как «uir pius, fide catholicus» — Pauli V. 34; «tutor et rector, amator ecclesiae» — Troya C. Cod. diplom. long. III. 353.

- 39 Pauli Hist. Lang. V. 36.
 40 Pauli Hist. Lang. V. 38: «...maxime sacerdotibus et clericis, quos omnes Alahis exosas habebait...».
 41 Troya C. Cod. diplom. long. I. 183, 277; II. 301; Pauli Hist. lang. IV. 5. 9; IV. 21; V. 6. 40.
 42 Troya C. Cod. diplom. long. IV. 543.
 43 Ibid. IV, 565.
 44 Ibid. III. 447. 482. 509; Pauli Hist. Lang. VI. 58.
 45 Liut. Leges 34. V.
 46 Liut. Leges 32. III; 33. III; Ahist. Leges 8.
 47 Liut. Leges 30. 1; 95. XII; 76. VII; 100. V; 101. VI.
 48 Liut. Leges 84. 1.
 49 Ibid. 143. I.
 50 Ibid. 85. II.
 51 Ibid. 6. VI.
 52 Ibid. 19. I.
 53 Liut. Leges 30. I.
 54 Liut. Leges 30. I.
 55 Troya C. Cod. diplom. long. IV. 671.
 56 Troya C. Cod. diplom. long. V. 848.
 57 Decarreaux J. Les moies et la civilisation en Occident. — Paris, 1962.
 58 Troya C. Cod. diplom. long. V. 805.
 59 Pinazza G. Ricerche in S. Salvatore di Brescia // Akten zum VIII Internationalen Kongres fur Fruhmittelalterforschung. 1958.
 60 Troya C. Cod. diplom. long. V. 747.
 61 Ibid.: «... ad nostrum sacratissimum defensione habeat palacium...».
 62 Schiaparelli L. Cod. diplom. long. 155, 271.
 63 Troya C. Cod. diplom. long. V. 838, 962.
 64 Ahist. Leges. 16. VII.
 65 Prologi a. 746, a 755; «rex catholicae gentis langobardorum...»
 66 Pauli Hist. Lang. VI. 29.
 67 Ibid. VI. 8.
 68 Schiaparelli L. Cod. diplom. long. 114.
 69 Ratschis Leges I: «...contra deum quaerit agere et contra nos...»
 70 Pauli Hist. Lang. V. 33.
 71 Liut. Prol. a. 728: «... sed dei omnipotenti placendo et nostros de errore tollendo subiectos...»
 72 Ibid. a. 721: «...quaenobis iuxta deorecta conparuerunt...» a. 724: «...credimus quod misericordicordia dei in bono nobis pro hac causa retribuatur, eo quod pro solo dei timore et amore hoc facimus...».
 73 Troya C. Cod. diplom. long. III, 364: «...Elictus gente a Deo ut regeret Langobardorum rebelles conspexit...» Ratschis, a. 746. II: «...prouidentia ad regiminis culmen peruuenimus...».
 74 Liut. Leges 35. VI: «...et ut omnes in pace et gratia dei et regis injure ualeant...».
 75 Liut. Leges 100. V; 119. III; 144. II; Ratschis Prol...; I; 8. IUI.
 76 Liut. Leges 144. II.
 77 Liut. Leges 113.X.
 78 Ahist. Leges 12.III.
 79 Liut. Leges 117.1: «... Nam pro ista coniunctionem, quam deus precepit, absoluimus ut fiat...».
 80 Liut. Leges 140.
 81 Aregi* Princ. Cap. 12
 82 Дворецкая И. А. Формирование политической идеологии в раннефео-
 дальной Италии VII-VIII вв.: Учеб. пос. — М., 1984. — С. 44—53.

УДК 940.1

В. М. Меженин (Нижегородский пединститут)

ХРОНИКА ТИТМАРА МЕРЗЕБУРГСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

Образ современной Европы формировало Великое переселение народов в течение V—VI веков. Затем последовал приблизительно трехсотлетний перерыв между этим этническим процессом и «эпохой викингов», приходящейся на два с половиной столетия (IX — середина XI века). Норманнская экспансия охватывала почти все европейское побережье. Самыми активными из скандинавских викингов были выходцы из Норвегии, сумевшие образовать свои государства на значительных пространствах от Сицилии и Африки до Исландии, Гренландии и Ньюфаундленда. Экспансия датчан охватила меньшую по площади территорию — восточные области переднюю Англию (область Датского права) и Нормандию. Устремления шведов, как известно, были направлены на юг и восток — в славянские земли.

Политическая карта Европы после окончания эпохи Великого переселения народов определялась сложившимися христианским, римско-византийским или «романским» миром (от Британии до Босфора), расположенным к югу от него мусульманским миром и противостоящим этим феодальным государствам варварским миром, включавшим многие племена и народы, в том числе германские и славянские.

Британии историей была отведена роль своеобразного пограничья между названными этническими субстратами. С середины V столетия здесь формируется англо-саксонская этническая общность: немецкие племена англов и саксов, жившие по нижнему течению Эльбы и Везера, и примкнувшие к ним юты покорили Британию. Юты обосновались в -Кенте, англосаксы поселились в северной, а саксы — в южной и средней частях страны. После периода гептархии в истории Британии в 829 г. англо-саксонские королевства были объединены в Англию королем Уэссекса Экбертом (800—839 гг.), при ближайших преемниках которого начались вторжения норманнов из нависшей над Англией через Северное море Скандинавии — *vagina nationum* (утробы народов). Англо-саксы к этому времени уже стали христианами, а север для них был частью языческого прошлого.

В исторической литературе четко детализирован процесс натиска датчан на Англию. Автор вышедшей недавно работы «Эпоха викингов в Северной Европе» Г. С. Лебедев все перипетии натиска норманнов распределил между девятью этапами. Первый, по его мнению, начался с действия небольших

отрядов, нападавших на церкви и монастыри прибрежных районов северной Британии и Ирландии. Внутри этих этапов приведены соответствующие конкретные исторические факты, воспроизводящие весь «сценарий» завоевания датчанами Англии. В 60—90 гг. IX в. было завершено завоевание севера Англии и Ирландии, сложились зоны сплошного заселения скандинавов, область Denloo. При внуке Экберта Альберте Великом (871—899 гг.) отношения с датчанами были стабилизированы — это «Реконкиста Альфреда Великого». Около столетия в стране царил мир и продолжалась полоса спокойного развития. С конца 60-х годов X века норманнский конунг Магнус Харальдсон (969—976 гг.) опустошил Уэльс и вторгся в западные районы Англии. Последовавшая затем серия нападений завершилась в конце X в. согласием английского короля Этельреда выплачивать норманнам дань — Данегельд (Датские деньги). С начала XI в. походы в Англию были наиболее крупным предприятием норманнов, и датский король Свейн покорил всю страну. Англия стала для датчан источником серебра. Данегельд, составлявший в 991 г. 22 тысячи фунтов, при Кэнуте Могучем, добившемся полного контроля над островом и создавшем «империю Канута Великого» (она включала и Норвегию), составлял уже сумму в 80 тысяч фунтов¹.

Финалом же эпохи викингов в Англии было сражение последнего конунга-викинга Харальда Сурового, зятя киевского князя Ярослава Мудрого, против войска англо-саксонского короля Гарольда 25 сентября 1066 года под Йорком, при Стемфордбридже. Харальд погиб в бою². А через три дня, 28 сентября, на берег Англии с кораблей сошли воины нормандского герцога Вильгельма. 14 октября 1066 г. при Гастингсе они разбили победителей Харальда. Этой битвой был положен конец и этапу англо-саксов и эпохе викингов на севере Европы³.

Эта событийная общеисторическая канва воспроизведена здесь с целью определить в ней место ряда эпизодов, которые до современного исследователя донес немецкий хронист Титмар Мерзебургский, живший с 975 г. по 1018 г., не оцененный еще нашими историками. Отпрыск саксонского графа Зигфрида фон Вальбека, родственник императоров саксонской династии, в тридцатичетырехлетнем возрасте ставший епископом Мерзебургским. Написанная им хроника охватывает время от правления Генриха I (919—936 гг.) до смерти Титмара. Хроника — оригинальный источник по истории германо-славянских отношений. Особенно ценными являются седьмая и восьмая части шестой книги, в которых рассказывается о событиях, участником или свидетелем которых был сам автор. Вполне очевидно, что он выступает перед нами как убежденный сторонник сильной королевской власти, полностью оправдывает завоевательную политику по отношению к славянам, демонст-

рирует откровенную враждебность к ним, особенно к полякам. Создается однозначное впечатление, что лицо, облеченное обязанностями, приличествующими духовному сану, в тексте хроники предстает в качестве компетентного политика, часто полностью отбрасывающего в своих рассуждениях религиозные аксессуары. Его политическое кредо основательно анализируется в статье немецкого историка Э. Доннерта⁴. При всей трезвости оценок, выдаваемых современным немецким историком своему соотечественнику, заслуживает внимание высказанная Доннертом уверенность в том, что «в целом данные Титмара достоверны, он пишет на основании действительного знания фактов и старается быть правдивым»⁵.

В более чем двухсотстраничном тексте хроники мерзебургского епископа всего три страницы посвящены датской экспедиции в Англию Свена и походу, его преемника Кнута в 1016 г. с осадой Лондона. Это главы с тридцать шестой по сорок третью седьмой книги хроники. «И — за усердия перед домом господним» автор включил в ткань своих славянских сюжетов материал об англах. Им пришлось, рассказывает Титмар, претерпеть несказанное несчастье от Свена, сына Гаральда, дикого короля данов: платить наложенную на них дань «этими грязными собаками». Они уступили большую часть государства датчанам после гибели или пленения многих англичан. С первых же слов интересующего нас места из хроники мы видим нескрываемое выражение крайне презрительного отношения, к датчанам, как, впрочем, и к славянам. Весьма симптоматичен набор употребляемых автором эпитетов. «Не государь, а губитель был этот человек», «безбожный среди благочестивых, им покоренных»⁶. Приводя некоторые факты из биографии Свена, в частности, восстание против него на родине, пленение и выкуп, Титмар оставил за собой право на утверждение, что «по слухам». Свена за это иногда называли рабом, что возбуждало его неистовую⁷ ярость и против своих, которых он никогда не умел шадить». В этом же духе и заканчивает епископ свою лаконичную, но весьма однозначную характеристику Свена, «Бывшего словно тяжелое бремя для себя и современников», нелецеприятным для викинга резюме: «По божьему решению лишь запоздалая смерть покорила носителя смерти»⁸.

Титмар предпринимает попытку объяснить феномен жестокости и других дурных качеств короля викингов Свена и упомянутого в тридцать восьмой главе седьмой книги еще одного короля по имени Геттрик, воспитанного в монастыре Фердена при местном епископе и ставшего королем, «рабом греха, дитем смерти, отягчающем себя бременем власти». Жестокость и кровавые злодеяния этого народа, по убеждению Титмара, порождает северная природа, а вообще, продолжает он, «никто не смог постигнуть разнообразных явлений северной стра-

ны»⁹. Давая затем читателю обещание уйти от этого сюжета, хронист через две строчки вновь возвращается к «змеиному» отродью, к сыновьям Свена Преследователя. Их Свену родила дочь герцога Мешко, сестра его преемника и сына Болеслава¹⁰. Совершив погребение отцовского тела, привезенного из Англии, братья собрали флот и двинулись, чтобы отомстить англичанам. Трудно сказать, какими источниками пользовался Титмар, описывая эти события, но он отказывается перечислить «традиционные злодеяния, там совершенные», так как не знает о них, а «перо его должно кратко описывать только то, что известно ему самому из достоверных источников»¹¹.

Действительно, рассказ об экспедиции датчан в Англию в 1016 г. (братьев Канута и Гаральда) подан в ином ключе: в нем меньше эмоционально окрашенных нот, которые сопровождают евангельские сентенции, и больше конкретных фактов, весьма подробных и детальных. После Рождества умер английский король Этельред Неразумный (978—1016 гг.), вернувшийся из Нормандии, а в июле к берегам Англии пристали корабли сыновей Свена с ярлом Туркилем на трехстах сорока кораблях, чтобы осадить Лондон, где находились вдова короля, его сыновья, Этельред и Эдмунд, два епископа и остальная знать. Корабли по Темзе подошли к городу¹². На каждом корабле было по восемьдесят человек, общая численность армии в 27200 человек вполне реальная, она согласуется со сведениями о численности норманнских отрядов, совершавших рейды на европейские побережья. Полгода длилась осада Лондона. Начались переговоры, в ходе которых датчане поставили жесткие условия: предать смерти сыновей королевы, взять с нее выкуп 15000 фунтов, за епископов — 12000 фунтов и выкупить всех рыцарей, число которых, как сообщает Титмар, было невероятным — 24000 и предоставить осаждавшим 300 заложников¹³. После долгих размышлений королева согласилась на предложенные условия и поручилась заложниками. К сожалению, эта скорее всего достоверная информация не завершена свидетельствами дальнейшей судьбы Англии — ее завоеванием Кнудом, создателем Северной державы, в которую, кроме Англии, входили Дания и Норвегия. Хронист все же сообщает ряд подробных деталей из событий этой войны: бегство королевских сыновей, сбор ими войска, стычка с отрядом Туркиля, гибель последнего, а также одного из сыновей Этельреда Эдмунда. Затем обе сражавшиеся стороны разошлись, даны вернулись на корабли, убили заложников и бежали. Лондон был спасен, по поводу чего хронист не скрывает своей радости. Вместе с тем он печалится о судьбе персонажа следующего сюжета, заключенного в сорок второй и в сорок третьей главах седьмой книги хроники.

В них епископ-рассказчик, не давая оценки предпринятой

данов с общеполитических и стратегических позиций, вновь с настойчивостью обращается к линии обличения «морских разбойников», представляя нам в данном случае в качестве жертвы насилия викингов епископа Кентерберии Дунстана. Автор в соответствии с четко реализуемой им позицией глубокого пренебрежения к завоевателям-нехристианам сообщает, что они, пленив Дунстана, заковали его в кандалы и, держа светлейшего епископа города Кентерберии в голоде, подвергли невыразимым страданиям¹⁴. Стремление выиграть время для покаяния было, по твердому убеждению Титмара, причиной обещания выкупа неверным. Этот эпизод заканчивается убийством епископа, причиной которого была неукротимая ненависть «крепче железа и камня»¹⁵. Заметим, что в этом эпизоде мы встречаемся, пожалуй, с единственным примером проявления своего рода благородства со стороны викингов. Автор сдержанно сообщает нам о безуспешных попытках предводителя данов Туркиля умерить буйство соплеменников, готовых растерзать епископа — «помазанника божьего»¹⁶. Поправшие справедливость и благородство сразу же наказываются богом: у одного из нападавших сковало все члены. Смерть епископа квалифицируется Титмаром как победа бойца Христова, «одолевшего его презренных преследователей, так как они лишились божьей милости и даже душ своих, как бы они не каялись и не погружались в свои мысли»¹⁷.

Рассмотренный нами пассаж из хроники Титмара Мерзебургского свидетельствует об одном из важнейших эпизодов завоевания Англии норманнами-данами в начале XI в. Этот эпизод Г. С. Лебедев, автор книги «Эпоха викингов в Северной Европе», включил в седьмой и восьмой этапы реконструированной им норманнской экспансии, достигшей наибольших успехов, когда завоевательные акции «конунгов-викингов» приобрели государственно-организованный характер¹⁸. Не обобщая описываемые события в общеисторическом масштабе, Титмар приводит довольно значительное число конкретных фактов, характеризующих важный для Англии период ее исторического бытия — эпоху викингов, и вместе с тем придает особую роль эмоционально-нравственным оценкам при изложении и трактовке совершавшихся событий. Часто, сообразуя поступки людей с нравственно-религиозными принципами, ученый, епископ, по нашему мнению, не встает однозначно на позиции провиденциализма, утверждая в сорок первой главе, что «нам писание запрещает верить в существование судьбы и случая»¹⁹.

Историку, занимающемуся проблемами этнических и политических процессов в Северной Европе, нельзя игнорировать небольшой по объему, но живой и емкий исторический этюд из хроники Титмара Мерзебургского.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. — Л. 1986 — С. 21.
- 2 Там же. — С. 22.
- 3 Там же. — С. 23.
- 4 Доннерт Э. Источники раннего средневековья и программа Титмара Мерзебургского // СВ. — 1965. — Вып. 27. — С. 26—39.
- 5 Там же. — С. 31.
- 6 Thietmari Merseburgensis episcopi Chronicon. — Berlin. — Sa VII 36
- 7 Ibid. VII. 36.
- 8 Ibid. VII. 37.
- 9 Ibid. VII. 38; 39.
- 10 Ibid. VII 39.
- 11 Ibid.
- 12 Ibid. VII. 40.
- 13 Ibid.
- 14 Ibid. VII. 42.
- 15 Ibid. VII. 43.
- 16 Ibid.
- 17 Ibid.
- 18 Лебедев Г. С. Указ. соч. — С. 21.
- 19 Thietmari Merseburgensis. Op. cit. VII. 41.

СОДЕРЖАНИЕ

Старкова Н. Ю. Влияние I Мессенской войны на внутриполитическое развитие Спарты	3
Лаптева М. Ю. Тирания в архаических Эрифрах	11
Строгецкий В. М. Битва при Фермопилах. Легенда и история	16
Ставилюк В. В. Особенности политической борьбы в Афинах в начале V в. до н. э.	26
Коршунков В. А. Религиозные, судебные и политические полномочия афинского Ареопага	37
Самохина Г. С. Иллирийские войны (о принципах римской политики на Балканах в конце III в. до н. э.)	42
Межеричский Я. Ю. Клавдий: историк и император	56
Шапошников В. Н. Мироощущение человека вдали от родины (опыт этнолингвистического анализа литературы)	71
Кочеров С. Н. Стоическая оппозиция в Римском сенате (опыт морального сопротивления тирании)	78
Кобрин К. Р. О. М. Эдварде о римском господстве в Уэльсе	93
Кузнецов Е. В. О Геллеспонте Северном, геллеспонтиках и их соседях. Опыт историко-этнического исследования	96
Бородин О. Р. Эволюция муниципального устройства в северо-восточной Италии в эпоху византийского господства	103
Дворецкая И. А. Из Паннонии в Италию (христианизация завоевателей и генезис варварской государственности в Италии VI—VIII вв.)	128
Меженин В. М. Хроника Титмара Мерзебургского как источник по истории раннесредневековой Англии	143

АНТИЧНОСТЬ И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Межвузовский сборник научных трудов

Ответственный редактор В. М. Строгецкий
Редактор Л. В. Лахтурова
Корректор И. И. Шерстнева

Сводный темплан Минобразования РСФСР, поз. 48.

Сдано в набор 14.10.91. Подписано в печать 20.12.91. Формат 60X90¹/₁₆.
Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,03.
Усл. кр.-отт. 10,56. Уч.-изд. л. 10. Тираж 1000. Заказ 4595. Цена свободная

Нижегородский государственный педагогический институт им. М. Горького,
603600, Н. Новгород, ГСП-373, ул. Ульянова, 1.

Дзержинская типография Нижегородского областного управления
издательств, полиграфии и книжной торговли. 606025, г. Дзержинск,
пр. Циолковского, 15.